

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі
«Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны»

**БЕЛАРУСЬ У ГІСТАРЫЧНАЙ РЭТРАСПЕКТЫВЕ
XIX–XXI СТАГОДДЗЯЎ:
ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ
І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНЫЯ ПРАЦЭСЫ**

Матэрыялы Рэспубліканскай
навуковай канферэнцыі

(Гомель, 26 кастрычніка 2023 г.)

Гомель
ГДУ імя Ф. Скарыны
2023

УДК 94:39:323.1(476)“18/20”

Беларусь у гістарычнай рэтрэспектыве XIX–XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі (Гомель, 26 кастрычніка 2023 г.) / рэдкал. : А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2023. – 210 с.

ISBN 978-985-577-987-3

У зборніку прадстаўлены матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі «Беларусь у гістарычнай рэтрэспектыве XIX–XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы», якая адбылася ў УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны» 26 кастрычніка 2023 г. Разгледжаны разнастайныя аспекты палітычнай, сацыяльнай і канфесійнай гісторыі Беларусі, асвятляюцца праблемы нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, надаецца ўвага разгляду этнакультурных працэсаў у мінулым і сучаснасці.

Адрасаваны навукоўцам, аспірантам, студэнтам, краязнаўцам, настаўнікам.

Матэрыялы канферэнцыі выдаюцца ў адпаведнасці з арыгіналам, падрыхтаваным рэдакцыйнай калегіяй, пры ўдзеле выдавецтва.

Рэдкалегія:

А. Р. Яшчанка (гал. рэд.), С. А. Чаропка,
М. І. Старавойтаў, Дз. М. Талочка

ISBN 978-985-577-987-3

© Установа адукацыі Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны», 2023

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

В процессе становления и развития политико-правового института парламентаризма в Республике Беларусь можно выделить несколько этапов. Основанием периодизации является уровень воплощения в жизнь принципа разделения властей и разделение полномочий между исполнительной властью (в лице президента) и законодательной властью (Парламентом).

1 этап – 1989–1994 гг. – поиск оптимальных форм государственного устройства.

В принятой 27 июля 1990 г. Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь, закреплялись положения о народном суверенитете и Верховном Совете как о верховном органе власти, выступающем от имени народа, а также декларировалось введение принципа разделения властей, как неотъемлемой части построения правового государства. Данные нормы были закреплены Законом «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь» от 27 февраля 1991 г. Закон от 25 августа 1991 г. придал Декларации о государственном суверенитете силу Конституционного закона.

В это же время в Республике Беларусь начала оформляться многопартийная система: в октябре 1988 г. был сформирован организационный комитет по образованию Белорусского Народного Фронта, (главный политический оппонент КПСС-КПБ), в 1990 г. создана Объединенная демократическая партия Беларуси (первая новая политическая партия). К 1994 г. в Республике Беларусь насчитывалось 24 партии. 4 марта 1990 г. в Верховный Совет XII созыва прошли первые свободные парламентские выборы на альтернативной основе.

Одним из центральных вопросов данного периода был институциональный упадок и поиск путей выхода из кризиса.

Часть политической элиты считала, что необходимо сделать выбор в пользу континентально – европейской парламентской модели, так как: во-первых – парламентская республика обеспечивает подлинную демократию; во-вторых – существуют исторические традиции сословного представительства времен ВКЛ; в- третьих – существует опасность возврата к авторитарному режиму ввиду слабости демократических традиций; в – четвертых – есть вероятность конфликта между исполнительной и законодательной властями.

Сторонники президентской формы правления приводили следующие аргументы: социальная апатия и недоверие населения к политикам и органам государственной власти, слабость партийной системы приведут к формированию Верховного Совета, неспособного сформировать устойчивое и эффективное коалиционное правительство; для парламентской республики характерной является гражданская политическая культура, в то время как для основной массы населения Республики Беларусь присуща подданническая.

Еще одним вопросом, требующим решения, являлся вопрос о структурном преобразовании Верховного Совета и его профессионализация.

2 этап – 1994–1996 гг. Данный период характеризуется растущей политизацией парламента, которая вскоре начинает превалировать над его законодательной деятельностью. Верховный Совет, который с 1990 г. располагал монополией на власть, продолжал бороться за сохранение своих полномочий. Согласно ст. 79 Конституции Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 г., Верховный Совет Республики Беларусь - высший представительный постоянный и единоличный законодательный орган государственной власти. Его обширные полномочия закреплялись ст. 83 [2]. Статья 54 закона «О Верховном Совете Республики Беларусь» закрепляла положение о том, что не только законы, но и постановления Верховного Совета являются обязательными для исполнения на территории республики. За период своей деятельности Верховный Совет XII созыва принял 1571 законодательный акт: 351 закон и 1220 постановлений. Глава государства утрачивал право вето, так как постановления подписывались Председателем Верховного Совета. В то же время вето Президента на принятые законы преодолевалось в 100 % случаев.

3 этап – 1996–2022 г. характеризуется усовершенствованием конституционных механизмов регулирования отношений ветвей власти и их, бесконфликтным взаимодействием.

Согласно изменениям и дополнениям Конституции, принятым на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. «Парламент – Национальное собрание Республики Беларусь является представительным и законодательным органом Республики Беларусь», изменилась его структура: Парламент состоит из двух палат – Палаты представителей (представляет интересы всех граждан Республики Беларусь) и Совета Республики (обеспечивает территориальное представительство) (ст. 90) [3].

Практика работы Национального собрания в данный период показала, что Парламент наделен такими качествами как самостоятельность в системе разделения властей; высокий уровень полномочий

парламента при решении вопросов государственного управления; деятельность депутатов парламента на профессиональной основе; определенные формы и методы работы законодательного органа.

Особенностью данного периода является падение интереса к деятельности политических партий. До 2023 г. в Республике Беларусь существовало 15 политических партий, однако они характеризовались малочисленностью состава и аморфностью, а их представленность в Палате представителей была несущественна: II созыв – 16 депутатов от 7 политических партий; III созыв – 13 депутатов от 4; IV созыв – 7 депутатов от 2; V созыв – 5 депутатов от 3; VI созыв – 16 депутатов от 5; VII созыв – 21 депутат от 5 [1, с. 5]. Поскольку в Республике Беларусь не сложилась развитая структурированная партийная система, особое место заняли общественные объединения, среди которых одна из ключевых позиций принадлежит профсоюзам.

4 этап – 2022 г. – по настоящее время, связанный с внесением изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь и совершенствованием практики реализации принципа разделений властей. В рамках обновления Конституции произошло преобразование народного представительства. Согласно ст. 89 высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь, определяющим стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающим незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие является Всебелорусское народное собрание (ВНС) [4].

Конституция и Закон «О Всебелорусском народном собрании» наделяют его *контрольными полномочиями*: правом заслушивать Премьер-министра о выполнении программы социально-экономического развития, а также участием в процедуре импичмента Президента; *полномочиями в сфере государственного управления*: по предложению Президента, предварительно согласованному с Президиумом ВНС избирает Председателя и судей Конституционного Суда, Председателя и членов Центральной избирательной комиссии и освобождает их от должности; *полномочиями в военной сфере*: по предложению Президента принимает решение о возможности направления военнослужащих, за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллективной безопасности и деятельности по поддержанию международного мира и безопасности; и др. Являясь высшим представительным органом, ВНС надделено *правом законодательной инициативы*. Как высший представительный орган народовластия в государстве надделено правом рассмотрения вопроса о легитимности выборов.

Обновленная Конституция усилила реализацию принципа разделение властей через решение о несовместимости мандатов: не только члены Совета Республики, но и депутаты Палаты представителей не могут быть одновременно членами Правительства (ст. 92); ограничение права Президента издавать декреты как законодательные акты. Произошло расширение контрольных полномочий Национального собрания Республики Беларусь через право ежегодно заслушивать информацию Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности. Усиливается роль Парламента в решении кадровых вопросов. Срок полномочий Парламента увеличен – с 4 до 5 лет (ст. 93), ст. 95 закрепляет проведение одной сессии (вместо двух). Данные изменения будут содействовать повышению системности работы законодательного органа [4].

Стоит обратить внимание на то, что политико-правовой институт парламентаризма существует при условии функционирования гражданского общества. Закон «Об основах гражданского общества среди ключевых задач взаимодействия государственных органов и гражданского общества закрепляет повышение вовлеченности гражданского общества в управлении делами государства, организацию конструктивного взаимодействия государственных органов и гражданского общества, направленного на укрепление доверия к институтам государственной власти; учет общественного мнения и законных интересов граждан при осуществлении государственной политики, достижение общественного консенсуса по ключевым вопросам развития Республики Беларусь и др. [5]. В соответствии с Законом Министерством юстиции принято решение об отнесении к субъектам гражданского общества, имеющим право на взаимодействие с государственными органами: Республиканское общественное объединение «Белая Русь»; Белорусское общественное объединение ветеранов; Общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи»; Общественное объединение «Белорусский союз женщин»; Федерацию профсоюзов Беларуси.

Закон «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений», принятый 14 февраля 2023 г. предусматривает изменение условий создания и деятельности политических партий. В соответствии с законом перерегистрацию прошли Либерально-демократическая партия Беларуси, Коммунистическая партия Беларуси, Республиканская партия Труда и справедливости. 2 мая 2023 г. была зарегистрирована политическая партия «Белая Русь».

Таким образом, в процессе институционализации политико-правового института парламентаризма в Республике Беларусь на рубеже XX–XXI веков можно выделить 4 этапа: 1) 1989–1994 гг.; 2) 1994–1996 гг.; 3) 1996–2022 гг.; 4) 2022 г. – по настоящее время. Практика функционирования данного политико-правового института показывает, что не существует единой универсальной модели, в каждом государстве он развивается собственным уникальным образом под влиянием множества факторов. Современный белорусский парламентаризм имеет ряд особенностей определяемых спецификой исторических традиций.

Список использованных источников и литературы

1. Абраменко, Е. Г. Парламентаризм в Республике Беларусь: направления развития // Е. Г. Абраменко // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско – гуманитарные науки: сб. науч. ст. РИВШ: Минск. – 2020. – Вып. 19. – С. 3–12.

2. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс] : прынята на трынаццатай сес. Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь дванаццатага склікання 15 сак. 1994 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda/index.php#1994>.

3. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda-sa-zmyanennyami-i-dapa-nennyami2022/index.php#1994-4>.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda-sa-zmyanennyami-i-dapa-nennyami-/index.php#1994-2>.

5. Об основах гражданского общества [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь 14 фев. 2023 г. № 250-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300250>.

А. М. Аксёнаў

**ГІСТОРЫЯ СПАЖЫВЕЦКАЙ КААПЕРАЦЫІ Ў КАНТЭКСТЕ
НАЦЫЯТВОРЧЫХ І ДЗЯРЖАЎНА-ПАЛІТЫЧНЫХ
ПРАЦЭСАЎ БЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА
(КАНЕЦ ХІХ – ПЕРШАЯ ПАЛОВА ХХ СТАГОДДЗЯ)**

Гісторыя нацыятворчых, нацыянальна-дзяржаўных працэсаў на беларускай зямлі шматгранная, рознабаковая і складаная як для вывучэння, так і для аналізу. Яна будзе яшчэ доўгі час дапаўняцца новымі фактамі, меркаваннямі, вывадамі і абагульненнямі. І галоўнай мэтай даследчыкаў заўсёды будзе заставацца стварэнне найбольш поўнай і аб’ектыўнай карціны доўгіх па часу і складаных па зместу працэсаў нацыяўтварэння і нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва. На думку аўтара артыкула, важнае месца ў гісторыі нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва беларусаў займае спажывецкая кааперацыя.

За больш чым паўтараВекавы час свайго існавання спажывецкая кааперацыя прайшла вялікі шлях ад першай кааператыўнай лаўкі ў сярэдзіне 19 стагоддзя да шматгаліновай сістэмы Белкаапсаюза ў сучаснай Рэспубліцы Беларусь. Яна перажыла складаную але багатую на падзеі гісторыю, з’яўляецца старэйшай у краіне грамадска-эканамічнай арганізацыяй. Разам са сваім народам, будучы часткаю яго, адолела дзве сусветныя і грамадзянскую вайну, выпрабаванні “ваенным камунізмам” і “новай эканамічнай палітыкай”. Вялікая праца за плячамі кааператараў па адбудове і аднаўленню сістэмы кааператыўных арганізацый у Заходняй Беларусі пасля яе ўз’яднання з Беларускай ССР у верасні 1939 года. Кааператары былі актыўнымі ўдзельнікамі будаўніцтва сацыялістычнага грамадства ў міжваенны час, зрабілі значны ўнёсак у пасляваеннае развіццё рэспублікі. Ў перыяд “халоднай вайны” і існавання “жалезнага занавесу” вакол СССР спажывецкая кааперацыя не толькі выконвала важную сацыяльна-эканамічную місію ў краіне, яна стала адным з шляхоў пастаяннай сувязі з Міжнародным Кааператыўным Альянсам (МКА) і сусветнай супольнасцю. Таксама складана ўявіць цяжкую працу ў краіне па пераадоленню і мінімізацыі наступстваў Чарнобыльскай катастрофы без удзелу сістэмы Белкаапсаюза.

Кааператарам Беларусі ўдалося не толькі стварыць эфектыўны гаспадарчы механізм, унікальную шматгаліновую эканамічную сістэму. На працягу дзесяцігоддзяў яны захоўвалі асновапалагаючыя прынцыпы і каштоўнасці міжнароднага кааператыўнага руху, кааператыўную ідэалогію, заставаючыся самым дэмакратычным грамадска-гаспадарчым аб’яднаннем краіны. І ў сучаснай Рэспубліцы Беларусь кааператыўныя ідэі і прынцыпы поўнасьцю супадаюць з ідэалогіяй і традыцыямі бела-

рускай дзяржаўнасці. Белкаапсаюз, спажывецкая кааперацыя сталі неад’емнай часткай як сацыяльна-эканамічнай мадэлі дзяржавы, так і важным суб’ектам фарміруючайся грамадзянскай супольнасці.

Вывучэнне традыцый дзяржаўнасці, сацыяльна-эканамічнай і грамадска-палітычнай гісторыі, нацыянальна-культурнага будаўніцтва на беларускай зямлі немагчыма ўявіць без асмыслення ролі і значэння кааператыўнага руху Беларусі як сёння, так і ў рэтраспектыве. Гэта вельмі важна для аб’ектыўнага паказу ўсіх этапаў фарміравання беларускай нацыі і будаўніцтва нацыянальнай дзяржаўнасці.

Так склалася гістарычна, што працэсы выпявання беларускай нацыянальнай ідэі і пачатак нараджэння беларускай нацыі супалі па часу з узнікненнем першых спажывецкіх таварыстваў і іх саюзаў. Першая ў Беларусі кааператыўная лаўка з’явілася на прыканцы 1869 года ў калысцы беларускай дзяржаўнасці Полацку. Яна была адчынена рачнікамі-воднікамі на Заходняй Дзвіне, якія намагаліся палепшыць сваё сацыяльна-эканамічнае становішча шляхам стварэння кааператыўнага таварыства “Якар”. Паступова кааператыўны рух набіраў сілу і распаўсюджваўся па ўсёй тэрыторыі Беларусі [1].

Пасля Першай расійскай рэвалюцыі 1905–1907 гадоў, нягледзячы на яе няўдачу, ў беларускім рэгіёне назіраецца паступовая актывізацыя нацыянальнага руху, расце эканамічная актыўнасць насельніцтва. Гэтам спрыялі зараджэнне парламентарызму ў час рэвалюцыйных падзей, распачатая мадэрнізацыя дзяржаўнага ладу і буржуазныя пераўтварэнні ў Расіі. На 1913 год насельніцтва Беларусі складала 6,9 млн чалавек, з якіх 14,3% пражывала ў гарадах.

Прыкладна з 1911 года на тэрыторыі Беларусі актывізаваўся працэс рапаўсюджвання кааператыўнай ідэалогіі, які суправаджаўся лічбеным ростам спажывецкіх кааператываў ва ўсіх рэгіёнах, павелічэннем колькасці кааператараў-пайшчыкаў і спробамі ўтварэння кааператыўных аб’яднанняў. З пачаткам Першай сусветнай вайны, ва ўмовах абвастрэння эканамічнага крызісу ў Расіі, гэта тэндэнцыя ўзмацнілася. Менавіта ў гэты перыяд у розных рэгіёнах Беларусі назіраюцца спробы аб’яднання кааператываў спажывцоў у саюзы. Спажывецкая кааперцыя набывае рысы “народнай”.

У пачатку чэрвеня 1917 года ўдзельнікі першага Мінскага агульнагубернскага з’езду прадстаўнікоў кааператыўных таварыстваў заснавалі “Саюз спажывецкіх таварыстваў Менскага раёна”, які і паклаў пачатак стварэнню Белкаапсаюза. Органамі кіравання створанага аб’яднання сталі Сход упаўнаважаных, Праўленне і Кантрольны савет. Старшынёй праўлення быў абраны П. Т. Рудэнка. А дзень утварэння Саюза – 22 чэрвеня 1917 года – лічыцца датай заснавання Белкаапсаюза.

Прынятыя пасля Лютаўскай рэвалюцыі Часовым урадам 21 чэрвеня і 1 жніўня 1917 года два законы “Аб рэгістрацыі таварыстваў, супольнасцей і саюзаў” і “Аб з’ездах прадстаўнікоў кааператыўных устаноў” стварылі больш магчымасцей для рэгістрацыі новых кааператываў, пашырэння унутрыкааператыўнай дэмакратыі, аб’яднання кааператараў у саюзы. Перыяд з лютага да кастрычніка 1917 года быў самым спрыяльным і дэмакратычным з пункту гледжання свабоды кааператыўнага будаўніцтва. Перашкод з боку дзяржавы не было, стрымлівала гэты працэс толькі вайна. Існуе дастаткова падстаў лічыць, што пры захаванні рыначнай мадэлі эканомікі ў Расіі і далейшым ходзе дэмакратычных пераўтварэнняў у краіне без рэвалюцыйнага выбуху ў кастрычніку 1917 года, кааператыўнае будаўніцтва на беларускіх землях магло развівацца па ўзору заходнееўрапейскіх краін і набыць шырокі размах.

Прыход да ўлады бальшавіцкага кіраўніцтва ў Кастрычніку 1917 года не перапыніў працэс росту колькасці арганізацый і пайшчыкаў ва ўжо створаным Саюзе. На канец 1917 года ён налічваў 118 спажывецкіх таварыстваў з 40 091 членам-пайшчыкам і імкліва ўзросшымі эканамічнымі паказчыкамі вынікаў дзейнасці. Трэба адзначыць, што многія кааператыўныя лідэры як у Беларусі, так і па ўсёй Расіі, не прынялі кастрычніцкі пераварот і не спышаліся супрацоўнічаць з савецкай уладай. У першы час бальшавіцкае кіраўніцтва таксама насцярожана адносілася да спажывецкааперацыі, не гатова было вызначыць яе лёс і ролю пры пераходзе да камуністычнага грамадства.

Можна зрабіць вывад, што ў дакастрычніцкі час беларуская спажывецкая кааперацыя перажывала перыяд станаўлення, узнікненне і дзейнасць спажывецкіх таварыстваў была неад’емнай складаючай сацыяльна-эканамічнага і грамадска-палітычнага жыцця беларускага рэгіёна. Інакш кажучы, шматбаковы працэс нацыятворчасці беларускага народа канца XIX – пачатку XX стагоддзя ўключаў і кааператыўнае будаўніцтва.

Спажывецкія таварыствы дарэвалюцыйнай эпохі выконвалі не толькі сацыяльна-эканамічную функцыю, накіраваную на палпшэнне, аптымізацыю забеспячэння таварамі, прадуктамі і паслугамі членаў-пайшчыкаў. З часу ўзнікнення, прыкладна з 1980-х гадоў, яны сталі грамадскімі аб’яднаннямі, актыўна праводзячымі культурна-асветніцкую работу з насельніцтвам. На жаль, звесткі пра гэты бок дзейнасці кааператараў дарэвалюцыйнай эпохі дастаткова абмежаваныя. Нагадаем, што як раз у гэты час ішоў да завяршэння працэс высявання беларускай нацыянальнай ідэі і фарміравання беларусаў як нацыі. У 1906 годзе ўбачылі свет нумары часопіса “Гоман”, а з 1906 года пачалося выданне беларускіх газет “Наша доля” і “Наша ніва”. Такім чынам, нацыятворчы працэс на тэрыторыі Беларусі супадае з пачаткам культурна-асветніцкай дзейнасці спажывецкай кааперацыі.

Вядома, што ў Магілёўскім спажыўтаварыстве, пачаўшым работу з 1901 года і аб'ядноўваўшым «лиц двух полов христианского вероисповедания», са сродкаў кааператыва аплочвалася вучоба ў духоўнай семінарыі, навучанне дзяцей з ліку збяднелых членаў-пайшчыкаў, барацьба з заразнымі хваробамі [2, с. 14]. А ў вёсцы Ліскава той жа Магілёўскай губерні, як паведамляла напярэдадні Першай сусветнай вайны (кастрычнік 1913 г.) беларуская газета «Наша ніва», «крестьяне живут совсем по заграничному. Это, наверное, по всей России единственная деревня, где жители пользуются всеми культурными преимуществами, которые может дать кооператив. Жители имеют продовольственный магазин, маслобойню, помещение для детей, библиотеку. Имеется также кооперативная баня, прачечная и булочная» [3].

У чэрвені 1917 года на Агульнагубернскім кааператыўным з'ездзе ў Менску, з якога пачынаецца адлік гісторыі Белкаапспюза, быў створаны культурна-асветніцкі аддзел. З дадзенай паздеі можна весці гаворку пра арганізацыю і ажыццяўленне беларускай спажыўкаапрацыяй сістэматычнай грамадска-масавай і культурна-асветніцкай работы. Па меры развіцця кааператыўнага руху пашыраліся формы, віды і метады гэтай работы. Уставы многіх таварыстваў утрымлівалі спецыяльныя раздзелы, прсвечаныя гэтаму накірунку работы. У 1917–1918 гадах у шэрагу саюзаў спажыўтаварыстваў было арганізавана выданне ўласных газет, бюлетэняў, брашур, кніг па кааперацыі. Культурна-асветніцкая работа многіх саюзаў (Рэчыцкага, Быхаўскага) ўключала ў гэты час работу таварыства «Народны дом», дзе дзейнічалі бібліятэка, тэатр, школа для дарослых, клуб. Рабіліся першыя крокі па арганізацыі драматычных гурткоў і пастановак спектакляў у вёсках. Пашыраўся кніжны гандль.

У міжваенны час, у эпоху Беларускай ССР, спажывецкая кааперацыя стала важнай складаючай як савецкага народна-гаспадарчага комплексу, так і буйнейшай грамадска-гаспадарчай шматгаліновай сістэмай. Яна адыграла значную ролю ў нацыянальна-дзяржаўным будаўніцтве і завяршэнні кансалідацыі беларускай нацыі.

На думку аўтара, тэма узделу сістэмы спажывецкай кааперацыі Беларусі ў нацыяўтваральных працэсах і нацыянальна-дзяржаўным будаўніцтве на розных этапах, з другой паловы 19 стагоддзя да сучаснасці, патрабуе далейшага вывучэння і асвятлення ў навуковай літаратуры і падручніках па гісторыі беларускай дзяржаўнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Аксёнов, А. Н. Потребительские кооперативы Беларуси: зарождение и развитие // Потребительская кооперация, 2016, № 4. – С. 3–7.

2. Отчет о деятельности Могилёвского потребобщества за 1903 г. – Могилёв. – 1904. – 25 с.

3. Кааператыўная вёска // Наша ніва. – 1913 (№42), 17 кастрычніка.

Я. А. Бодрыкаў

**ДАБРАЧЫННАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ПРАДСТАЎНІКОЎ
МЯСЦОВАЙ АРЫСТАКРАТЫ І ДВАРАНСТВА
ПА ПАДТРЫМЦЫ ПАЦЯРПЕЛЫХ АД ВАЙНЫ
НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У 1914–1917 ГАДАХ**

Першая сусветная вайна прывяла да катастрофічных наступстваў для значнай колькасці насельніцтва беларускіх губерняў. За перыяд вайны мільёны жыхароў заходніх тэрыторый Расійскай імперыі сталі бежанцамі. Сотні тысяч мужчын былі мабілізаваны ў Рускую імператарскую армію, многія з якіх вярнуліся з вайны цяжка хворымі або знявечанымі. Акрамя таго, для большасці сем'яў вайскоўцаў іх мабілізаваны сваяк быў галоўным або нават адзіным працаздольным мужчынам, што адмоўна ўплывала на эканамічны стан гаспадарак такіх сем'яў. Дзяржаўныя органы і ўстановы былі не ў стане самастойна аказаць неабходную дапамогу ўсім пацярпелым ад вайны, таму ўлады падштурхоўвалі да добрачыннасці прыватныя арганізацыі, інтэлігенцыю і мецэнатаў. Традыцыі добрачыннасці і сацыяльнай апекі адносна пацярпелых ад ваенных канфліктаў, пажараў і прыродных стыхій былі характэрнымі як для заможных слаёў Расійскай імперыі ўвогуле, так і для арыстакратыі і часткі дваранства беларускіх губерняў у прыватнасці, што знайшло сваё адлюстраванне ў перыяд Першай сусветнай вайны.

Азначаная праблематыка часткова знайшла сваё адлюстраванне ў работах беларускіх даследчыкаў пачатку XXI ст. У прыватнасці, асобныя прыклады аказання дапамогі бежанцам з боку прадстаўнікоў дваранства беларускіх губерняў адзначыў у сваёй манаграфіі па міграцыі беларускага насельніцтва В. Р. Карнялюк [7]. У артыкулах А. Я. Верамейчык асвятляецца добрачынная дзейнасць прадстаўнікоў роду Радзівілаў, у прыватнасці князя А. А. Радзівіла [5–6]. Пытанне дапамогі дваранства сем'ям мабілізаваных закранаецца ў сумесным даследаванні В. В. Васіленкі і яго расійскай калегі У. М. Усцінавай [4], а таксама ў артыкулах Я. А. Бодрыкава [2–3].

Для насельніцтва і ўладаў беларускіх губерняў у перыяд Першай сусветнай вайны асаблівую вастрыню набыло пытанне сацыяльнай

дапамогі бежанцам. Вымушаныя перасяленцы мелі патрэбу не толькі ў часовым прыстанішчы або працаўладкаванні, але і ў такіх простых рэчах, як рэгулярнае харчаванне і цёплая вопратка. Істотную дапамогу бежанцам у гэтых пытаннях аказвалі прадстаўнікі арыстакратыі і дваранства беларускіх губерняў. Ужо ў 1914 г. некаторыя памешчыкі пачалі размяшчаць у сваіх уладаннях і ўтрымліваць за ўласны кошт бежанцаў. Так у кастрычніку 1914 г. уласніца маёнтка Азярцы Аршанскага павета Магілёўскай губерні С. М. Газдзіцкая звярнулася з просьбай да начальніка станцыі Талачын аб апавяшчэнні бежанцаў з Варшавы аб тым, што ў яе маёнтку маецца памяшканне для пражывання 30 бежанцаў, якіх яна гатова размясціць [9, арк. 8]. У гэты ж перыяд уласнік маёнтку Горнае Чарніхава Навагрудскага павета Мінскай губерні Я. Рдултоўскі адкрыў пункт харчавання для бежанцаў на 500 порцый штодзённа [7, с. 69]. Падобныя прыклады сустракаліся і на тэрыторыі іншых паведаў беларускіх губерняў.

Яшчэ адной формай дапамогі бежанцам з боку арыстакратыі і дваранства стаў удзел у дзейнасці дабрачынных арганізацый або ахвяраванне на карысць такіх арганізацый грашовых сродкаў. Шмат прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя ўдзельнічала ў працы губернскіх і павятовых аддзяленняў Камітэта Яе Імператарскай Высокасці Вялікай Княжны Таццяны Мікалаеўны для аказання часовай дапамогі пацярпелым ад ваенных дзеянняў (шырока вядомага пад назвай «Таццянінскі камітэт»). На кіруючыя пасады ў мясцовых філіялах часцей за ўсё прызначаліся прадстаўнікі мясцовай улады, у тым ліку павятовыя прадвадзіцеля дваранства. Акрамя таго, многія прадстаўнікі дваранства і нават вядомых арыстакратычных радоў ўваходзілі ў склад кіраўніцтва грамадскіх дабрачынных арганізацый дапамогі бежанцам або стваралі ці ўзначальвалі такія арганізацыі. Напрыклад, у дзейнасці гродзенскіх дабрачыннай арганізацыі «Грамадскі камітэт» і мясцовага аддзялення Польскага таварыства дапамогі ахвярам вайны актыўны ўдзел прымалі прадстаўнікі роду Сапегаў [7, с. 70]. Дзейнасць дваранства адзначылася і ў працы Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны. Так, у пачатку 1917 г. мінскі аддзел арганізацыі ўзначаліў Р. А. Скірмунт, які прыцягнуў да дзейнасці арганізацыі княгіню М. М. Радзівіл і князя С. В. Радзівіла [1, с. 57].

Не менш важную ролю дваранства і арыстакратыя адыгрывалі ў аказанні дапамогі сем'ям мабілізаваных вайскоўцаў. Дабрачыннасць у дадзеным кірунку заключалася ў першую чаргу ў ахвяраванні грашовых сродкаў на патрэбы бедным сем'ям ніжніх чыноў і ва ўдзеле ў дзейнасці дабрачынных арганізацыях, якія аказвалі такую дапамогу.

Найбуйнейшай дабрачыннай арганізацыяй Расійскай імперыі ў справе дапамогі сем'ям мабілізаваных вайскоўцаў з'яўляўся Камітэт вялікай княгіні Елізаветы Фёдараўны па аказанні дабрачыннай дапамогі сем'ям асобаў, прызваных на вайну (вядомы як «Елізавецінскі камітэт») [3, с. 58]. Як і ў дзейнасці Таццянінскага камітэта, у рабоце дадзенай арганізацыі актыўны ўдзел прымалі прадстаўнікі ўладаў, а таксама мясцовае дваранства. Напрыклад, у склад мінскай павятовай камісіі Елізавецінскага камітэта ўваходзіў граф Е. Э. Гутэн-Чапскі [8, арк. 2]. Некаторыя прадстаўнікі арыстакратыі беларускіх губерняў, не ўваходзячы ў склад дабрачынных арганізацый, аказвалі ім грашовую дапамогу. Найбольш яскравым прыкладам такой дапамогі з'яўляецца фінансаванне гомельскіх дабрачынных устаноў княгіняй І. І. Паскевіч [4, с. 26]. Акрамя таго, у першыя месяцы вайны фіксаваліся выпадкі, калі дваране-памешчыкі асабіста дапамагалі сем'ям мабілізаваных сялян з засевам палёў [2, с. 192].

У справе аказання дапамогі сем'ям мабілізаваных вайскоўцаў на тэрыторыі беларускіх губерняў асабліва адзначыліся прадстаўнікі роду Радзівілаў. Ужо адзначаная вышэй княгіня М. М. Радзівіл прымала ўдзел у дзейнасці мінскага гарадскога папярочельства па аказанні дапамогі сем'ям ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння, а таксама стварыла, фінансавала і кіравала Беларускаім каталіцкім таварыствам «Літасць», якое аказвала дапамогу сем'ям вайскоўцаў і бежанцам. У Нясвіжы князь А. А. Радзівіл стварыў Нясвіжскі камітэт грамадскай дапамогі хрысціянскім сем'ям і асобам, якія маюць патрэбу ў дапамозе з прычыны вайны. Кіраўніком і фундатарам камітэта з'яўляўся сам князь А. А. Радзівіл, які разам з маці таксама стварыў у Нясвіжы шпіталь для параненых салдат [5, с. 82]. Асаблівасцю камітэта было тое, што ён аказваў дапамогу толькі праваслаўным і каталіцкім вернікам з Нясвіжа і навакольных вёсак, а таксама бежанцам азначаных канфесій. Па стану на лістапад 1914 г. камітэт аказаў дапамогу 92 мясцовым жыхарам, сваякі якіх былі мабілізаваныя ў войска, на агульную суму ў 258 р. Дапамога выдавалася ў памеры ад 2 р. да 3 р. на чалавека [3, с. 58].

Некаторыя прадстаўнікі дваранства і арыстакратыі беларускіх губерняў аказвалі дапамогу параненым і знявечаным на фронце вайскоўцам. Такая дапамога ўключала ахвяраванні матэрыяльных сродкаў ці стварэнне за ўласны кошт лячэбных устаноў. Напрыклад, ужо восенню 1914 г. на тэрыторыі Мінскай губерні адбылося стварэнне сеткі патранатаў – спецыяльных медыцынскіх устаноў для апекавання хворых і параненых вайскоўцаў, не прыдатных па стану здароўя для далейшай вайсковай службы. Патранаты маглі стварацца

прыватнымі асобамі або арганізацыямі, якія пагаджаліся фінансаваць такія ўстановы і пакрываць усе неабходныя медыцынскія расходы. Дазвол на адкрыццё патранатаў атрымалі ў тым ліку прадстаўнікі вядомых арыстакратычных і дваранскіх радоў губерні, сярод якіх графіня М. Ф. Гутэн-Чапская (маёнтак Станькава Мінскага павета), дваранка Г. А. Ваньковіч (маёнтак Сляпянка Мінскага павета), дваранін Ю. Ю. Булгак (маёнтак Блужа Ігуменскага павета) і іншыя прадстаўнікі вышэйшага саслоўя [10, арк. 3–5].

Перыядам найбольшай актыўнасці ў дабрачыннай дзейнасці арыстакратыі і дваран беларускіх губерняў падчас Першай сусветнай вайны можна адзначыць 1914–1915 гг. У першыя месяцы вайны ў грамадстве назіраўся пэўны патрыятычны ўздым, што прывяло да з'яўлення вялікай колькасці дабрачынных ініцыятыў, многія з якіх ужо ў 1916 г. паступова згортвалі сваю дзейнасць з-за істотнага павелічэння колькасці ахвяр вайны і недахопу фінансавых сродкаў. Рэвалюцыйныя падзеі 1917 г. прывялі да сканчэння дабрачыннай дзейнасці арыстакратыі і дваранства беларускіх губерняў, ліквідацыі або нацыяналізацыі прыватных дабрачынных арганізацый па дапамозе пацярпелым ад вайны. Адною з апошніх дзейных дабрачынных ініцыятыў на тэрыторыі беларускіх губерняў быў ваенны шпіталь князя А. А. Радзівіла ў Нясвіжы, які спыніў сваё існаванне ў пачатку 1918 г. [6, с. 61].

Падсумоўваючы, трэба адзначыць, што многія прадстаўнікі арыстакратыі і дваранства беларускіх губерняў з'яўляліся актыўнымі ўдзельнікамі дабрачыннай дзейнасці па дапамозе ахвярам Першай сусветнай вайны ў 1914–1917 гг. Асобныя прадстаўнікі вышэйшага саслоўя стваралі ўласныя дабрачынныя ініцыятывы або далучаліся да ўжо існуючых, ахвяравалі матэрыяльныя сродкі і нават аказвалі непасрэдную працоўную дапамогу пацярпелым ад вайны. Мясцовае дваранства і арыстакратыя аказвалі дапамогу фактычна ўсім групам пацярпелага ад вайны насельніцтва: бежанцам, сем'ям мабілізаваных вайскоўцаў і самім вайскоўцам, якія былі паранены або знявечаны падчас службы. Наяўная інфармацыя і статыстыка не даюць магчымасць дакладна падлічыць той працэнт дапамогі, які непасрэдна аказваўся прадстаўнікамі вышэйшага саслоўя. Аднак, можна меркаваць, што дабрачынныя ініцыятывы некаторых з азначаных асоб стваралі больш спрыяльныя ўмовы для шырокага распаўсюджвання дабрачыннасці і аказання дапамогі ахвярам вайны на тэрыторыі беларускіх губерняў. У дабрачыннасці перыяду Першай сусветнай вайны адзначыліся прадстаўнікі такіх вядомых на беларускіх землях радоў як Радзівілы, Сапегі, Гутэн-Чапскія, Паскевічы, Скірмунты і іншыя прадстаўнікі мясцовай арыстакратыі і дваранства.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Бодрыкаў, Я. А. Дзейнасць Мінскага аддзела Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны (1915–1917 гг.) / Я. А. Бодрыкаў // Чтения имени А. С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т; редкол.: М.Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. – Могилев : Белорус.-Рос. ун-т, 2022. – Ч. 1. – С. 54–59.

2. Бодрыкаў, Я. А. Працоўная дапамога як фактар сацыяльнай падтрымкі сем'яў мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння на тэрыторыі беларускіх губерняў падчас Першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.) / Я. А. Бодрыкаў // Чтения имени А. С. Дембовецкого: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т; редкол.: Н.В. Вологина (гл. ред.) [и др.]. – Могилев : Белорус.-Рос. ун-т, 2023. – С. 190–193.

3. Бодрыкаў, Я. А. Сацыяльная дапамога сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ў Мінскай губерні падчас Першай сусветнай вайны (ліпень 1914 – сакавік 1917 г.) / Я. А. Бодрыкаў // Труды БГТУ. – Сер. 6, История, философия. 2023. № 1 (269). – С. 55–61.

4. Василенко В. В. Система мероприятий по оказанию помощи семьям призванных на войну в Могилевской губернии Минского военного округа в 1914–1915 гг. / В. В. Василенко, Ю. Н. Устинова // Вестник Брянского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 24–31.

5. Веремейчик, А. Е. Несвиж в исторических событиях 1915–1918 гг. / А. Е. Веремейчик // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст. : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. / рэдкалегія: А. Д. Кароль (старшыня) [і інш.]. – Мінск, 2018. – С. 82–87.

6. Веремейчик, А. Е. Общественно-политические связи Радзивиллов и светская жизнь Несвижского замка 1865–1939 гг. / А. Е. Веремейчик // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – 2007. – № 17. – С. 59–63.

7. Карнялюк, В. Р. Міграцыя беларускага насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной: манаграфія / В. Р. Карнялюк. – Гродна : ГрДУ, 2019. – 329 с.

8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 80. Воп. 1. Спр. 1.

9. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 8576.

10. НГАБ. – Ф. 1095. Воп. 1. Спр. 1.

Т. Н. Боярчук

**ПРЕДПОСЫЛКИ И ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Современное социокультурное пространство Республики Беларусь характеризуется достаточно высоким уровнем межэтнической толерантности в условиях поликультурности белорусского социума. Этому способствуют исторические предпосылки как формирования самого общества, так и менталитет его представителей. Безусловно, Беларусь в процессе своего исторического развития сформировалась как полиэтничное сообщество, в котором проживают и взаимодействуют на протяжении ряда столетий представители различных этнических групп населения, таких как белорусы, русские, поляки, украинцы, литовцы, татары, евреи и т. д. Для современного полиэтничного белорусского общества чрезвычайно актуальна проблема оптимизации межэтнического взаимодействия, в связи с чем существует насущная необходимость поиска эффективных путей сотрудничества и бесконфликтного существования в процессе межкультурного взаимодействия.

Сущность формирования человека как социального субъекта связана с тем, что основы генезиса и дальнейший процесс его функционирования возможен только в процессе совместного проживания, в итоге которого происходит как процесс социализации, так и устанавливаются нормы и ценности взаимодействия. Особенностью социального уклада жизни людей является необходимость их взаимного сотрудничества, которое реализуется в различных сферах повседневного взаимодействия: политической, экономической, правовой, религиозной, этнонациональной, конфессиональной и др. Разнообразие этих сфер тесно связано и с конкретными условиями генезиса и дальнейшего функционирования человека на каждом из исторических этапов и условий развития, что характеризуется особенностями социокультурного уклада и способов жизнедеятельности социума. Соответственно, вследствие своих индивидуальных особенностей и своеобразия условий жизни у людей формируются разные ценности и жизненные установки, что может способствовать ситуации напряженности и конфликтности в процессе их взаимодействия. Но по логике своего развития и социального уклада жизни люди стремятся к взаимопониманию. И тут особую важность приобретает определение и поиск того фунда-

мента, который объединяет людей в рамках единого социокультурного пространства. По нашему мнению, такой основой для конструктивного взаимодействия выступает идея толерантности как одно из важных и необходимых условий бесконфликтного сосуществования. Решение проблемы толерантности необходимо искать в конкретных видах взаимодействия людей, в их сущности и специфике, происходящих и функционирующих исходя из этнонациональных социокультурных и субкультурных традиций общества, в том числе и белорусского.

Межкультурное многообразие является одной из сущностных характеристик современного полиэтнического и поликонфессионального белорусского социума, что должно способствовать укоренению принципов взаимного интереса и сотрудничества, основанных на принципах толерантности. Конструктивное межкультурное взаимодействие предполагает толерантное общение представителей, являющихся носителями различных систем ценностей, идей, взглядов и образцов поведения в полиэтническом и поликонфессиональном обществе. В этом контексте очень важным является само восприятие идеи мирного взаимодействия, конструктивного диалога и формирования толерантного сознания белорусов. Для этого необходимо развитие мировосприятия как отдельной личности, так и социума в целом, повышение интереса к различным поликультурным сообществам, изучение их культурного наследия, и, как следствие, повышение терпимости к инакомыслящим, способствуя формированию конструктивного диалога и взаимопонимания, тем самым способствуя объективации толерантности.

При этом необходимо отметить, что толерантность является не только нравственной характеристикой отдельного человека, но и особой формой взаимодействия людей, такая технология, которая обеспечивает достижение единых целей через уравнивание интересов каждого, убеждение сотрудничающих сторон в необходимости поиска взаимоприемлемых условий существования. Способность каждого субъекта взаимодействия к конструктивному диалогу, умению уважительно относиться к другой позиции, нормам и ценностям – существенная задача современного общества, в том числе и белорусского.

В контексте этнических взаимодействий современного белорусского общества сущностью толерантности является взаимное признание различий социокультурных характеристик представителей основных этнических групп населения, чему способствует многовековой опыт их взаимодействия в едином пространстве поликультурного социума. Исторически подтверждается, что национально-этническая и

конфессиональная толерантность создаёт предпосылки к формированию государственной стабильности Республики Беларусь. Для выявления исторических предпосылок реализации межэтнической толерантности в белорусском обществе необходимо проникновение в миропонимание и мироощущение отдельной личности, так как её менталитет формируются под воздействием различных социокультурных детерминант развития межэтнического сообщества. Толерантность, тем самым, складывается в процессе исторического развития народа, поэтому опыт прошлого наследия, отложившегося в культуре, влияет на формирование глубинных особенностей менталитета его носителей. Следовательно, образ мышления каждого представителя полиэтнического белорусского социума рассматривается как результат социокультурной истории. Исследователи считают, что ментальность определяется историей и теми социальными условиями жизни этноса или нации, которые отложили свой отпечаток на формирование и специфику сознания и мироощущения людей в процессе их межкультурного взаимодействия.

В процессе исторического развития белорусский этнос приобрел свои особые ментальные черты, которые передаются из поколения в поколение и существуют в таких относительно устойчивых формах взаимодействия как язык, ритуалы и обряды, народное творчество, а также сформировавшихся особенностей этнического самосознания, культуры быта и образа жизни. Менталитет белорусов формировался продолжительное историческое время и приобретал свои типичные признаки в определенных обстоятельствах общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизни. Тем самым менталитет белорусов характеризуется толерантностью сознания, в основе которого лежит взаимное позитивное признание отличий социокультурных характеристик каждого представителя своей социальной группы общества.

При этом, необходимо отметить, что толерантность в контексте этнических взаимодействий современного белорусского общества должна быть осмыслена сегодня не только как особенность и ориентация сознания, но и как особый тип образа жизни, основанный на гармонической совместимости различных субъектов взаимодействия их бытия и культуры поведения в социуме. Понимая под «культурой» в данном контексте совокупность знаний, ценностей и норм, которые определяют жизнь человека, можно предположить, что в фундамент подобной культуры должна входить толерантность. Соответственно, без адекватного понимания сущностной характеристики и особенности толерантности невозможно рассчитывать на бесконфликтность человеческих взаимоотношений. Можно выделить целый ряд факторов, которые могут спровоцировать конфликтность, в основе которой

могут проявиться негативные, нетерпимые отношения между субъектами взаимодействия к специфическим особенностям представителей различных этногрупп современного белорусского общества. Во-первых, это *полиэтничность* (белорусы, поляки, русские, украинцы, татары, евреи, литовцы). Во-вторых, *многоконфессиональность*, где проживают представители различных религий и конфессий (православные, католики, протестанты, иудеи и т. д.). В-третьих, *поликультурность* социальной среды, включающей в себя не только полиэтничность и многоконфессиональность, но и «...сопряженность образцов деятельности в различных сферах социума» [1, с. 88].

Следует отметить, что вышеприведенные факторы не являются характерными только для Беларуси; «усиливающиеся в последнее время миграционные процессы, расширяющиеся межконфессиональные и межэтнические взаимодействия неизбежно приводят к возникновению все новых социальных, политических, религиозных, экономических и других столкновений и противоречий, обуславливающих проблему нетерпимого, *интолерантного* отношения индивида или целых групп к особенностям культур или представителям иных групп современного общества» [1, с. 89]. Таким образом, основанием для сохранения межэтнической толерантности в современном белорусском обществе является, прежде всего, менталитет белорусов, основанный на установках людей к мирному и конструктивному диалогу, морально-нравственным позициям по отношению к другим, сопереживанию и способности к сотрудничеству.

Необходимо отметить, что современное понимание толерантности предполагает осознанное терпимое отношение ко всякого рода различиям в социуме. В чем бы они ни проявлялись – религиозных убеждениях, политических предпочтениях, мнениях и взглядах, этнических традициях и образе жизни. Благодаря толерантности современное белорусское общество существует как целостное полиэтническое и поликонфессиональное сообщество. Безусловно, толерантность является необходимой основой для диалога культур, а также поиска социокультурных, идеологических, экономических и политических компромиссов. Но это возможно лишь тогда, когда компромисс дает основу для согласования и регулирования интересов, а не подавления одних другими, когда «иное» не означает неверное, неистинное, а тем более деструктивное, разрушительное, а потому и неприемлемое [2, с. 128]. В силу этого диалог и компромисс являются необходимым условием толерантных отношений в социуме.

Важно отметить, что толерантность является не столько терпимостью, сколько осознанной нравственной позицией признания и под-

держания ценностей, норм, обычаев других культур в условиях межэтнического взаимодействия. При этом толерантность подразумевает межкультурный диалог, в рамках которого осуществляется взаимопонимание и взаимосотрудничество. В данном случае мы можем говорить о толерантности, которая в межэтническом взаимодействии является важным элементом коммуникативной компетентности как умение психологически грамотно выстраивать взаимоотношения между представителями различных культур. Тем самым, в основе феномена толерантности лежит принцип признания самоценности и самодостаточности других культур, где внимание направлено не на разделяющее, а на объединяющее начало, на общечеловеческие позиции, а именно – готовность к взаимовыгодному сотрудничеству.

Для осуществления основ межэтнической толерантности в современном поликультурном белорусском обществе необходимо определить основные формы объективации данного феномена как необходимого условия сосуществования и взаимодействия людей. Среди таких форм объективации необходимо выделить следующие:

- конструктивный диалог, при котором толерантность не означает отказ от собственных взглядов, позиций, а подразумевает открытость участников диалога в их взаимовыгодном сотрудничестве;

- компромисс, подразумевающий не столько отказ от своих позиций и уступчивость по отношению к другим, а принятие иных социокультурных характеристик;

- готовность и способность взаимодействующих субъектов включаться в образ жизни «Другого», его мировоззрение, где толерантность предопределяет рефлексивность над сознательным выбором допущения «Другого»;

- взаимопонимание как способность войти в положение Другого, готовность воспринимать его таким каким он есть, тем самым постигая Другого изменять и себя, подстраиваясь к иным нормам, ценностям, традициям и условиям сосуществования;

- признание самоценности и самодостаточности других культур;

- мирное содействие различных групп людей, каждая из которых имеет свою уникальную культуру и идентичность;

- формирование и сохранение особого типа взаимоотношений, основанного на взаимном сотрудничестве, согласованности и равноправии субъектов взаимодействия;

- гарантированность феномена толерантность в качестве основного принципа совместной жизнедеятельности и взаимопонимания между субъектами взаимодействия, признание ее как собственной потребности посредством установления конструктивных форм жизнеобеспечения;

– взаимное уважение различных культур и традиций, так как в основе культуры толерантности лежит принцип признания самоценности каждой из этнокультур, где внимание направлено не на разделяющее начало, а на объединяющее, на общечеловеческие позиции, а именно – готовность к сотрудничеству.

Таким образом, толерантность как тип межэтнического взаимодействия культур должна рассматриваться в настоящее время как основная нравственная ценность, являясь одной из фундаментальных характеристик цивилизованности и уровня современной культуры. При этом толерантность есть не только нравственная характеристика отдельного человека, но и особая технология взаимодействия людей, которая обеспечивает достижение целей через уравнивание позиций, интересов, убеждение сотрудничающих сторон в необходимости поиска взаимоприемлемой коммуникации. Способность субъектов взаимодействия к конструктивному диалогу, сотрудничеству, умению уважительно относиться к другой точке зрения – основная задача современного поликультурного белорусского общества.

Список использованных источников и литературы

1. Костикова, Л. П. Поликультурная толерантность как неотъемлемый компонент образования новой формации / Л. П. Костикова // Российский научный журнал. – 2008. – №4 (5). – С. 88–95. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://library.rsu.edu.ru/p6674/>. – Дата доступа: 17.10.2023

2. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. – М. : Изд-во Моск. псих.-соц. инст.; Воронеж : Изд-во «МОДЭК», 2003. – 368 с.

В. А. Везарко

ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГОМЕЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: МАСШТАБ, ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТНЫХ ИЗДАНИЙ)

Во второй половине XIX – начале XX века на белорусских землях происходят значительные социально-экономические изменения.

Наиболее ярко они проявились в городах, что напрямую связано с развитием в них торговли, промышленности и транспортной системы. Как следствие, на фоне стремительной урбанизации и социальной трансформации общества, города превращаются из административно-военных в торгово-индустриальные центры. Вместе с тем, в городских поселениях значительно возрастает уровень преступности. По данным полицейской статистики, количество уголовных дел возбуждённых на территории белорусских губерний с 1887 по 1902 год увеличилось с 14 747 до 25 734 (в расчёте на 100 000 человек). С ростом преступности в целом, увеличилось число правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. «Развитие детской преступности в XIX столетии является вполне установленным фактом; она возросла и по отношению к самой себе, и по сравнению с преступностью общей, которая в этом отношении является не столь угрожающей», – отмечает современник периода Я. П. Борткевич [5, с. 878]. С 1901 по 1910 год общий уровень преступности на территории всей Российской империи увеличился на 35 %, в то время как, конкретно детской, возрос на 112 % [1, с. 17–19; 2, с. 141].

В Гомеле детская преступность не была редким явлением, о чём свидетельствуют материалы газет, издаваемых в городе в начале XX века. «По полицейским данным в городе в последнее время образовались чуть ли не шайки малолетних преступников, с которыми, собственно, бороться трудно, так как суд, признав наличность кражи сдаёт их под надзор родителей, которые? не имея возможности или желания следить за ними, исправлять их, предоставляет их самим себе, проходит несколько дней и они опять фигурируют на скамье подсудимых», – отмечается в статье «О малолетних преступниках» опубликованной в газете «Гомельская копейка» от 15 июня 1911 года [9, с. 2].

Преступления, учинённые детьми, имели определённую специфику и, чаще всего, относились к разряду преступлений против собственности. Так, с 1891 по 1893 год из всех осужденных несовершеннолетних на территории Российской империи, 83 % были осуждены за кражу, при этом, среди взрослых преступников этот показатель составлял лишь 70 % [6, с. 112].

Помимо обычной кражи, происходили случаи грабежа с участием подростков: «Вчера на рассвете в 4 верстах от Гомеля, при проезде через полотно железной дороги на уваровичского еврея А. А. Абрамова, напали 8 малолетних грабителей в возрасте от 13 до 17 лет. Они отняли у Абрамова 8 ф. щетины, 8 ф. белого тряпья и хлеба» [10, с. 3].

Несовершеннолетними совершались преступления и иного рода. Например, в выпуске газеты «Полесская жизнь» от 23 августа

1910 года есть статья, посвящённая возрастающему хулиганству гомельских мальчишек: «В последнее время на Румянцевской улице замечается странное явление – лишь только стемнеет на улице, появляется толпа мальчишек, вооружённых камнями и... начинается охота на женщин которым приходится спасаться бегством» [7, с. 3].

Кроме всего прочего, в материалах гомельской прессы описывались случаи детской проституции: «Всегда, вечером или ночью вы можете их встретить на Румянцевской улице. Их двое. Старшей лет 15–16. Раскрашенные, в крикливых нарядах, они предлагают проходим себя... и к стыду нашему, нужно сказать, что спрос на них большой... С пелёнок они попадают в нищету, погрязают в болоте разврата и с 12–13 летнего возраста уже знакомы со всем ужасом порока и разврата» [3, с. 260].

Феномен роста детской преступности был обусловлен множеством различных причин. Главной, по мнению современников, являлся социальный фактор, прежде всего семья. Отмечались случаи, в которых родители сами подталкивали своих отпрысков к занятию попрошайничеством, воровством и проституцией, зафиксированы факты продажи детей собственными родителями. Всё это было характерно не только для Гомеля, но и для других городов Российской империи. Например, в выпуске газеты «Полесская жизнь» от 28 июня 1910 года есть заметка о попытке женщины из Одессы продать родную дочь: «В Одессе полицией задержана Малиновская, покушавшаяся продать свою 15-летнюю дочь Зинаиду» [8, с. 3]. В семьях, где финансовое положение родителей не позволяло содержать ребёнка, существовала практика «подкидывания» детей. “Аднак адсутнасць прыбытку ў сям’і, немагчымасць пракарміць яе ў выніку згублення месца працы, маленькага заробку, шматдзетнасці і іншых прычын – прыводзілі да такой з’явы, як падкідванне дзяцей або аддача на выхаванне ў чужую сям’ю” – отмечает О. Г. Яценко [3, с. 260]. Описываемые эксцессы, как правило, были свойственны для представителей малообеспеченных и маргинальных слоёв городского населения. В период с 1889 по 1893 год лишь 15 % преступлений (с участием несовершеннолетних) были совершены выходцами из относительно благополучных семей [2, с. 141].

Не были редки случаи, в которых дети, по тем или иным причинам, лишившись родителей, и не имея родственников, которые могли бы взять над ними опеку, оказывались в числе беспризорников, в последующем пополнявших ряды малолетних преступников. Вопрос беспризорных детей был актуальным для городского общества начала

XX века и регулярно поднимался в гомельской прессе: «Много есть детей бездомных, беспризорных, бесприютных, у которых нет в живых родителей и близких людей, которые избавили бы детскую душу от грязи улицы, от развращённого влияния ночлежных и других обитателей, часто пользующихся беспризорными детьми для своих грязных и преступных целей. Таких детей посылают попрошайничать, а иногда что-либо украсть. Хорошему беспризорные дети не учатся, а примеры плохого они видят и воспринимают на каждом шагу» [12, с. 2].

Поскольку детская преступность в начале XX века являлась для Гомеля значительной проблемой, городское общество стремилось найти эффективные способы противодействия данному явлению. Так, из выпуска газеты «Гомельская копейка» от 15 июня 1911 года можно узнать, что рассматривался вопрос о создании в городе специализированной детской колонии: «20 июня состоится общественное собрание членов патроната, на котором окончательно будет решён вопрос об устройстве в Гомеле колонии для малолетних преступников. Вопрос этот назрел давным-давно и требует немедленного решения» [9, с. 2]. Сама колония планировалась как место социальной адаптации трудных детей: «Конечно, на такую колонию не нужно смотреть, как на место наказания. Колония должна исправлять искривлённую душу ребенка, давать ему в руки ремесло, знание которого дало бы ему, по выходу из колонии, возможность честно зарабатывать свой хлеб» [9, с. 2]. В начале XX века на территории Российской империи уже действовало 52 подобных исправительных учреждения. Главной целью содержания детей – являлось перевоспитание и профессиональное обучение. Более того, по окончании срока заключения, колонии, как правило, оказывали своим бывшим подопечным помощь в трудоустройстве. Такой подход к борьбе с детской преступностью (перевоспитание, а не наказание) в начале XX века был достаточно популярным. В частности, в журнале «Тюремный вестник» Я. П. Борткевич в своей статье «Детская преступность» – писал о необходимости применения иных методов борьбы с малолетними правонарушителями, нежели с взрослыми преступниками: «Прежде единственное средство борьбы с детской преступностью видели лишь в применении различных карательных мер, которые иногда смягчались из чувства милосердия; позднее, после научного ознакомления с предметом, стало понятным, что в настоящее время, когда социальные проблемы слишком сложны, нельзя искать их разрешения в одном этом чувстве» [5, с. 880]. Эффективность исправительных колоний подтверждалась тем фактом, что случаи повторных преступлений были отмечены лишь у 10 % их воспитанников [2, с. 141–142; 4, с. 239].

Проблема высокого уровня детской преступности была характерна практически для всех городских центров Российской империи, в связи с чем попытки её решения делались на общероссийском уровне. Так, например, министерством юстиции был создан проект согласно которому, предполагалось привлекать духовные учреждения к борьбе с детской преступностью. В выпуске газеты «Гомельская копейка» от 29 сентября 1911 года отмечается: «Министерство юстиции выработало законопроект о привлечении духовных установлений к делу учреждения воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних преступников и вообще к оказанию помощи правительству в борьбе с детской преступностью» [11, с. 1–2]. При этом, в гомельской прессе высказывается достаточно критическая точка зрения, согласно которой, противодействие детской преступности должно ложиться на плечи светского общества, а не духовенства. В качестве примера, на которого следовало бы равняться, автором газетной статьи приводится Англия, где успешно применяется подобная практика: «В Англии уже давно вся тяжесть и нравственная ответственность за таких детей возложена на общество, и последнее, применяя последнее слово науки, делает всё что в её силах, чем, конечно, уменьшает прирост преступных детей» [11, с. 1–2].

Таким образом, проблема детской преступности в рассматриваемый исторический период была достаточно актуальной для Гомеля. В материалах газет «Гомельская копейка» и «Полесская жизнь» часто поднимался вопрос о росте правонарушений совершаемых несовершеннолетними, приводились примеры конкретных случаев. Из того же источника следует, что меры по борьбе с детской преступностью принимались не только на городском, но и на общероссийском уровне, что говорит о значительности проблемы не только для Гомеля, но и для всего государства.

Список использованных источников и литературы

1. Бригадин, Д. П. Динамика и структура преступности в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / Д. П. Бригадин // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навуковы зборнік. – Мінск : БДУ, 2016. – Выпуск 11. – С. 16–26.

2. Бригадин, Д. П. Социализация несовершеннолетних преступников: исторический опыт / Д. П. Бригадин // Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых. – Минск, 2016. – С. 141–143.

3. Яшчанка, А. Р. Побыт дзяцей у Гомелі ў пачатку XX ст. (па матэрыялах перыядычнага друку) / А. Р. Яшчанка // Беларускі

горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі : Зб. навук. прац. – Наваполацк : ПДУ, 2001. – С. 258–262.

4. Яшчанка, А. Р. Формы грамадскіх “Антыпаводзін” насельніцтва Гомеля ў пачатку ХХ ст. / А. Р. Яшчанка // Славянскі свет: мінулае і сучаснае : Матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. – Мінск : БДПУ, 2004. – С. 237–240.

5. Борткевич, Я. П. Детская преступность / Я. П. Борткевич // Тюремный вестник. – СПб, 1905. – № 10. – С. 878–888.

6. Зак, А. Характеристика детской преступности / А. Зак // Дети – преступники. Сборник статей с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей. – М. : Книгоизд-во «В. И. Знаменский и Ко», 1912. – С. 79–120.

7. Полесская жизнь. – 1910. – 23 августа. – С. 3.

8. Полесская жизнь. – 1910. – 28 июня. – С. 3.

9. Гомельская копейка. – 1911. – 15 июня. – С. 2.

10. Гомельская копейка. – 1911. – 7 июля. – С. 3.

11. Гомельская копейка. – 1911. – 29 сентября. – С. 1–2.

12. Гомельская копейка. – 1911. – 24 ноября. – С. 2.

Е. И. Головач

РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСА О ВВЕДЕНИИ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В начале ХХ века правительственные органы и общественность перешли к реализации практических мероприятий по совершенствованию системы народного образования и просвещения через представительное учреждение – Государственную думу. Одним из главных вопросов, предстоящих рассмотреть Думе, являлось введение всеобщего начального обучения в Российской империи. Эта проблема была озвучена в речи Николая II 27 апреля 1906 г., где «просвещение народа» было поставлено в число очередных государственных задач. В правительственной декларации, обращенной к членам Государственной думы, было сделано заявление о том, что правительство готовит свои предложения, касающиеся преобразования системы образования в целом, в том числе и введения всеобщего начального обучения [1, с. 169].

Однако представление Министерства народного просвещения о всеобщем начальном обучении в августе 1906 г. было фактически от-

клонено Советом министров из-за недостатка средств, желания сохранить самостоятельность духовного ведомства в сфере народного образования, отсутствия необходимого количества благонадежных учителей и др. В сентябре 1906 г. это решение было утверждено Николаем II [2, с. 394]. Однако I Государственная дума из-за непродолжительного срока своего действия так и не успела приступить к рассмотрению законопроекта, касающегося введения всеобщего начального обучения.

Перспективы народного образования в Российской империи были обозначены в правительственной декларации, озвученной П. А. Столыпиным 6 марта 1907 г. В своей речи премьер-министр отметил, что необходимо поставить «просвещение народных масс на должную высоту», а также устранить все препятствия на путях народного просвещения [3, с. 2]. Ближайшей задачей правительства он назвал общедоступность, а затем обязательность начального образования для всего населения Российского государства.

20 февраля 1907 г. министр народного просвещения П. М. Кауфман внес на рассмотрение II Государственной думы проект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». Правительственный законопроект предполагал введение всеобщего обучения в течение десяти лет путем расширения сети начальных народных школ [4, с. 20–22]. В соответствии с данным законопроектом предусматривалось выделить на нужды народного образования из средств государственного казначейства 5,5 млн. рублей.

Представители Конституционно-демократической партии вместе с членами организации «Лига образования» выработали свой собственный законопроект введения всеобщего обучения в России. Согласно данному проекту сумму в 5,5 млн. рублей, выделенную на всеобщее обучение, планировалось ассигновать не на уже существующие школы, а на учебные заведения, которые только собирались открыть. С этой целью «Лига образования» предлагала учредить особый строительный фонд в несколько миллионов рублей, чтобы из него выделять деньги на школьное строительство [5, с. 1]. Комиссия фракции кадетов согласилась со всеми положениями данного проекта, который планировалось внести на обсуждение всех остальных думских фракций. Несмотря на то, что в Государственной думе второго созыва рассматривался вопрос о введении всеобщего начального обучения, но в связи с ее досрочным роспуском решение по данному вопросу принято не было.

При открытии III Государственной думы в нее поступил законопроект о «Введении всеобщего начального обучения в Российской империи» от 1 ноября 1907 г. Одновременно с законопроектом о всеоб-

щем обучении Министерство народного просвещения просило выделить для этой цели кредит в 6 900 000 рублей. Согласно законопроекту в течение десяти лет к смете должно было прибавляться по 10 млн. рублей каждый год для введения всеобщего образования [6, с. 131]. Указанная сумма в 6 900 000 рублей вошла в закон от 3 мая 1908 г.

Впоследствии все дальнейшие ассигнования на нужды начального образования разрешались ежегодно особыми законами, основанными на тех же началах, что и закон от 3 мая 1908 г. Особенностью законопроектов являлось то, что комиссия по народному образованию каждый раз настаивала на увеличении кредитов, испрашиваемых правительством [7, с. 28]. В течение целого ряда лет Государственной думой были отпущены значительные средства на нужды начального обучения (с 1907 г. до 1913 г. эта сумма увеличилась почти в шесть раз) [6, с. 132].

В III Государственной думе представители всех фракций высказались за принятие законопроекта о всеобщем начальном обучении. Однако не все члены партии «Союз 17 октября» поддерживали идею о выделении для этой цели ежегодно 10 млн. рублей. В результате долгих прений 31 января 1911 г. было принято решение с целью достижения всеобщего обучения в Российской империи согласиться на ежегодную фиксацию суммы в 8 млн. рублей с возможностью увеличения этой цифры при благоприятном развитии экономики [6, с. 132]. Государственная дума третьего созыва просуществовала весь положенный ей срок, а вопросы народного образования занимали исключительно важное место в ее деятельности, что послужило основанием прозвать ее среди современников «Думой народного просвещения». Однако законопроект о введении всеобщего обучения так и не был принят.

14 декабря 1912 г. в IV Государственную думу поступил законопроект «О введении всеобщего начального обучения», подписанный правыми депутатами. Практически одновременно с этим законодательным предложением были представлены посвященные той же теме проекты левых фракций и октябристов. Общим собранием данные законопроекты были переданы в комиссию по народному образованию. 12 мая 1913 г. комиссия внесла в общее собрание доклад сразу по трем законопроектам, высказавшись за необходимость подготовки единого проекта [8, с. 109]. Несмотря на то, что вопрос о введении всеобщего начального образования в Российской империи на протяжении нескольких лет не сходил с повестки дня Государственной думы, законодательного оформления он так и не получил. Начавшаяся Первая мировая война вынудила отложить рассмотрение этого вопроса, который в результате так и не был решен в дореволюционный период.

Список использованных источников и литературы

1. Малиновский, Н. П. Итоги деятельности 3-й Государственной Думы в области народного образования / Н. П. Малиновский // Русская школа. – 1912. – № 7–8. – С. 169–196.

2. Демин, В. А. Народное образование / В. А. Демин // Государственная дума Российской империи. 1906–1917 : энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 394–396.

3. Заявление, прочитанное председателем Совета министров 6 марта в Государственном Совете и Думе перед началом заседаний: (по телеграфу) // Минское слово. – 1907. – 8 марта. – С. 1–2.

4. Головач, Е. И. Проблема народного образования в Государственной думе II созыва / Е. И. Головач // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2015 г. : материалы науч.-метод. конф., 25 янв. – 4 фев. 2016 г. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – С. 20–22.

5. Дума и партии // Витебский голос. – 1907. – 23 мая. – С. 1.

6. Головач, Е. И. Проблемы народного образования в деятельности либеральных и монархических партий в III Государственной думе (на материалах Беларуси) / Е. И. Головач // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитар. науки. – 2018. – № 1. – С. 131–135.

7. Головач, Е. И. Вопросы народного образования в третьей Государственной думе / Е. И. Головач // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 3 (20). – С. 27–30.

8. Головач, Е. И. Деятельность политических партий России по решению социальных вопросов в IV Государственной думе / Е. И. Головач // Раманаўскія чытанні – XI : зб. артык. Міжнар. навук. канф., Магілёў, 26–27 ліст. 2015 г. / рэдкал. Я. Р. Рыер [і інш.]. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2016. – С. 108–110.

И. А. Грищенко, С. А. Юрис

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОФАН (КРАСНОПОЛЬСКИЙ): НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ АРХИПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ В БЕЛАРУСИ

Начало существованию Гомельской православной епархии было положено указом Николая II от 25 января 1907 г., утвердившим постановление Святейшего Правительствующего Синода об образовании Гомельского викариатства Могилевской епархии. Гомельское викариатство совпадало с границами Гомельского уезда Могилевской губернии

и насчитывало 84 прихода [1, с. 17–18]. Возглавил новообразованную структуру епископ Митрофан (Краснопольский) (1869–1919). Личность первого архиерея Гомельской епархии значима не только с формальной точки зрения. Владыка Митрофан своей деятельностью придал церковной жизни Беларуси динамичности, расставив в ней точные акценты.

Дмитрий Иванович Краснопольский родился 22 октября 1869 г. в с. Алексеевка Бирюченского уезда Воронежской губернии в бедной семье, поэтому мог рассчитывать только на начальное образование. Однако Дмитрий продолжил свое обучение в духовном училище при финансовой поддержке своего учителя, обратившего внимание на незаурядные способности ученика. Затем была Воронежская духовная семинария, учась в которой, Дмитрий зарабатывал репетиторством. По окончании в 1890 г. семинарии, он женился и был рукоположен в сан диакона. Смерть жены спустя три года брака поставила Дмитрия перед выбором, и он его делает в пользу монашеского служения. В 1893 г. Дмитрий поступил в Киевскую духовную академию, а в 1896 г. принял иноческий постриг с именем Митрофан, в честь святого Митрофана Воронежского.

Продвижение по иерархической лестнице будущего архиерея было довольно быстрым. В 1897 г. состоялось его рукоположение в иеромонаха. Окончив в 1898 г. Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия, он получил назначение на должность инспектора Иркутской духовной семинарии. В 1902 г. иеромонах Митрофан был переведен в Могилев, и уже в сане архимандрита исполнял обязанности ректора Могилевской семинарии [2, с. 37–39].

С образованием Гомельского викариатства Могилевской епархии, состоялась хиротония Митрофана (Краснопольского) (11 февраля 1907 г. в Александро-Невской лавре). Согласно постановлению Святейшего Синода местом пребывания Гомельского епископа определялся Могилевский Братский Богоявленский мужской монастырь, настоятелем которого он и являлся. Предполагалось, что это временное положение, пока викариатство не изыщет средства на содержание архиерея. Однако ситуация так и не изменилась вплоть до 1917 г. [3, с. 271].

Живя в Могилеве, епископ Митрофан бывал в Гомеле два-три раза в год. Однако посещения эти были далеко не поверхностными. Во время очередного собрания управления Гомельского отделения Могилевского Богоявленского Братства 6 января 1909 г. епископ Гомельский Митрофан предложил учредить братский праздник в честь Покрова Пресвятой Богородицы и приурочить к этому дню крестный ход с чудотворной Могилево-Братской иконой Богоматери. Также

было решено ходатайствовать о преобразовании Гомельского отделения в самостоятельное братство и построении новой церкви в Гомеле за линией железной дороги в противовес распространявшемуся здесь штундизму. 29 сентября – 1 октября 1909 г. были днями настоящего торжества православия в Гомеле и его окрестностях. 29 сентября, после ранней литургии и молебна в храме Могилево-Братского монастыря, икона Пресвятой Богородицы была перевезена на вокзал и в сопровождении епископа Гомельского Митрофана отправилась по маршруту: Жлобин – ст. Костюковка – с. Еремино – Гомель. Крестный ход завершился в Гомеле в день Покрова Пресвятой Богородицы при стечении огромного числа верующих. В торжествах приняли участие прихожане всех гомельских храмов. Впоследствии маршрут крестного хода с Братской иконой расписывался ежегодно и менялся с таким расчетом, чтобы охватить как можно больше населенных пунктов в окрестностях Гомеля. Кульминацией крестного хода было прохождение Братской иконы Божией Матери по центру Гомеля, с остановкой для молебна около городских храмов: кладбищенской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, Георгиевской, Троицкой церковью и Петропавловского собора [4, л. 14–15]. Последний крестный ход с Братской иконой состоялся в 1918 г.

Несмотря на очевидный душевный подъем в народе в эти праздничные дни, учредители Гомельского Братства понимали, насколько непростая ситуация сложилась в стране после 1905 г. Революционный бум охватил все слои общества, не исключая духовенство. Разрушительные призывы затрагивали не только трон, но и духовные основы культуры. Владыка Митрофан хорошо чувствовал нерв времени. Он придерживался монархической позиции, доказывал опасность либеральных проектов относительно Православной церкви, выступал инициатором проведения в Гомеле духовно-просветительских чтений; среди разнообразных тем, в частности, критика социалистических идей, атеизма, толстовства. Именно епископ Митрофан инициировал издание в Гомеле газеты, которая бы давала объективную информацию (до 1912 г. вышло 212 номеров газеты «Гомельское слово»).

В результате революции 1905–1907 гг. был сделан первый шаг к разрешению вопроса о «свободе совести» (указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.). Население Гомеля по вероисповеданию было довольно пестрым. Накануне Первой мировой войны в городе насчитывалось 33 290 православных, 9 281 старовер, 1 750 католиков, 271 протестант и 57 450 иудеев. В городе было 15 православных церквей и 5 часовен, один католический костел и

25 синагог и иудейских молитвенных домов [5, с. 20]. Либерализация социальной и политической жизни многими была воспринята максималистски. Теперь православному большинству нередко приходилось оправдываться за свое преимущественное положение в обществе перед меньшинствами. В этой связи становится понятна эмоциональность выступления протоиерея Александра Зыкова при учреждении Гомельского Братства: «Припомните бундовскую литературу, наводившую наш город. Что здесь не было осмеяно, вышучено, загрязнено из самого святого и ценного для нас! Это был поистине какой-то сатанинский танец разнузданности и распущенности... Но самое страшное горе в том, что от смрада угорели и многие православные люди». Либеральная фразеология часто использовалась в откровенной антиправославной пропаганде, о чем протоиерей А. Зыков с горечью свидетельствовал: «Православие омертвело будто бы в обрядах, но целовать папскую туфлю доселе почтенно и аристократично. Об автономиях и расчленении России позволительно говорить и даже рукоплещут, но серьезно толковать о равенстве всех для закона и об единой могучей и неделимой родине – невыносимое черносотенство. И это совершается у нас в городе явочным порядком в силу пресловутой веротерпимости. А заговори православный пастырь неприкровенным языком о святости православно-христианских праздников, о грехах людских – какой поднимется вопль о слишком широкой свободе для православных священников. Словом – отдай свое и не смей трогать ничего нашего» [6, с. 819]. И сегодня актуально звучат слова епископа Митрофана (Краснопольского), обращенные к гомельской пастве в 1909 г.: «Есть у нас враг домашний, опаснее внешнего. Разумею ту апатию и индифферентизм, каким заражены главным образом верхушки нашего общества, а отсутствие религиозного воодушевления является общим нашим недостатком. Никто не почитает себя обязанным деятельно стоять на страже чистоты христианских нравов. Отсюда вольномыслие, сквернословие и даже открытое глумление над святейшими установлениями нашей веры» [7, с. 694].

В ноябре 1912 г. владыка переводится на Минскую кафедру. На время его служения в Беларуси пришлось ряд важных событий: началось почитание Минской чудотворной иконы Божией Матери; была восстановлена память о небесных покровителях Белорусской земли святителях Туровских Кирилле и Лаврентии; была написана икона Минских святых, которая стала символом духовной цельности Белорусской православной церкви [8, с. 20]. Владыка активно боролся с пьянством.

В годы Первой мировой войны епископ Митрофан часто выезжал на фронт для пастырского служения. Православное духовенство приняло активное участие в организации медицинской помощи, как военным, так и гражданскому населению. В Минске за время войны было организовано рекордное количество лазаретов, – четыре сводных госпиталя. Один из них – Серафимовский лазарет духовно-учебных заведений Российской империи – разместился в здании Минской духовной семинарии; 17 сентября 1914 г. молебен и чин освящения совершил Минский епископ Митрофан (Краснопольский). Начальником лазарета стал иеромонах Николай (Муравьев), в то время единственный в России монахи-хирург. По просьбе епископа Митрофана иеромонах Николай возглавил также лазарет при архиерейском доме [9, с. 294–295]. Совмещать работу в двух лазаретах было сложно, но иеромонах Николай не мог отказать епископу Митрофану, поскольку был ему обязан как своему духовному наставнику. Их пути пересеклись в Петербурге, тогда будущий иеромонах носил еще мирское имя Владимир и был студентом Военно-медицинской академии. Епископ Митрофан (Краснопольский), являясь депутатом III Государственной Думы, часто бывал в Петербурге. Религиозно настроенный студент-медик привлек его внимание. Он брал его с собой во время своих летних объездов Могилевской епархии, а Владимир Муравьев прислуживал на архиерейских службах [10, с. 25–26].

По благословлению владыки Митрофана минские семинаристы приняли активное участие в буднях лазаретов. Епархия оказывала помощь инвалидам, семьям погибших воинов. Когда над Минском нависла угроза захвата врагом, владыка Митрофан служил молебны в привокзальном Казанском храме, что поддержало моральный дух местных жителей и новобранцев, отправлявшихся на фронт. 14 мая 1916 г. за особые заслуги в условиях военного времени владыка был награжден орденом Святого Александра Невского. В июле 1916 г. епископ Митрофан был переведен на Астраханскую кафедру.

Епископ Митрофан (Краснопольский) был активным участником Московского Поместного собора 1917–1918 гг. Его выступление сыграло большую роль в принятии решения о восстановлении патриаршества в Русской православной церкви.

Архиепископ Астраханский Митрофан был арестован в Астрахани 25 мая 1919 г. по обвинению в заговоре против советской власти и приговорен к расстрелу. 23 июня 1919 г. приговор привели в исполнение.

Архиепископ Митрофан (Краснопольский) был канонизирован в лике священномучеников Русской православной церкви в 2001 г.

Список использованных источников и литературы

1. Могилевские епархиальные ведомости. – 1907. – №3 (часть офиц.). – С. 17–18.
2. Слесарев, А. В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953) : биографический справочник / А. В. Слесарев. – Жировичи : Издательство Минской духовной академии, 2017. – 339 с.
3. Слесарев, А. В. Гомельская православная епархия в первой половине XX века: образование, развитие, ликвидация / А. В. Слесарев // Труды Минской духовной академии. – 1016. – №13. С. 269–305.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 161.
5. Мятліцкая, В. На паграніччы эпох і дзяржаў. Старонкі гісторыі Гомеля (1917 – 1918) / В. Мятліцкая. – Гомель: Барк, 2021. – 224 с.
6. Могилевские епархиальные ведомости. – 1909. – № 22 (часть неофиц.). – С. 819.
7. Могилевские епархиальные ведомости. – 1909. – № 19 (часть неофиц.). – С. 691–698.
8. Лопушанский Александр, протоиерей. Священномученик Митрофан (Краснопольский), первый епископ Гомельский. // Влияние Православной церкви на духовное наследие белорусского народа на примере священномученика Митрофана (Краснопольского) : материалы регион. науч.-ист. семинара. – Гомель : БелГУТ, 2015 – 115 с.
9. Бондаренко, В. В. Утерянные победы Российской империи / В. В. Бондаренко. – Минск : Харвест, 2010. – 448 с.
10. Щеглов, Г. Э. Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918) / священник Гордий Щеглов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2013. – 272 с.

Т. В. Даўгач

БЕЛАРУСКІ ГОРАД ХІХ СТАГОДДЗЯ Ў СВЯТЛЕ ЭГА-ДАКУМЕНТАЎ

Беларускае грамадства ў перыяд “доўгага ХІХ стагоддзя” перажывала значныя трансфармацыйныя працэсы на шляху ад традыцыйнага да сучаснага свайго стану. Дадзеныя працэсы суправаджаліся грунтоўнымі зменамі ў светапоглядзе, побыце, арганізацыі ўсіх сфер грамадскага жыцця. Вельмі значныя і заўважныя

змены адбываліся ў прасторы беларускага гораду. Інтэлектуальныя канструкты, датычныя тэрміна “горад”, ляжаць у междысцыплінарным полі. На феномен горада звяртаюць увагу гісторыкі, філосафы, сацыёлагі, урбаністы, этнографы і іншыя даследчыкі. У сувязі з гэтым мы можам назіраць пэўны плуралізм у дачыненні на дэфініцыі. Так, згодна з эканамічнай тэорыяй горад успрымаецца як цэнтр цэнтр развіцця рамяства і гандлю (у супрацьвагу сельскай мясцовасці, дзе большасць насельніцтва рэалізоўвала свае сельскагаспадарчыя кампэтэнцыі). Згодна з сацыяльна тэорыяй, горад – месца, дзе ўзаемадзейнічае сацыяльна складаная група, якая мае унутраную дыферэнцыяцыю і вызначаную прававую форму. Палітыка-адміністрацыйная тэорыя вызначае яго як паселішча, якому дзяржаўнай уладай прысвоены асаблівыя адміністрацыйныя правы. Колькасная тэорыя інтэрпрэтуе горад як значную колькасць людзей на параўнальна невялікай тэрыторыі. Безумоўна, кожнае з гэтых вызначэнняў мае права на існаванне. Аднак, з нашага пункту гледжання найбольш абгрунтаваным будзе з’яўляцца больш шырокі погляд на праблему, паколькі горад – гэта складаны сацыяльны, прасторавы, культурны феномен, які не існуе асобна ад сацыяльнага ладу, узроўню развіцця вытворчых сіл, культуры і навукі, геаграфічных і прыродных умоў, нацыянальных асаблівасцей грамадства.

За перыяд г. зв. “доўгага XIX стагоддзя” беларускі горад пераадолеў сапраўдную эвалюцыю ад невялікай (па сучасных мерках), папярэдне ўмацаванай і досыць закрытай прасторы да шчыльна населенага цэнтра, дзе віравала фінансавое жыццё, куды з магнацкіх рэзідэнцый былі перанесены шматлікія палітычныя і культурныя практыкі; да асяроддзя, якое вызначалася большым побытавым камфортам у параўнанні з іншымі населенымі пунктамі. Дадзеная эвалюцыя беларускіх гарадоў адбывалася пад уплывам некалькіх фактараў. Па-першае, пачынаючы з 1772 г. паступова беларускія гарады траплялі ў прававую сістэму Расійскай імперыі, якая вызначалася ўласнымі, адрознымі ад мясцовай традыцыі, поглядамі на арганізацыю гарадской прасторы. Па-другое, гарады змяняліся пад уплывам развіцця вытворчых адносін і мадэрнізацыйных працэсаў (у гарадах паступова з’яўляліся прамысловыя прадпрыемствы, моцна ўплывала на горадабудаўнічую сферу развіццё транспарту). Па-трэцяе, знешні выгляд гарадоў паступова змяняўся пад асабістыя або калектыўныя запатрабаванні насельніцтва, колькасны рост якога ўласцівы для ўсяго перыяду, які разглядаецца. Чацвёртым фактарам, які на нашу думку

ўносіў значныя змены ў гарадскую прастору і садзейнічаў яе трансфармацыі сталі надзвычайныя сітуацыя – пажары, павадкі, пошасці.

Навуковая інтэрпрэтацыя гарадской гісторыі патрабуе глыбокага асэнсавання адпаведных гістарычных крыніц. Перыяд “доўгага XIX стагоддзя” пакінуў багатую пісьмовую і графічна-выяўленчую спадчыну, на падставе якой можна прасачыць асноўныя тэндэнцыі развіцця гарадоў. Так, палітыка ўлад Расійскай імперыі ў дачыненні да архітэктурнага і сацыяльнага складніка горада прасочваецца праз нарматыўныя крыніцы; адказ на пытанне, як былі рэалізаваны пэўныя патрабаванні на месцах, даюць матэрыялы мясцовага справаводства – бадай, найбольш масавая група крыніц, прысвечаная гісторыі гарадоў. Тое, як былі ўспрыняты змены ў прастору горада насельніцтвам, паказвае аналіз *крыніц асабістага паходжання* або *эга-дакументаў*. Адзначым, што гэтыя паняцці блізкія па сэнсу, але не ўзаемазаменыя. Тэрмін “крыніцы асабістага паходжання”, як вынікае з назвы дадзенай групы, акцэнт мае ўвагу менавіта на паходжанні дакумента, у той час як тэрмін “эга-дакумента” апелюе да сутнасці, а не да формы [1, с. 5]. Пад гэтай дэфініцыяй разумеецца гістарычная крыніца, якая ўтрымлівае ў сабе гэтак званую Я-канструкцыю – гэта значыць, нясе адбітак светаўспрымання асобы, якая яе складала. Традыцыйныя класіфікацыйныя мадэлі да крыніц асабістага паходжання адносяць мемуары, дзённікі, ліставанне, творы аўтабіяграфічнага характару. Адначасова з гэтым, усе дадзеныя віды крыніц з’яўляюцца эга-дакументамі. Пры гэтым, пад эга-дакументамі можна разумець і тыя крыніцы, якія па сваім паходжанні з’яўляюцца часткай корпуса справаводчай дакументацыі, аднак у той жа час утрымліваюць шуканую Я-канструкцыю – скаргі, прашэнні, пратаколы, рапартажы і г.д. Такім чынам выкарыстанне тэрміну “эга-дакумент” дазваляе узбагаціць даследчыцкі інструментарый у навуковым аналізе праблем гарадской гісторыі і дапамагае атрымаць агульную карціну ўяўленняў аб сацыяльнай сферы азначанага перыяду, гарадской прасторы, дзеяннях гарадской адміністрацыі; аб асноўных патрэбах гарадскога насельніцтва.

Дадзены артыкул з’яўляецца спробай асэнсавання інфармацыйнага патэнцыялу эга-дакументаў – найперш, скаргаў і прашэнняў гарадскіх жыхароў, у вывучэнні гісторыі беларускага горада “доўгага XIX стагоддзя”.

Скаргі і прашэнні з’яўляюцца масавымі крыніцамі, і гэта значыць, што праз іх аналіз можна атрымаць уяўленне аб сацыяльна тыповых з’явах гістарычнай рэчаіснасці. У той жа час яны ўтрымліваюць інфармацыю і аб беспрэцэдэнтных падзеях, што дазваляе пераадолець схематызм у гістарычным аналізе, узбагаціць навуковыя

працы, прысвечаныя гісторыі гарадоў, важнымі дэталямі [1, с. 11]. Інтэрпрэтацыя зместу асобных скаргаў і прашэнняў дае значны інфарматыўны эффект для навуковага аналізу штодзённых практык гарадскога насельніцтва.

У межах дадзенага даследавання існуючая паміж скаргамі і прашэннямі розніца мае ўмоўны характар. Пад скаргамі разумеюцца афіцыйныя заявы аб непрымальных дзеяннях якой-небудзь асобы або ўстановы; пад прашэннямі – пісьмовыя хадатайніцтвы аб чым-небудзь. Як правіла, менавіта з прашэння прыватнай асобы або групы асоб на адрас адной з гарадскіх ці губернскіх інстанцый, або наўпрост на імя губернатара або імператара, распачыналіся працэсы, звязаныя з прыватным будаўніцтвам, размеркаваннем гарадскіх пляцаў і адкрыццём прадпрыемстваў у гарадах. У сваю чаргу ў скаргах акрамя адрасата і адрасанта з’яўлялася яшчэ фігура прыватнай або службовай асобы ці ўстановы, непрымальнымі дзеяннямі якой выклікалі патрэбу ў стварэнні дакумента.

Адзін з найбольш тыповых сюжэтаў прашэнняў гарадскіх жыхароў у перыяд “доўгага XIX стагоддзя” – хадатайніцтва аб дазvole на пабудову дома, або выдзяленні пляцу для яго будаўніцтва. Аднак нягледзячы не тое, што часта прашэнні былі інспіраваны агульнай праблемай, з якой сутыкаліся многія гарадскія жыхары, кожны з дакументаў малюе індывідуальную карціну сітуацыі, дзе пазначаецца праблема, матывацыя, частка сямейнай гісторыі і, часам, пэўныя разважанні складальніка дакумента. У якасці прыкладу прывядзем прашэнне лепельскай мяшчанкі, яўрэйкі Дабрусі Рэршэйнавай, якая хадатайнічала перад гарадской думай аб наданні ёй у “*вечное и потомственное владение*” паловы пляца, які належаў бацьку яе першага мужа Лейбе Шпарберу, і знаходзіўся “*по улице Пятинской в смежности с одной стороны с домом еврея Шмуля Гинделевица, а с другой стороны дворянина Федора Шостака шириною двенадцать а длиною тридцать сажней*” [2, арк. 6]. Нашчадкі Лейбы Шпарбера пасля яго смерці мелі права карыстацца гэтым пляцам, аднак з-за адсутнасці ў іх сродкаў на пабудову дома, ён стаяў закінутым на працягу больш як дзесяці год, з-за чаго, па сцвярджэнню просьбіткі “*по улице Пятинской имеется безобразие*” [2, арк. 6]. Нарацыя дадзенага прашэння мае досыць тыповы змест і форму. Аднак дыспазіцыя – уласна прашэнне аб пэўных распараджэннях, змяшчае нетрывіяльную аргументацыю: Дабруся Рэршэйнава просіць Лепельскую гарадскую думу перадаць ёй пляц па праву “*венечных денег*”. Такім чынам, мяшчанка апелюе да практыкі, якая склалася ў часы Вялікага Княства Літоўскага і была зафіксавана Статутам 1588 г., якім да 1840 г. кіраваліся ў вырашэнні некаторых спраў на тэрыторыі Беларусі. На момант складання прашэння

дзеянне Статуту было адменена, аднак традыцыя аказалася больш трывалай, чым дакумент. Немагчыма ўстанавіць, што дакладна паўплывала на вынясенне рашэння гарадской думай, аднак просьбіту была вылучана частка пляца па вуліцы Пяцінскай (з боку Шостака) для забудовы. Дакументаў, якія праліваюць святло на такія “трансфер” традыцыі не шмат, але яны ўяўляюць вялікую цікавасць для даследчыкаў, паколькі дазваляюць прасачыць, як развіваліся, знікалі ці трансфармаваліся звыклія для насельніцтва практыкі ў новых умовах.

Інтэнсіфікацыя мадэрнізацыйных працэсаў назіралася на працягу ўсяго перыяду, які даследуецца, але найбольш адчувальнай стала ў другой палове XIX ст.. Яе наступствамі сталі не толькі змены ў гарадской прасторы, але і новыя сюжэты для скаргаў і прашэнняў. У гэты час назіраецца рост колькасці прашэнняў на адкрыццё прамысловых прадпрыемстваў у гарадах, або на дозвол усталяваць у жылым доме пэўны вытворчы інвентар (перагонны куб, машынку для рэзкі тытуню і г.д.). У пачатку XX ст. на тэрыторыі беларускіх губерняў налічвалася каля 500 фабрык (пад фабрыкай прынята разумець прадпрыемства, заснаванае на прымяненні машын і дзе працуе не меней за 17 чалавек. Дадзеная норма была характэрна менавіта для Расійскай імперыі часоў “доўгага XIX стагодзя”; у іншых рэгіёнах і ў іншыя часы гэта норма магла быць іншай) [3, с. 428]. Аднак лік дробных майстэрняў з паравым рухавіком быў вельмі вялікім. Менавіта прашэнні аб усталяванні машын у майстэрнях ствараюць асноўны корпус дакументацыі, прысвечанай развіццю прамысловасці. Цікава, што калі майстэрні ўладкоўваліся ў жылых дамах, то на іх распаўсюджвалася тое заканадаўства, якое тычылася прыватнаўласніцкай забудовы. Пры гэтым, усталёўка машын у жылых дамах была абцяжарана супрацьдзеяннем суседзяў, якія не заўсёды хацелі, каб побач з іх жыллём знаходзілася небяспечная вытворчасць. Так, у 1877 г. ашмянскі мешчанін Лэйба Стругач падаў прашэнне на дозвол яму адкрыць водачны завод у г. Ашмяны. Для завода ён выбраў ужо існуючы будынак – жылы дом бацькі сваёй жонкі Маісея Франк-Камянецкага. Мясцовая паліцыя, не ўбачыла перашкод для адкрыцця заводу, аднак ашмянскія мяшчане склалі скаргу на імя віленскага губернатара, у якой засведчылі сваю занепакоенасць тым, што на вытворчасці будзе ўсталяваны перагонны куб, што зробіць завод вогненебяспечным для горада. Тым часам іншая група ашмянскіх мяшчан направила ў губернскае праўленне прашэнне, якое цалкам змяняе ўяўленне аб сітуацыі. У прашэнні паведамлялася, што да 1877 г. у Ашмянах мелася чатыры заводы па вытворчасці гарэлкі – Шымеля Богада, Вольфа Барона, Гіршы Дорскага і Хаіма Гурвіча. Аднак з цягам часу яны аб’ядналіся

ў агульны канцэрн, які называўся фірмай Богада і Барона. Пасля таго, як вышэйзгаданы Лэйба Стругач атрымаў ад павятовай паліцыі дазвол на адкрыццё завода, іншыя вытворцы гарэлкі пад відам суседзяў Маісея Франк-Камянецкага пачалі скардзіцца, каб не дапусціць з'яўлення новага канкурэнта. У калектыўным прашэнні ўказвалася, што з-за манаполіі на гарэлку жыхары Ашмянаў і ваколіц *“подвергаются недостаткам и притеснениям”* [4, арк. 18]. Мяшчане прасілі даць дазвол Лэйбу Стругачу на адкрыццё завода. Справа зацягнулася на некалькі год, і дайшла да канцылярыі імператара, дзе было прынята рашэнне прызнаць скаргу на небяспечнасць меркаванага заводу безпадстаўнай і пакінуць яе без наступстваў. Дадзенаму заводу было накіравана стаць першым прадпрыемствам Лэйбы Стругача, які пазней стане ўласнікам буйнога вінакурна-драждавога заводу ў Ашмянах, акцыянерам Лідскага піваварнага заводу і Рыжскага акцыянернага таварыства “Дрожжы” і ў пачатку XX ст. будзе лічыцца адным з самых багатых прадпрыемстваў на тэрыторыі Беларусі. Як бачна, з'яўленне вытворчых прадпрыемстваў у гарадах не толькі змяняла або адаптавала пад сябе гарадскую прастору, але і стварала новыя тыпы камунікацыі паміж жыхарамі.

Такім чынам, скаргі і прашэнні, складзеныя прыватнымі асобамі, апрача справаводнага прызначэння, утрымліваюць «Я-канструкцыю», а значыць, нясуць адбітак светаўспрымання асобы-стваральніка дакумента. У іх утрымліваецца інфармацыя аб індывідуальнай памяці і ўспрыманні розных сацыяльных з'яў тагачасным грамадствам. Інфармацыйная вартасць дадзенага віда дакументаў для вывучэння гісторыі горада надзвычай высокая, паколькі адным з фактараў змен у архітэктурнай і сацыяльнай прасторы горада ў перыяд, які разглядаецца, былі асабістыя або калектыўныя запатрабаванні насельніцтва. Скаргі і прашэнні даюць уяўленне аб бачанні жыхарамі ўласнай жыццёвай прасторы, ілюструюць іх уяўленні сацыяльнай справядлівасці і выкрываюць тыя сацыяльныя праблемы, якія ўзніклі ў перыяд мадэрнізацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Суржикова, Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? / Н. В. Суржикова // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Издательство «АсПУр», 2014. – 368 с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 2620. Воп. 1. Спр. 42.

3. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.] ; рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2020. – 684 с.

4. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – F.382. Ap. 1. B. 137.

М. М. Дзянісаў

НАВУКОВА-ТЭХНІЧНЫЯ СУВЯЗІ АДЗЕЛА МЕХАНІКІ ПАЛІМЕРАЎ АН БССР І ПРАДПРЫЕМСТВАЎ БССР І СССР У 1960-Я ГАДЫ

Адным з вылучальных паказчыкаў стану эканомікі краіны, з'яўляецца яе індустрыяльнае развіццё, адну з галоўных роляў у развіцці якога гуляе навука. Так, менавіта навуковыя распрацоўкі дазваляюць аптымізаваць розныя сферы вытворчасці. Менавіта таму, акрамя развіцця сеткі прадпрыемстваў важна развіваць таксама і сетку навуковых арганізацый, якія маглі б займацца распрацоўкай і ўкараненнем у вытворчасць новых тэхналогій, рыхтаваць кадры, здольныя імі эфектыўна кіраваць, а таксама ствараць больш дасканалыя тэхналогіі. Адною з найбуйнейшых навуковых арганізацый, якая займалася вырашэннем дадзеных праблемаў у сярэдзіне XX стагоддзя была Акадэмія навук БССР, у структуры якой у канцы 1950-х гг. узнікла лабараторыя механікі палімераў у г. Гомелі, ператвораная пазней у самастойны аддзел, а ў 1969 г. – у Інстытут механікі металапалімерных сістэм.

Мэта даследавання – вывучыць гісторыю станаўлення і развіцця Інстытута механікі металапалімерных сістэм у г. Гомелі ў 1960-я гг., а таксама вызначыць яго ролю ў развіцці навукі і тэхнікі БССР у дадзены перыяд.

Гісторыя станаўлення інстытута цесна звязана з дзейнасцю яго першага дырэктара – акадэміка Уладзіміра Аляксеевіча Беллага. Выпускнік Растоўскага інстытута інжынераў чыгуначнага транспарта, у 1952 г. ён абараніў кандыдацкую дысертацыю па тэматыцы трэння ў дэталях паравозаў [1, с. 10]. Пасля стварэння ў 1953 г. у Гомелі Беларускага інстытута інжынераў чыгуначнага транспарта, У. А. Белы стаў адным з яго выкладчыкаў. У 1954 г. ён стаў дэканам арганізаванага ім механічнага факультэта, а таксама ўзначаліў створаную ім жа кафедру «Дэталі машын» [1, с. 12].

У 1956 г. з ліку лепшых студэнтаў інстытута У. А. Белым была арганізавана навукова-даследчая група, якая першай у БССР пачала

даследаванні па фізіцы і механіцы палімераў і трэнні неметалічных матэрыялаў. Пазней, у 1959 г. на базе групы быў утвораны Гомельскі філіял лабараторыі трываласці і даўгавечнасці дэталеў машын пры Інстытуце машыназнаўства АН БССР, які стаў першым рэгіянальным падраздзяленнем АН БССР. У 1961 г. у Гомелі было створана Аддзяленне Інстытута матэматыкі і вылічальнай тэхнікі АН БССР, у склад якога была ўключана лабараторыя на чале з У. А. Белым [3]. Пастановай Савета Міністраў БССР ад 30 снежня 1963 г. лабараторыя была пераўтворана ў самастойны Аддзел механікі палімераў АН БССР [1, с. 24]. У 1969 г. таксама Пастановай Савета Міністраў БССР Аддзел механікі палімераў АН БССР быў пераўтвораны ў Інстытут механікі металапалімерных сістэм АН БССР, а У. А. Белы стаў яго першым дырэктарам [1, с. 36].

Падчас дзейнасці лабараторыі і аддзела штат яго супрацоўнікаў вырас з трох да ста пяцідзесяці чалавек. Таксама ў названы перыяд пашыралася і паглыблялася тэматыка даследаванняў, якія былі звязаны з вывучэннем працэсаў трэння і зносу ў дэталях машын. Так, калі першапачаткова даследаванні былі накіраваны на выраб дэталей з капрону, то да моманту пераўтварэння аддзела ў інстытут яго супрацоўнікі займаліся рашэннем праблем структурнай механікі палімерных матэрыялаў. Большая частка работ была звязана з прымяненнем палімераў у машынабудаванні і прыборабудаванні, у прыватнасці з вывучэннем іх фізіка-механічных уласцівасцяў, распрацоўкай новых метадаў і працэсаў іх стварэння, а таксама іх працаздольнасці ў розных умовах [2, с. 186]. У гэты перыяд асабліва ўвага навукоўцаў інстытута надавалася таксама пошуку новых тэхналагічных рашэнняў па ўзаемадзеянні металу і пластыка ў канструкцыях [2, с. 188].

Аб паспяховасці даследаванняў аддзела механікі палімераў сведчыць таксама той факт, што на працягу 1960-х гг. пашыраліся работы аддзела па гаспадарчых дагаворах, так у 1966 г. аддзелам выконваліся работы па 21 дагаворы з прадпрыемствамі БССР і СССР [5, арк. 15], у 1968 – 26 [6, арк. 17], у 1969 – 32 [7, арк. 16]. У рамках гэтага супрацоўніцтва аддзелам выконваўся шэраг даследаванняў і работ для такіх прадпрыемстваў на тэрыторыі БССР як Мінскі трактарны завод [5, арк. 15], Салігорскі калійны камбінат [5, арк.13], Мінскі маторны завод [7, арк. 22], Гомельскі завод сельскагаспадарчых машын [4, арк. 28] а таксама прадпрыемстваў у іншых рэспубліках і гарадах СССР (Петразаводск, Смаленск, Ленінград, Масква, Адэса, Львоў і інш.) [6, арк. 21–22]. Асаблівае месца займала таксама супрацоўніцтва аддзела з прадпрыемствамі ваенна-прамысловага комплексу на тэрыторыі СССР [7, арк. 21]. Апроч супрацоўніцтва з

рознымі прадпрыемствамі аддзел механікі палімераў цесна ўзаемадзейнічаў і з навуковымі арганізацыямі БССР і СССР, так, напрыклад, на падставе гаспадарчых дамоваў ім праводзіліся даследаванні для Інстытута архітэктуры і будаўніцтва АН БССР [4, арк. 28], Інстытута тэхнічнай кібернетыкі АН БССР [4, арк. 14], Навукова-даследчага інстытута цеплаэнергетычнага прыборабудавання (філіял у г. Смаленску) [4, арк. 14], Навукова-даследчага інстытута працы [7, арк. 24] і інш. Значнасць даследаванняў аддзела механікі палімераў пацвярджае той факт, што запланаваны агульны кошт дадзеных работ у названы перыяд узрасла з 66 тыс. рублёў да 160 тыс. рублёў [5, арк. 12; 7, арк. 16].

Вынікі працы супрацоўнікаў аддзела былі высока адзначаны на ўсесаюзным узроўні. Так, на Усесаюзным конкурсе-аглядзе навукова-даследчых прац за 1962 г. тры працы аддзела былі адзначаны ўзнагародамі. У 1964 г. з дзейнасцю аддзела азнаёмілася камісія на чале з прэзідэнтам АН СССР акадэмікам М. У. Келдышам, у выніку працы аддзела былі рэкамендаваны да далейшага развіцця і ўзбуйненню [2, с. 187]. У 1965 г. працы аддзела механікі палімераў былі ўзнагароджаны першай прэміяй Усесаюзнага конкурсу, а таксама дыпламамі першай ступені і медалямі ВДНГ СССР [2, с. 188]. Акрамя таго ў дадзены перыяд аддзелам былі наладжаны сувязі з навуковымі арганізацыямі і вучонымі Польшкай Народнай Рэспублікі [2, с. 189].

Такім чынам, даследаванні Аддзела механікі палімераў АН БССР сталі вызначальнай вехай у развіцці прамысловасці БССР. Так, у выніку даследаванняў аддзела былі вывучаны працэсы вытворчасці і эксплуатацыі палімерных матэрыялаў, а таксама шляхі выкарыстання іх у вытворчасці. Падчас выканання дадзеных даследаванняў аддзелам было наладжана супрацоўніцтва з буйнейшымі машынабудаўнічымі заводамі БССР, шэрагам прадпрыемстваў грамадзянскага і ваенна-прамысловага комплексу СССР, а таксама навуковымі арганізацыямі, а самі даследаванні атрымалі шырокае прызнанне на ўсесаюзным і міжнародным узроўні.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Академик В. А. Белый: Ученый. Учитель. Организатор : к 100-летию со дня рождения / сост.: А. Я. Григорьев, Н. К. Мышкин, В. В. Кончиц ; редкол. А. Я. Григорьев [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2022. – 190 с. : ил.

2. Академия наук Белорусской ССР: очерк истории и деятельности / В. Ф. Купревич. – 3-е доп. изд. – Минск : Наука и техника, 1968. – 236 с.

3. Об институте [Электронный ресурс] // Институт механики металлополимерных систем имени В. А. Белого Национальной академии наук Беларуси. – Режим доступа: <https://mpri.org.by/ob-institute/istoriya/>. – Дата доступа: 01.10.2023.

4. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАНБ). – Ф. 82. Воп. 1. Спр. 8.

5. ЦНА НАНБ. – Ф. 82. Воп. 1. Спр. 14.

6. ЦНА НАНБ. – Ф. 82. Воп. 1. Спр. 21.

7. ЦНА НАНБ. – Ф. 82. Воп. 1. Спр. 28.

Д. А. Длугаш

**О НЕЛЕГИТИМНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
«АРМИИ КРАЙОВОЙ» НА ТЕРРИТОРИИ БССР
ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ПОСЛЕ ЕЕ ОКОНЧАНИЯ**

Во взаимоотношениях Беларуси и Польши нередко возникают противоречия по поводу интерпретации исторических событий, связанных с деятельностью вооруженного формирования «Армии Крайовой» (АК) во время Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) и после ее окончания, на территории БССР [1].

После распада Организации Варшавского Договора и вовлечения Польши в орбиту интересов США и Западной Европы, в информационном поле Республики Польша возникли тенденции «героизации» подразделений АК, а также отдельных членов этого вооруженного формирования. В этой связи следует отметить деятельность Института национальной памяти вкупе с польскими правыми политическими силами и общественными движениями по реабилитации деятельности капитана АК Ромуальда Райса, действия которого ранее были однозначно квалифицированы как преступные [2]. Деятельность по реабилитации преступлений членов АК, осужденных в СССР, имеет целью подготовить общественное мнение к реабилитации любой преступной деятельности подразделений и членов АК, выставляя их жертвами «репрессий правящего режима СССР», косвенно затрагивая при этом вопрос легитимности послевоенных границ Польши и БССР [3].

Отдельно следует остановиться на использовании термина «репрессии». Репрессии – это карательные меры, исходящие от государственных органов [4]. Таким образом, термин «репрессии» означает законную деятельность государства по применению карательных мер.

Политические репрессии – различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения свободы, ... или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями [5]. В контексте данного исследования правильно использовать термин «политические репрессии».

В связи с этим возникает необходимость исследования легитимности деятельности подразделений и членов АК на территории БССР. «Армия Крайова» («Отечественная Армия») – подпольная польская военная организация, действовавшая в 1942–1945 гг. в пределах довоенной территории Польской республики и Венгрии [6].

Основной целью АК являлось восстановление Второй Речи Посполитой в границах до 1 сентября 1939 г. В этом целеполагании было заложено основное фундаментальное противоречие, которое, в случае разгрома Третьего рейха, неизбежно приводило к конфликту между Польшей и СССР, т. к. территориальная целостность БССР (в составе СССР) напрямую зависела от легитимности факта воссоединения с БССР Западной Беларуси 17 сентября 1939 г.

В целом, действия АК на территории БССР после начала ВОВ были направлены против оккупационных сил Третьего рейха. Легитимность деятельности АК на оккупированной территории СССР условно определялась «Соглашением о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики в изгнании» (более известным как договор Сикорского - Майского) от 30 июля 1941 г. [8].

25 апреля 1943 г. данное соглашение было СССР расторгнуто в связи с сотрудничеством правительства Польской Республики с представителями Третьего Рейха в расследовании событий так называемого «Катынского расстрела», после чего деятельность АК на территории СССР перестала быть легитимной по законам СССР [9].

1 декабря 1943 г. на Тегеранской конференции впервые на международном уровне был затронут вопрос о послевоенном устройстве Польши, а конкретно о границах Польского государства после войны [10]. На этой конференции И. В. Сталин высказался о действиях «агентов» правительства Польской республики в изгнании, указав, что

«агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете себе представить, что они там делают» [11]. Имелись в виду действия подразделений АК, которые сотрудничали с немецкими оккупационными властями, а также осуществляли нападения на партизан. Например: 9 декабря 1943 года командир Столбцовского соединения Новогрудского округа АК капитан Адольф Пильх («Гура») заключил с немцами договор и до конца оккупации получал от них оружие и амуницию. Подобное соглашение заключил в Лиде командир Наднеманского соединения поручик Юзеф Свида («Лех»), который на протяжении января, февраля и марта 1944 года получил пять обозов с оружием [12].

Под влиянием Британского правительства, которому были необходимы выгодные переговорные позиции с СССР на Ялтинской конференции, «Лондонское правительство» Польши, в лице командующего АК Леопольда Окулицкого, издало 19 января 1945 г. «Приказ о роспуске «Армии Крайовой», фактически, положив конец существованию АК и ликвидировав последнюю условно легитимную основу её деятельности [13].

В дополнение к насущности вопроса легитимности деятельности АК на освобожденной территории СССР и Польши, следует привести речь И. В. Сталина на Ялтинской конференции 6 февраля 1945 г.: «...В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися «силами внутреннего сопротивления».... Эти «силы» уже успели убить 212 военнослужащих Красной Армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы о регистрации радиостанций на освобожденной Красной Армией территории. «Силы внутреннего сопротивления» нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Сталин должен прямо заявить, что если эти «силы» будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать» [14].

Здесь необходимо отметить ряд важных моментов, имеющих значение для определения легитимности действий подразделений АК в тылу советской армии. Во-первых, подразделения АК названы «агентами лондонского правительства». Во-вторых, им была названа конкретная цифра убитых военнослужащих Красной Армии подразделениями «Армии Крайовой», что являлось публичным обвинением АК в преступной деятельности. В-третьих, было указано на нарушение «всех законов войны», то есть гаагской «Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны» от 18 сентября 1907 г., к которой Польская Республика официально присоединилась 9 июля 1925 г. [15].

Результаты Ялтинской конференции закрепили послевоенное устройство Польши в новых границах: восточная прошла в основном по «линии Керзона», западная - по линии Одер-Нейсе, а также обязали всех участников конференции действовать строго в рамках достигнутых соглашений. После выполнения всех договоренностей по политическому устройству послевоенной Польши и формирования Временного правительства национального единства, 5 июля 1945 года Великобритания и Соединённые Штаты, бывшие до тех пор союзниками Польского правительства в изгнании, перестали признавать это правительство [16].

Таким образом, преступная деятельность АК на территории БССР является незаконной и с точки зрения норм международного права, и в соответствии с законодательством как СССР. Все приговоры судов СССР, вступившие в законную силу в отношении членов Армии Крайовой, за совершенные ими преступления, являются законными актами, не имеющими никакого отношения к политическим репрессиям. Члены АК, осужденные в СССР являются преступниками, а не жертвами «политических репрессий», попытки оправдания их преступной деятельности (реабилитации) и «героизации», посредством информационно-пропагандистской деятельности, представляют угрозу историческому наследию и суверенитету Республики Беларусь.

Список использованных источников и литературы

1. «СБ Беларусь Сегодня» Как защитить историческое наследие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/neprikosnovennoe-nasledie.html>. – Дата доступа: 15.12.2022.
2. «Деятельность отряда капитана Р. Райса (Бурого) на территории Белосточчины в 1944–1946 гг. в политике памяти Республики Польши» – Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020;4:34–47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/253994/1/34-47>. – Дата доступа: 17.06.23.
3. Спутник Беларусь. Райс и «проклятые солдаты»: история скандала между Минском и Варшавой – 12.03.2021, Sputnik Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sputnik.by/20210312/Romuald-Rays-i-diplomaticheskij-skandal-mezhdu-Minskom-i-Varshavoy-1047114563.html>. – Дата доступа: 22.12.2022.
4. Репрессии. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М. : Мир и образование, 2015. – 1375, [1] с.

5. Политические репрессии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8006/ПОЛИТИЧЕСКИЕ_РЕПРЕПРЕССИИ. – Дата доступа: 20.05.2023.
6. Польская республика или Вторая Речь Посполитая. Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Польская_Республика_\(1918–1939\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Польская_Республика_(1918–1939)). – Дата доступа: 4.06.2023.
7. Армия Крайова. Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Армия_Крайова. – Дата доступа: 14.12.2022.
8. Соглашение между правительством СССР и правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. Лондон, 30 июля 1941 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939-1943 гг. – М. : Наука, 1973, С. 208.
9. Катынский расстрел. Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Катынский_расстрел. – Дата доступа: 4.06.2023
10. Тегеранская конференция. Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тегеранская_конференция. – Дата доступа: 04.06.2023.
11. Запись четвертого заседания глав правительств: Тегеран, 1 декабря 1943 года / Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М. : Издательство политич. литературы, 1984. – С. 146–147, 150.
12. «СБ Беларусь Сегодня» Марзалюк: Армия Крайова вела войну с советскими партизанами и мирным населением Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/marzalyuk-armiya-krayova-vela-voynu-s-sovetskimipartizanami-i-mirnym-naseleniem-belarusi>. – Дата доступа: 22.12.2022.
13. Из последнего приказа командующего Армей Крайовой. 19 января 1945 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14(3–1). СССР и Польша, 1944–1945. К истории военного союза: Док. и материалы. – М. : Терра, 1994. – С. 477.
14. Материалы Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г./ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав –

СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М. : Издательство политич. литературы, 1979. – С. 102–103.

15. Заявление правительства от 20 января 1927 года о присоединении Республики Польша к Международной конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, подписанной с соответствующим Положением в Гааге 18 октября 1907 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/przystapienie-rzeczypospolitej-polskiej-do-miedzynarodowej-konwencji-16777535>. – Дата доступа: 5.06.2023.

16. Договор между СССР и Польской Республикой о советско-польской государственной границе. Москва, 16 августа 1945 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. – М. : Наука, 1974. – С. 541.

О. В. Друзенюк

СТАРООБРЯДЦЫ В БССР: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ (СЕРЕДИНА 1940-Х – СЕРЕДИНА 1960-Х ГОДОВ)

Этноконфессиональная ситуация на территории современной Беларуси издавна характеризовалась своим многообразием. Со второй половины XVII в. одним из ее неотъемлемых компонентов становятся представители старообрядчества, вынужденные выезжать за границы Российского государства, спасаясь от преследований русского правительства. Условия для жизни и деятельности, сложившиеся в данном регионе в тот период, благоприятствовали компактному расселению и закреплению здесь сторонников старой веры.

В отношениях с местными жителями представителей данной конфессии, в первую очередь, отличала изолированность и обособленность. Проживали староверы в основном отдельными поселениями, стараясь не смешиваться с ними. Выделялись также и другие черты, присущие старообрядцам. Еще в изданиях XIX в. в сравнении с белорусами отмечались их предприимчивость, находчивость, изворотливость и расторопность [1, с. 44]. Особенно подчеркивалось трудолюбие и терпение представителей рассматриваемого религиозного течения [2, с. 42]. Труд для староверов являлся важнейшей функцией человека, а соответственно средством спасения его души. Это понятие объединяло как физическую и духовную сторону деятельности личности, так и активность, связанную с предпринимательством, торгов-

лей. «Для старообрядцев сам факт выживания веры был тесным образом увязан с телесным выживанием. Труд, направленный на спасение веры, был освящен». В своем большинстве в среде староверов сформировалось отрицательное отношение к туеядству [3, с. 34–35].

В середине 1940-х – середины 1960-х гг., контролируя функционирование старообрядческих общин на территории БССР, представители официальных инстанций регулярно обращали внимание на специфику обозначенной конфессии, отмечая выработанную верующими на протяжении не одного десятка лет «привычку к нелегалитету, замкнутости, консерватизму, резкую нетерпимость к инаковерию...» [4].

Однако, обозначенного рода изолированность, несомненно, не исключала полностью контакты староверов с местным населением. Характер этих отношений определялся различными факторами. Исследователями данной проблематики отмечалась зависимость качества обозначенных связей от принадлежности старообрядцев к действовавшим соглашениям. Согласно результатам проведенных исследований, на белорусских землях большую нетерпимость к местному православному населению проявляли представители беспоповства [5, с. 177 ; 6, с. 86]. Подобного рода характеристика встречалась и в отдельных отчетных материалах представителей контролирующих советских органов. Например, описывая в 1945 г. членов Борисовского объединения беспоповцев поморского согласия, уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Минской области, отмечал, что староверы данной местности «страшно ненавидели русских православных священников» [7].

В рассматриваемый период для местных жителей одним из характерных отличий старообрядческого населения продолжал оставаться их внешний вид. Основными элементами присущими староверам они называли длинные бороды и длинные рубашки. Внимание акцентировалось и на языковых особенностях. По словам местного населения, представители данной конфессии говорили на другом русском языке – «московском» [8, с. 37–40]. При этом в их речи отмечалось мягкое окончание в словах. Например, еще в отдельных краеведческих материалах 1930-х гг., касавшихся старообрядцев Гомельщины, описывалось частое употребление представителями данного религиозного течения слова «нонче» [9, с. 44].

Среди местного населения сложилось убеждение, что православная вера – это белорусская. Старообрядчество же считалось ими чисто русской верой. Согласно этнографическим материалам, замкнутость присущая староверам не оказывала существенного влияния на их общение с окружающим населением, особенно во время проведения религиозных и сезонных праздников [8, с. 37–40].

Так, например, у старообрядцев Видзовской общины издавна сложилась традиция особым образом праздновать Троицу. Еще во времена крепостного права, «в месте под названием «Сегинка»», примерно в 2 км от Видз проходили гуляния. Для населения владельцем имения подготавливалось угощение в виде приготовленных целиком на вертеле быков и алкогольных напитков. Каждый из праздновавших имел возможность взять столько мяса, сколько мог употребить. Старообрядцы на этом празднике организовывали торговлю сладостями. Привычка отмечать этот праздник у жителей сохранилась, однако с течением времени изменились его суть и место. Каждый год, чтобы почтить память умерших, староверы собирались на старообрядческом кладбище в роще возле озера Лазенки. Некоторые из них торговали напитками и продовольствием. По воспоминаниям одной из местной жительниц, в начале 1950-х гг. дети «ходили к автолавкам на «московские могилки»». На протяжении советского периода на Троицу староверы все также осуществляли торговлю сладостями [10, с. 162–163].

Во второй половине 1950-х гг. в старообрядческом обществе д. Огородня-Гомельская Добрушского района Гомельской области по словам председателя колхоза, силами верующих местного старообрядческого объединения периодически организовывались ярмарки, которые продолжались в течение двух дней и собирали большое количество приезжих [11]. По воспоминаниям жительницы указанного населенного пункта, в исследуемые годы старообрядческое население активно занималось садоводством. Местные яблоки регулярно отправлялись в Москву и Ленинград (современный Санкт-Петербург). По ее словам, самые ранние овощи и рассада также появлялись у староверов [12, с. 219].

В отношениях старообрядцев и местного белорусского населения особого внимания заслуживал брачный вопрос. В своем большинстве представители данной конфессии браки заключали среди своих. Однако имели место случаи, когда девушка-старообрядка выходила замуж за белоруса или латыша [1, с. 44].

Увеличение числа смешанных браков исследователями старообрядчества отмечалось в XX в. Отношение к ним у староверов было различное. Лояльно чаще всего воспринимали переходивших в старообрядчество для женитьбы на девушке данной конфессии. Отечественный исследователь старообрядчества Т. И. Хурсан утверждает, что уровень лояльности в брачном вопросе возрос после окончания Второй мировой войны [13, с. 96–97, 103].

По сведениям местных жителей д. Богушовки Бобруйского района, в рассматриваемый период был случай, когда «кацап» (так в дан-

ной местности называли старообрядцев) для того чтобы жениться на белорусской девушке перед своими единоверками «разыгрывал дурака». В результате чего местные староверы стали считать парня неадекватным, а его родители были вынуждены дать разрешение на этот брак, чего собственно и добивался молодой человек. Кроме того, местные жители сообщали, что традиционно в данном населенном пункте старообрядцы на свадьбу сыну дарили крест, а дочери — икону Богородицы.

В исследуемый период продолжают отличаться своим внешним видом и жилые дома староверов. Так, на примере Бобруйщины, можно отметить, что в их архитектурном украшении все также просматривалось «влияние самобытной старообрядческой культуры: фронтон «защиток» и наличники с резьбой, ошалеванные углы дома» [14, с. 144–145].

Таким образом, в середине 1940-х – середине 1960-х, по свидетельствам местных жителей, староверы, проживавшие на территории БССР, отличались внешностью, особенностями речи, видом жилых домов. Обособленность представителей данной конфессии не исключала взаимодействия с окружающим населением, что особенно проявлялось во время различных праздников. Не смотря на то, что в своем большинстве старообрядцы не заключали брачные союзы с иноверцами, имели место быть случаи, когда отдельные из их числа связывали свою судьбу с представителями местного населения.

Список использованных источников и литературы

1. Друзенюк, О. В. Из истории старообрядчества на Витебщине / О. В. Друзенюк // Православие в общественной жизни: традиция и современность: сб. науч. статей / редкол.: Н. Н. Мезга (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 42–48.

2. Друзенюк, О. В. Значение деятельности старообрядческого населения и его вклад в экономику белорусских губерний во второй половине XIX века / О. В. Друзенюк // Дни студенческой науки, Материалы XLIV студенч. науч.-практич. конф. / УО «ГГУ им. Ф. Скорины», Гомель, 28–29 апр. 2015 г. – Гомель, 2015. – С. 42–43.

3. Брянцев, М. В. Концепция труда в расколе / М. В. Брянцев // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы Междунар. науч.-практич. конф., Гомель, 27–28 февраля 2003 г. ; под ред. О. Г. Яценко. – Гомель, 2003. – С. 33–35.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Оп. 2 Д. 23. Л. 239–243.

5. Аўсейчык, У. Я. Стараверы беларускага Падзвіння ў канцы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці рассялення і ўзаемадзеяння з мясцовым насельніцтвам / У. Я. Аўсейчык // Религия и общество – 13 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 175–178.
6. Табунов, В. В. Взаимоотношения старообрядцев, православной церкви и государства на белорусских землях в конце XIX – XX стст. / В. В. Табунов // Религия и общество – 10: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. . Кулешова, 2016. – С. 85–87.
7. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 2. Л. 194–195.
8. Овсейчик, В. Е. Этнические группы северной Беларуси в представлениях белорусского населения / В. Е. Овсейчик // Живая старина – 2020. – № 4. – С. 37–40.
9. Кармянскі, Ю. 30 дзён на дынамічным перапісу. (Чачэрскі раён) / Ю. Кармянскі // Наш край. – 1930. – № 3. – С. 43–50.
10. Сафронов, П. М. Особенности празднования дня Святой Троицы старообрядческой общины в Видзах в XIX-XXI вв. / П. М. Сафронов // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 22–23 окт. 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 160–164.
11. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1354. Оп. 3. Д. 11. Л. 21–24.
12. Касперович, Г. И. Русские / Г. И. Касперович // Кто живет в Беларуси / А. В. Гурко [и др.] ; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 204–269.
13. Хурсан, Т. І. Асаблівасці вясельнай абраднасці стараабраднікаў-беспапоўцаў Беларускага Падняпроўя (на матэрыяле палявых этнаграфічных даследаванняў аўтара) / Т. І. Хурсан // Этналогія : традыцыі і сучаснасць: зб. навук. Арт. / пад навук. рэд. Н. П. Мартысюк. – Мінск : РІВШ, 2016. – С. 96–103.
14. Байтасова, А. Р. «Старообрядцы» на Бобруйшчыне (по материалам экспедиции по Бобруйскому району / А. Р. Байтасова, В. Г. Писаренко // Культура и быт белорусов в этнографических исследованиях и музейных коллекциях: мат. Международной науч. конф.; 7–8 июня 2012, г. Минск / Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Нац. Акад. Наук Беларуси ; А. И. Локотко (гл. ред.). – Минск : Право и экономика, 2012. – С. 143–148.

Д. У. Дубінін

ЭТНАГРАФІЧНЫЯ МУЗЕІ ПАД АДКРЫТЫМ НЕБАМ ЯК СРОДАК ДЭМАНСТРАЦЫІ І ВЫВУЧЭННЯ НАЦЫЯНАЛЬнай КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ

Актуалізацыя этнічных праблем у сучасным свеце выступае як адказ на працэсы глабалізацыі. Чым мацней надыходзіць глабалізацыя, тым з большай настойлівасцю народы імкнуцца захаваць сваю культуру, мову, рэлігію і традыцыі. Таму так надзённа сёння стаяць праблемы нацыянальнай ідэнтычнасці.

У падобнай сітуацыі адным з найважнейшых напрамкаў у развіцці этналагічнай навукі з'яўляецца стварэнне этнаграфічных музеяў, якія не толькі дэманструюць своеасаблівасць, культуру пэўнага этнасу, але і вядуць даследніцкую дзейнасць па яго вывучэнні. Менавіта этнаграфічныя музеі адбіраюць, захоўваюць, даследуюць, экспануюць і інтэрпрэтуюць першакрыніцы ведаў пра матэрыяльную і нематэрыяльную культурную спадчыну этнасу, дакументуюць працэсы этнагенезу, побыт і культуру розных этнічных супольнасцяў [3]. Этнаграфічныя музеі сёння спрыяюць не толькі аднаўленню, рэканструкцыі гістарычнай памяці народа, але і фарміраванню яго нацыянальнай ідэнтычнасці.

Стварэнне экспазіцыі этнаграфічнага музея цесна звязана з развіццём этналогіі. Пры праектаванні экспазіцыі музея даследуюцца асаблівасці матэрыяльнай і духоўнай культуры этнаса, што дазваляе найбольш поўна і гарманічна экспанаванне матэрыяльную культуру ў суправаджэнні элементаў нематэрыяльнай спадчыны. Экспазіцыя этнаграфічнага музея ўяўляе сабой фрагмент гістарычнай памяці – рэчаіснасці мінулага. Яе адукацыйнае і выхаваўчае ўздзеянне заключаецца ў тым, што адбываецца прапаганда народнага вопыту, тлумачэнне вытокаў і сутнасці этнічных фактараў у традыцыйнай культуры, яе сувязі з сацыяльна-эканамічнымі ўмовамі развіцця этнасу.

У сучасным соцыуме этнаграфічныя музеі, з аднаго боку, выступаюць як інстытут здольны арганізаваць грамадскую патрэбу самавызначэння і самаасэнсавання праз акружаючы прадметны свет, а з другога боку яны выражаюць адносіны грамадства да сваёй культурнай спадчыны. Захоўваючы культурную спадчыну, увекавечваючы ў культурнай памяці гісторыю чалавецтва, этнаграфічныя музеі выступаюць як свайго роду «генератары» культуры [4].

Развіцце этналогіі, асэнсаванне значнасці захавання артэфактаў матэрыяльнай і нематэрыяльнай культурнай спадчыны без адрыву ад гісторыка-культурнага асяроддзя яе існавання прывялі напрыканцы

XIX стагоддзя да стварэння ў Еўропе прынцыпіяльна новага тыпу музеяў – “музей пад адкрытым небам”. Т. В. Станюковіч вызначае музей пад адкрытым небам як групу музеяў, што ствараюцца на аснове нерухомах помнікаў і культурна-ландшафтных комплексаў. У якасці месца захоўвання і экспанавання этнаграфічных аб’ектаў тут выступае музейная тэрыторыя [3]. У сувязі з тым, што этнаграфічныя музей пад адкрытым небам ажыццяўляюць комплекснае захоўванне і дэманстрацыю побыту і культуры чалавечых супольнасцяў у натуральным асяроддзі іх усе часцей характарызуюць як адну з найбольш эфектыўных формаў этнаграфічных музеяў [2].

У адпаведнасці з існуючай класіфікацыяй музеі пад адкрытым небам падзяляюцца на асяроддзевыя музеі («in situ»), дзейнасць якіх накіравана на музеефікацыю гісторыка-культурнага і прыроднага асяроддзя з усімі рухомымі, нерухоымі і нематэрыяльнымі аб’ектамі, а таксама людзьмі, якія насяляюць тэрыторыю і ажыццяўляюць на ёй розныя віды дзейнасці; музеі-скансаны, дзе мадэлюецца гісторыка-культурнае асяроддзе за кошт звезеных аб’ектаў і прадметаў побыту, і экамузеі, дзе асяроддзе захоўваецца ў развіцці намаганнямі мясцовых жыхароў, а аб’екты гісторыка-культурнай спадчыны выкарыстоўваюцца па першапачатковым прызначэнні.

Да асяроддзевага этнаграфічнага музея, які размяшчаецца на месцы мінулага і сапраўднага пражывання чалавечай супольнасці, захоўвае нерухомыя аб’екты «in situ» і музеефікуе сведчанні ладу жыцця і традыцый беларусаў адносіцца гісторыка-культурны музей-запаведнік «Заслаўе». Гэты асяроддзевы этнаграфічны музей быў створаны ў 1986 годзе. На яго тэрыторыі музеефікаваны помнікі міжнароднага і рэспубліканскага значэння: гарадзішча «Замэчак» (X–XI стст., летапісны Ізяслаўль), курганныя могільнікі X–XI стст., гарадзішча «Вал» з кальвінскім зборам (XI–XVII стст., Заслаўскі замак), касцёл Нараджэння Найсвяцейшай Дзевы Марыі (другая палова XVIII ст.), палацава-паркавы комплекс Пшаздзецкіх. На тэрыторыі музея-запаведніка знаходзяцца музейна-выставачны этнаграфічны комплекс «Млын», які створаны ў гонар захаванага ў Заслаўі паравога млына – помніка мукамольнай вытворчасці пачатку XX ст., “Хата завознікаў”, свіран і кузня.

Да беларускіх скансан-музеяў можна аднесці Беларускі дзяржаўны музей народнай архітэктуры і побыту (в. Азярцо); Музейны комплекс старадаўніх народных рамёстваў і тэхналогій «Дудуткі». У гэтых музеях навакольнае асяроддзе мадэлюецца штучна, на аснове звезеных з розных месцаў Беларусі помнікаў народнай архітэктуры і побыту.

Беларускі дзяржаўны музей народнай архітэктуры і побыту (в. Азярцо) – гэта музей-скансан, які ўяўляе сабой цэлую вёску з

помнікаў дойлідства XVII–XX стагоддзяў. Музей размешчаны паміж вёскамі Азярцо і Строчыца, таму яго часта называюць «Музей ў Азярцы», Музей “Строчыца”, “Строчыцы”.

Неабходна адзначыць, што ідэя стварэння скансан-музея у нашай краіне належыць вядомаму беларускаму мастаку Фердынанду Рушчыцу. Яшчэ ў 1908 годзе ён хацеў стварыць такі этнаграфічны комплекс пад адкрытым небам. Але стварэнне такога музея пад адкрытым небам стала магчымым толькі ў другой палове XX стагоддзя, ў 1976 годзе. З розных рэгіёнаў Беларусі на тэрыторыю музея былі перавезены помнікі драўлянай архітэктуры, прадметы побыту, рамёстваў і промыслаў. У перыяд ад 1987 па 1994 год у музеі былі адкрыты экспазіцыі, адлюстроўваючыя архітэктуру, культуру і жыццёвы ўклад трох этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі – Цэнтральная Беларусь, Паазер’е і Падняпроўе. На сёняшні час ў музеі знаходзіцца каля 40 аб’ектаў, сярод якіх: Пакроўская царква XVIII стагоддзя, царкоўна-прыходская школа, вятрак і свіран, карчма, кузня, лазня, хаты заможных і бедных сялян. У этнаграфічным музеі дзейнічаюць выставы: “Транспартныя сродкі ў Беларусі”, “Пчалярства ў Беларусі”, “Беларускі лён”, “Забродскія снасці”, (рыбалоўства Беларусі). Традыцыйным ў музеі народнай архітэктуры і побыту стала правядзенне нацыянальных свят і абрадаў, фестываляў і канцэртаў: Каляды, Масленіца, Гуканне вясны, Купалле, Восеньскі фэст і інш.

Да жывога музея пад адкрытым небам адносіцца і Музейны комплекс старадаўніх народных рамёстваў і тэхналогій “Дудуткі”. Ён размешчаны ў ваколіцах вёскі Дудзічы. Побач некалі знаходзіўся маёнтак знакамітага дваранскага роду Ельскіх, якія ператварылі мястэчка Дудзічы ў буйны рамесны і гандлёвы цэнтр, “сядзібу муз”.

Ініцыятарам стварэння музея «Дудуткі», які адкрыўся ў 1994 годзе, стаў беларускі журналіст Яўген Будзінас. У склад музейнага комплексу ўваходзіць: этнаграфічная галерэя з экспазіцыяй прадметаў побыту XVIII–XX стагоддзяў, рамесны двор (саломы- і лозапляценне, ткацтва), ганчарная майстэрня (музей керамікі), майстэрня цесляра, старадаўняя кузня XIX стагоддзя, сыраварня, пякарня, бровар (цэх самаганаварэння), вятрак галандскага ўзору (збудаваны ў 1903–1905 гг. братамі Міхаілам і Іванам Паляковымі), драўляная царква Іаана Прарока, стайня з пародзістымі конямі, заасад (каровы, авечкі, свінні, труссы, свойскія птушкі) і інш. На працягу ўсяго года ў “Дудутках” праходзяць святы і фестывалі: пленэр кавалёў, open air “Купалле”, фэст “Этна Млын”, свята Трех Спасаў”, калядныя выставы і інш.

Што да экамузея, то ідэя яго стварэння атрымала развіццё ў 1970-ыя гады, зыходзячы з тэорыі комплекснага захавання этнаграфічных матэрыяльных і нематэрыяльных аб’ектаў без канфіскацыі з асяроддзя бытавання. Гэтыя музеі накіраваны, у першую чаргу,

на вырашэнне надзённых сацыяльных, эканамічных, культурных праблем мясцовай супольнасці на аснове яе актыўнага ўключэння ў працу па захаванні і выкарыстанні ўсіх відаў сваёй спадчыны. Некаторыя экамузеі атрымалі назву “жывы музей”, калі музейныя экспазіцыі і некаторыя формы музейнай дзейнасці ўключаны ў сучаснае асяроддзе бытавання. Адной разнавіднасцяў экамузея з’яўляецца музей народнай творчасці “Бездзежскі фартушок”, які адкрыўся ў 1999 годзе ў вёсцы Бездзеж. Гісторыя гэтай вёскі налічвае больш за 600 гадоў. На працягу часу свайго існавання вёска славіцца белымі ільнянымі фартухамі з расшытымі сімвалічнымі ўзорамі.

Музей “Бездзежскі фартушок” уключае багатую калекцыю старадаўніх фартухоў, іншых прадметаў нацыянальнага адзення, ручнікоў. Пры музеі адкрыты падворак, які ўяўляе сабой сапраўдны сялянскі дом, дзе адноўлены побыт жыхароў палескай вёскі. Знаёмства з рамяством і традыцыямі народнага строю часта суправаджаецца гульнямі і спевамі. У Бездзежы можна ўбачыць рэдкі танец на вілах “Мікіта”. На Вялікдзень тут праходзіць унікальны вясновы абрад “Стрэлка”.

Этнаграфічны музей пад адкрытым небам, як камунікатыўная сістэма, спалучае ў сабе магчымасці адукацыі (перадачы ведаў і культурных каштоўнасцей, якія былі назапашаны папярэднімі пакаленнямі), навучання (перадачы канкрэтных уменняў і навыкаў) і выхавання (эмацыянальнага ўздзеяння, якое фарміруе маральны, эстэтычны і каштоўнасна-арыентацыйны свет асобы) [1, с 13].

Выхаваўчае ўздзеянне этнаграфічных музеяў пад адкрытым небам ў нашай краіне заключаецца яшчэ і ў тым, што праз іх можна даведацца пра традыцыі і побыт беларускага народа, прыняць удзел у спрадвечных абрадах, паслухаць фальклорныя песні і навучыцца беларускім танцам, паназіраць за работай майстроў і самім зрабіць сапраўдныя беларускія рамесніцкія вырабы, пакаштаваць стравы беларускай нацыянальнай кухні. Менавіта такое дачыненне падростаючага пакалення да культурнай спадчыны беларускага народа спрыяе выхаванню ў яго любві да сваёй Бацькаўшчыны, гонару за сваю Радзіму. Такі падыход узмацняе ідэялагічную значнасць этнаграфічных музеяў і спрыяе фарміраванню ў студэнцкай моладзі нацыянальнай самасвядомасці і этнічнай ідэнтычнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Кузьміна, Е. Е. Роль музея в решении этнических проблем // Музей и этнология, отв. ред. Е. Л. Галкина / Е. Е. Кузьмина. – М. : 1997. – С. 13.

2. Пронина, С. А. Методика фондовой деятельности в этнографических музеях под открытым небом / С. А. Пронина, Т. И. Кимева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 3. – С. 187–197.

3. Станюкович, Т. В. Этнографическая наука и музеи / Т. В. Станюкович. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1978. – 286 с.

4. Юренева, Т. Ю. Музееведение / Т. Ю. Юренева. – М. : Академический Проект, 2004. – 560 с.

С. А. Елизаров

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ (1944–1991 ГАДЫ)

Административно-территориальное деление представляет собой целостную структурированную и иерархически построенную систему административно-территориальных единиц, на которые делится территория унитарного государства или субъекта федеративного государства. Административно-территориальное деление есть явление историческое. Для него характерны процессы трансформаций, отражающие изменения, в одних случаях, фундаментальных основ построения общества, в других – тактических властных приоритетов, связанных с корректировкой тех или иных направлений государственной политики.

Перед началом Великой Отечественной войны территория Гомельщины делилась на две области: Гомельскую с центром в г. Гомель (14 районов) и Полесскую с центром в г. Мозырь (15 районов). В первые послевоенные годы в СССР продолжался процесс разукрупнения административно-территориальных единиц как следствие проводившейся политики «приближения органов управления к местам», расширения «вертикали власти», регламентации всех сфер деятельности общества. В БССР это выразилось прежде всего в дроблении областей. Постановлением Президиума Верховного Совета БССР от 20 сентября 1944 г. в республике за счет разукрупнения ряда областей были образованы 3 новые области – Бобруйская, Гродненская и Полоцкая. Разукрупнению подверглась и Полесской – из ее состава в новую Бобруйскую область вошли Глусский, Октябрьский и Паричский районы) [1, с. 16].

Длительная полоса административно-территориальных изменений в БССР началась в январе 1954 г. с реорганизации областного деления. Решающим толчком к этому послужил сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС, принявший программу преобразования сельского

хозяйства. Новые задачи вызывали необходимость укрепления низового и районного звеньев управления сельским хозяйством, что требовало переброски кадров из областных организаций в районы (другого варианта быстрого кадрового усиления не было из-за дефицита квалифицированных специалистов-управленцев).

Вопрос сокращения областей решался в очень короткие сроки без длительной предварительной проработки. Оказался востребованным предвоенный вариант «единой» Гомельской области. Постановлением Президиума Верховного Совета БССР от 8 января 1954 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР наряду с Барановичской, Бобруйской, Пинской, Полоцкой областями ликвидировалась и Полесская область, все районы которой вошли в состав Гомельской области (как и Октябрьский и Паричский районы Бобруйской области) [1, с. 23]. В результате этой территория Гомельской области увеличилась на 24,8 тыс. км². (в 2,6 раза).

Общая линия на укрупнение административно-территориальных единиц не могла не коснуться и районного звена. Необходимость перестройки районной системы в то время объективно назрела: отдельные районы республики как по площади, так и по численности населения были мелкие, центры их не получали должного развития, а население тяготело к центрам более крупных сельских районов. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 17 декабря 1956 г. были упразднены 11 районов, в том числе Светиловичский, Стрешенский и Журавичский Гомельской области.

Самые значительные перемены за послевоенный период в районном делении БССР произошли в декабре 1962 г. в связи с реорганизацией системы управления колхозно-совхозным производством. Обострившиеся в начале 1960-х гг. проблемы в сельском хозяйстве советское партийно-государственное руководство связывало в первую очередь не с последствиями осуществленных многочисленных импульсивных и непродуманных мероприятий, а с неэффективностью системы управления и недостатком квалифицированных и инициативных управленцев сельскохозяйственного производства.

22 марта 1962 г. по итогам работы мартовского Пленума ЦК КПСС было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о перестройке управления сельским хозяйством, а 3 апреля 1962 г. – соответствующее Постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР. В БССР создавались территориальные производственные колхозно-совхозные управления (ТПКСУ) в качестве межрайонных органов для руководства сельским хозяйством 2–3 районов: в Гомельской области их было организовано 11 (всего по республике – 60) [2, с. 165].

В результате на районном уровне возникли две организации: административные районы с преобладанием административно-управленческих и социальных функций и ТПКСУ с преобладанием функций административно-хозяйственных. Это очень быстро создало неизбежную «управленческую неразбериху». В результате в ноябре 1962 г. на пленуме ЦК КПСС было решено «считать целесообразным иметь производственные колхозно-совхозные управления, образуемые на основе укрупнения ныне существующих сельских районов...» [3, с. 293].

Укрупнение районов до уровня ТПКСУ стало партийно-государственной директивой, принятой на местах к исполнению. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 25 декабря 1962 г. эта реорганизация районной системы была официально оформлена [4, с. 281–287]. Вместо существовавших 123 районов осталось 77 (по количеству производственных колхозно-совхозных управлений – так стали официально называться бывшие ТПКСУ). По Гомельской области было ликвидировано 10 районов: Комаринский, Чечерский, Ветковский, Тереховский, Наровлянский, Лельчицкий, Копаткевичский, Лоевский, Октябрьский, Кормянский.

Достаточно быстро опыт существования новой районной системы, созданной после декабрьского (1962 г.) укрупнения сельских районов с одновременным упразднением 46 районов, показал, что ликвидация такого количества районов себя не оправдала. Многие районы оказались слишком крупными и трудно управляемыми. Большая пересеченность местности, отсутствие дорог усложнило оперативное руководство колхозами и совхозами, возникли значительные трудности и неудобства в обслуживании населения [2, с. 169].

После освобождения от партийных и государственных постов Н. С. Хрущева (октябрь 1964 г.) на волне критики «волюнтаризма и субъективизма» руководство БССР признало поспешность и необоснованность декабрьской (1962 г.) районной реорганизации и уже в декабре 1964 г. ЦК КПБ обратился с просьбой в ЦК КПСС разрешить разукрупнение ряда сельских районов [2, с. 181].

6 января 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР были образованы 23 новых района (4 района – по Гомельской области – Ветковский, Лельчицкий, Наровлянский и Чечерский) с прежними до реорганизации 1962 г. административными центрами [1, с. 45–46].

В июле 1966 г. была оформлена последняя в послевоенной истории крупная реорганизация районной системы республики. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 30 июля 1966 г. «Об образовании новых районов Белорусской ССР» было образовано 17 новых сельских районов (по Гомельской области – Кормянский, Лоевский и Октябрьский), разукрупнению подверглись 36 районов (по Гомельской области – Брагинский, Гомельский, Речицкий, Рогачевский, Светлогорский и Чечерский) [1, с. 54].

Новая районная реорганизация вполне назрела и вытекала из реального опыта руководства районами в условиях сохранения строгой вертикальной соподчиненности всей системы управления. Разукрупнение районов позволило снизить нагрузку на районный аппарат, создало основу для улучшения его деятельности по оперативному руководству хозяйственными субъектами, восстанавливало сложившееся годами притяжение населения к райцентрам, делало доступнее объекты социально-культурной сферы для сельского населения. В рамках новых районов минимизировалась проблема учета специфики природно-почвенных условий различных зон, существовавшая в районах до разукрупнения.

Правда, сам процесс носил характер «чрезвычайщины» и прежде всего был рассчитан на укрепление доверия к новому руководству со стороны партийно-государственного аппарата среднего звена управления. В качестве «фона» было использовано недовольство части населения постоянными административно-территориальными изменениями, но только в тех случаях, когда такое недовольство вписывалось в рамки интересов партийно-советской номенклатуры. Вся районная реорганизация фактически свелась к возвращению к административно-территориальному делению до декабрьских изменений 1962 г.

В целом сложившееся в БССР к 1967 г. административно-территориальное деление отвечало выбранному варианту развития советского общества, хотя на уровне некоторых областей специалисты отмечали несовпадение их границ с объективно сложившимися на практике зонами социально-экономического притяжения. Одновременно влияние более развитых районных центров выходило за пределы их границ, а зоны притяжения крупных производственных комплексов также не соответствовали административно-территориальным границам.

После районной реорганизации 1966 г. административно-территориальное деление Гомельской области практически не изменялось за исключением укрупнения сельсоветов.

Таким образом, административно-территориальное деление Гомельщины менялось соответственно изменениям или корректировке основных приоритетов развития советского общества и рассматривалось центральной властью как инструмент текущей политики. При этом главным мотивом для всех административно-территориальных трансформаций было стремление создать систему местного государственного управления, способную наиболее эффективно решать на своем уровне конкретные социально-экономические и политические задачи, ставившиеся центральной властью. Задачами второго порядка, которые (в разной степени) решались при планировании и осуществлении конкретных административно-территориальных реорганизаций, являлись: экономия материальных средств за счет сокращения

административно-территориального управленческого аппарата; перераспределение руководящих кадров между органами власти и управления разных звеньев административно-территориального деления; достижение равновеликости административно-территориальных единиц одного порядка по площади, численности населения, экономическим показателям; совмещение административно-территориального и экономического районирования; улучшение социально-экономического и культурного обслуживания населения; выделение промышленно-развитых населенных пунктов в качестве центров административно-территориальных единиц.

Список использованных источников и литературы

1. Административно-территориальное устройство БССР : справочник : в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В. А. Круталевич [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985–1987. – Т. 2 (1944–1980 гг.) / сост. : С. Д. Гриневич [и др.]. – 1987. – 283 с.

2. Елизаров, С. А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.) / С. А. Елизаров. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 222 с.

3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1983–89. – Т. 10 (1961–1965 гг.). – 1985. – 493 с.

4. Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. 1938–1975 гг.: в 3 т. / сост. : Е. Я. Бурдзевецкий [и др.]. – Минск : Беларусь, 1974–1976. – Т. 1. – 1974. – 672 с.

А. У. Ерашэвіч

УРАДАВАЯ ГРАШОВАЯ ДАПАМОГА СЛУЖБОЎЦАМ ГРАМАДЗЯНСКАГА ВЕДАМСТВА Ё БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ё 1830–1850-Х ГАДАХ

Непрадбачаныя абставіны ў асноўным стыхійнага характару (неўраджаі, пажары, эпідэміі, паводкі і інш.) абумоўлівалі неабходнасць дзяржаўнай грашовай падтрымкі чыноўнікаў і канцылярскіх служыцелей грамадзянскага ведамства ў беларускіх губернях Расійскай імперыі ў 30–50-х гг. XIX ст. на кошт сум дзяржаўнага казначэйства.

Асабліва пашыранай была ўрадавая фінансавая дапамога службоўцам у гарадах, якія пацярпелі ад неўраджаяў хлеба, паколькі дзяр-жаўным служачым і членам іх сем'яў пагражаў голад з прычыны росту гандлёвых цэн і немагчымасці задаволіць першасныя патрэбы ў харчаванні з-за нізкіх акладаў афіцыйнага гадавога жалавання – асноўнай крыніцы існавання большасці чыноўнікаў ніжэйшых рангаў і канцылярскіх служыцелей.

У канцы 1833 г. усім чыноўнікам і канцылярскім служыцелям, акрамя старшынь, членаў і сакратароў прысутных устаноў, у Віцебскай і Магілёўскай губернях выдаваліся не ў залік 2-месячныя (па новых штатах і асобных палажэннях) ці 4-месячныя (па ранейшых штатах, ці калі выдачы ажыццяўляліся з канцылярскіх сум) аклады жалавання. Тыя чыноўнікі і канцылярскія служыцелі, якія атрымлівалі менш 150 р. гадавога жалавання ці ўвогуле яго не набывалі, мелі права на асігнаванне аднаразовай грашовай дапамогі не ў залік ў памеры 50 р. на чал. Праўда, рэгуляваць грашовае раздачы павінны былі губернатары, пры гэтым кіруючыся палажэннем, што права на атрыманне грашовай падтрымкі давалася толькі тым чыноўнікам і канцылярскім служыцелям, якія не маглі абысціся без урадавай пабляжкі і толькі ў тых гарадах, дзе хлебныя цэны павялічыліся ўдвая [15, с. 652]. Кожны з павятовых страпчых у Віцебскай і Магілёўскай губернях меў магчымасць скарыстацца аднаразовай казённай выдачай гадавога акладу жалавання па 150 р. [12]. Вядома, што паводле сенацкага ўказа ад 12.12.1833 г. выдаваемыя сумы казённай грашовай дапамогі чыноўнікам канцылярыі віцебскага генерал-губернатара залежылі ад колькасці душ у іх сем'ях, а не ад памераў атрымліваемага імі акладнога жалавання. На грашовае сумы ўрадавай дапамогі ў памеры трэтнага жалавання маглі разлічваць тыя з службоўцаў, якія мелі аклады жалавання студзеня 1833 г. [5, арк. 3, 5–5 адв.]. Размеркаванне грашовае выдач для чыноўнікаў і канцылярскіх служыцелей канцылярыі віцебскага генерал-губернатара у канцы 1833 г. [5, арк. 7 адв.–8] сведчыць, што службоўцы пры аднолькавым чыне тытулярнага саветніка на пасадах памочніка сакратара мелі розныя сумы грашовай дапамогі: прыкладам, Фаме Манькоўскаму (9 членам сям'і) выплацілі 400 р., а Андрэю Ляшкевічу (4 членам сям'і) толькі 177,76 р. Усяго грашовае дапамогу ў памеры 2406,69 р. запрасіў 21 чыноўнік [5, арк. 16]. 17.04.1834 г. Віцебская казённая палата асігнала чыноўнікам канцы-

лярыі 2-х месячных аклады атрымоўваемага імі жалавання на агульную суму 2406,69 р. і выдала на пакупку хлеба для 3 вартавых канцылярыі 10,5 р. [5, арк. 48–48 адв.]. Просьба чыноўнікаў Віцебскага гарадавога магістрата і думы аб грашовай дапамозе засталася без наступстваў [5, арк. 52–54 адв.]. У грашовай дапамозе адмовілі прыватным і следчым прыставам, квартальным наглядчыкам і брандмайстрам пры паліцыях, паколькі яны не належылі да катэгорыі канцылярскіх служыцелей і павінны былі адшукваць іншыя спосабы ўтрымання ад гарадоў [5, арк. 80–81]. Толькі медыцынскія чыны грамадзянскага ведамства (ветэрынарныя памочнікі, «гезелі» і лекарскія вучні), згодна з журналам Камітэта міністраў ад 22.05.1834 г., атрымалі ў якасці ўрадавай грашовай дапамогі трэтнае жалаванне, у той час як аптэкарскія вучні і пісары пры казённых аптэках і іншы медыцынскі персанал маглі разлічваць на выдачу не больш пуда мукі хлебам штомесяц на кожнага на кошт дзяржаўнай казны [5, арк. 63–64].

У 1836 г. па Віцебскай губерні была вылучана для раздачы людзям, якія патрабавалі сродкаў для пражытку ў выніку неўраджаю хлеба, невялікая сума ў 594 р. асігнацыямі. Грашовае дапамога немаёмным аказвалася за кошт працэнтаў з сум Віцебскага прыказа грамадскай апекі. Кожны з прэтэндэнтаў мог разлічваць на атрыманне ад 5 да 10 р. Сумы выдаваліся пры пасрэдніцтве дваранскіх прадвадзіцеляў дваранства і гараднічых. Усяго грошы дапамогі былі выданы толькі 16 асобам. З Савету імператарскага чалавекалюбівага таварыства ў 1839 г. было пералічана яшчэ 606,85 р. [6, арк. 1–2, 24–24 адв., 40, 42].

Маштабныя неўраджаі 1844 і 1845 гг. у Віцебскай і Магілёўскай губернях павялічылі больш чым у 2 разы цэны на хлеб у гарадах і плату за наём кватэр чыноўнікамі і канцылярскімі служыцелямі з прычыны абкладання гаспадароў дамоў дабавачным паўпрацэнтным зборам да 1 % збору кватэрнай павіннасці. Паводле палажэння Камітэта міністраў імператар 9.10.1845 г. прызначыў казённую грашовую дапамогу чыноўнікам і канцылярскім служыцелям у тых гарадах Магілёўскай губерні, якія пацярпелі ад неўраджаю: чыноўнікам, акрамя старшын, членаў і сакратароў прысутных устаноў, паўгадавое (паводле ранейшых акладаў і ўтрымання з канцылярскіх сум) і трэтнае (па новых штатах) жалаванне. У гарадах і паветах, менш пацярпелых ад неўраджаю, чыноўнікам і канцылярскім служыцелям выдавалі двухмесячныя сумы гадавога жалавання, а тым службоўцам, якія атрымлівалі менш 15 р. жалавання у трэць ці не атрымоўвалі яго зусім, аднаразова па 15 р. на асобу. Па-ранейшаму дзейнічаў прынцып

асігнавання грашовай дапамогі толькі тым чыноўнікам і канцылярскім служыцелям, якія не маглі пражыць за кошт уласных сродкаў. Прасілі ўрадавую дапамогу чыноўнікам і канцылярскім служыцелям Віцебскай і Магілёўскай губерняў і на 1846 г. 4.03.1847 г. імператар, згодна з зацверджанымі 20.07. і 9.10.1845 г. палажэннямі Камітэта міністраў, ухваліў аказанне грашовай дапамогі чыноўнікам і канцылярскім служыцелям Магілёўскай і Віцебскай губерняў у 1847 г. у ранейшым памеры. На падставе ўказа ад 20.07.1845 г. ад права на грашовую дапамогу ў Віцебскай губерні выключаліся некаторыя службоўцы, якім было дазволена выдаваць грошы аднаразовай дапамогі згодна з асобнымі вышэйшымі загадамі: 11.12.1845 г. выплачваць 4-х месячнае жалаванне (па старых штатах) і 2-месячнае (па новых штатах) [9, арк. 1–3, 4–5, 6–6 адв., 24–25 адв., 28–29, 31–32].

На гэты раз права на казённую грашовую дапамогу з-за неўраджаю хлеба загадвалася распаўсюдзіць і на чыноўнікаў і канцылярскіх служыцелей гарадскіх дум, магістратаў, сіроцкіх судоў, кватэрных камісій. Службоўцы, якія атрымоўвалі жалаванне з гарадскіх даходаў, мелі права на грашовае садзейнічанне з гарадскіх сум за вінны і піўны водкупы. У 1845 г. у дапамогу чыноўнікам і канцылярскім служыцелям з Магілёўскай казённай палаты на кошт Галоўнага казначэйства было пералічана 703,53 р. для выдачы грошай службоўцам, у залежнасці ад колькасці атрымоўваемага імі жалавання з гарадскіх даходаў: Мсціслаўскаму гарадавому магістрату 204,47 р., Чавускай, Клімавіцкай, Копыскай, Аршанскай і Рагачоўскай гарадскім думам 345,49 р., квартальным наглядчыкам у колькасці трэтнага жалавання ў Мсціславе, Чавусах, Оршы 153,57 р. Чынам віцебскай гарадской паліцыі, думы, кватэрнай камісіі, магістратаў у 1846 і 1847 гг. было выдаткавана 1029,5 р. дапамогі з наступным вяртаннем думе. З сум, адпушчаных думам за вінны і піўны водкупы, было вылічана выдаць у 1846 і 1847 гг. у якасці грашовай дапамогі чыноўнікам і канцылярскім служыцелям гарадоў Віцебскай губерні, якія атрымоўвалі жалаванне з гарадскіх даходаў, суму ў памеры 3190,9 р., у тым ліку ў Віцебску 1629,33 р. (за выключэннем 1029,5 р. астатнія 599,83 р. трэба было вярнуць), у Суражы – 157,21 р., у Гарадку – 154,75 р., у Лепелі – 95 р., у Полацку – 616,65 р., у Дрысе – 176,32 р. (усе сумы, перасылаемыя думам з казённай палаты, трэба было ёй вярнуць у будучым [9, арк. 198, 200, 201–202 адв., 206 адв.–207, 215–215 адв., 286–286 адв., 295–295 адв.]. 56 пісарам Віцебскага губернскага праўлення паводле пастановы ад 2.04.1847 г. у дапамогу з рэштак 1846 г. ад жалавання канцылярскіх служыцелей пайшло 464,34 р. (за вылікам 10 % на карысць інвалідаў да выдачы было 417,74 р.)

[10, арк. 33–34], хоць з 26.03.1846 г. грашовыя выдачы дапамог з нагоды неўраджаяў чыноўнікам вучылішнага і грамадзянскага ведамстваў пазбаўляліся неабходнасці 10 % выліку з сумы на карысць знявечаных [14].

У 1848 г. чыноўнікам і канцылярскім служыцелям Магілёўскай і Віленскай каталіцкіх кансысторый было выдана 1666,33 р. дапамогі [1, с. 419]. 10.05.1849 г. імператар залічыў расходы ў памеры 769,21 р. з Магілёўскай казённай палаты чыноўнікам Магілёўскай губерні ў дапамогу з прычыны неўраджаю 1846 г., якія не згадваліся ў палажэнні Камітэта міністраў ад 5.01.1848 г. [9, арк. 274–275].

У 1839 г. у распараджэнне кожнага з генерал-губернатараў беларускага-літоўскага краю (віцебскага, магілёўскага і смаленскага, а таксама віленскага ваеннага, гродзенскага, мінскага і беластоцкага генерал-губернатара) была прызначана штогадавая экстраардынарная сума памерам у 4 тыс. р. для раздачы грашовых дапамог і ўзнагарод бедным чыноўнікам, канцылярскім служыцелям і ў крайнім выпадку іх сем'ям з нагоды розных выпадкаў: пасля працяглай хваробы, на пахаванне памерлых (калі пасля смерці не заставалася ніякай маёмасці), на іншыя непрадбачаныя патрэбы (з прычыны пажару, крадзяжу маёмасці і г.д.). Выдачы сум грошай залежылі ад уласных меркаванняў генерал-губернатараў [8, арк. 81; 16]. Гэтая сума цалкам не вычэрпвалася. Так, у 1840 г. віцебскі генерал-губернатар раздаў толькі 850 р. [7, арк. 129–129 адв.].

Згодна з палажэннем Камітэта міністраў ад 24.03.1853 г. віцебскаму, магілёўскаму і смаленскаму генерал-губернатару было дазволена рэшткі з штатных сум канцылярскіх, у тым ліку канцылярскай і экстраардынарнай, раздаць у дапамогу чыноўнікам і канцылярскім служыцелям і выкарыстаць на патрэбы канцылярскіх [2, с. 133–134]. Паводле палажэння Камітэта міністраў ад 29.01.1857 г. з прычыны дарагоўлі харчовых прадуктаў чыноўнікам і канцылярскім служыцелям Віцебскай губерні была дадзена грашовая дапамога: тым з службоўцаў, чые аклады даходзілі ў Віцебску да 300, а ў павятовых гарадах да 230 р., было прадпісана выдаць з дзяржаўнай казны грашовую дапамогу ў памеры трэтных акладаў жалавання без розніцы ведамстваў і займаемых пасадак. Чынам, якія атрымлівалі жалаванне ў памеры да 57,14 р. у год ці былі зусім без грашовага ўтрымання, давалася аднаразова ў залік па 25 р. кожнаму. Грашовую дапамогу па меркаванні начальства губерні і пад адказнасцю губернатара і епархіяльнага архіерэя трэба было выдаваць у тых гарадах, дзе цэны на хлеб павялічыліся ўдвая [4, с. 10–11]. У 1858 г. недастатковыя чыноўнікі ведамства Міністэрства ўнутраных спраў займелі права атрымання

грашовай дапамогі з рэшткаў даходаў прыказаў грамадскай апекі ў памеры ад 120 да 250 р. штогод для выхавання дзяцей у сваіх сем'ях ці ў адкрытых навучальных установах [13, с. 9].

Практыка ўрадавай грашовай дапамогі датычылася і асоб з чыноўніцкага корпусу, якія цярпелі ад эпідэмічных захворванняў. Так, у 1848 г. па Віцебскай губерні былі ахвяраваны 1 тыс. р. для раздачы ў дапамогу захварэлым ад халеры чыноўнікам (засталіся незапатрабаванымі 557,46 р.) [11, арк. 185].

Рашэнні аб аказанні грашовай падтрымкі пэўным асобам высакароднага саслоўя, якія працавалі ў органах дваранскага самакіравання, прымаліся на карпаратыўных сходах. Так, 24.03.1853 г. дваранства Магілёўскай губерні дамовілася аб выдачы ўдаве з 2 малалетнімі дзецьмі калежскага сакратара, перакладчыка Магілёўскага губернскага дэпутацкага сходу Касачэўскага аднаразовай дапамогі ў памеры 180 р. з памешчыцкіх даходаў з унясеннем расхода ў каштарыс прыватных земскіх павіннасцей дваранскіх маёнткаў для пакрыцця ўзносу [2, с. 193]. 3.04.1854 г. была зацверджана пастанова дваранства Мінскага павета аб аднаразовым зборы па 1,25 к. серабром з кожнай дзесяціны прыдатнай зямлі дваранскіх маёнткаў з мэтай аказання грашовай дапамогі прадвадзіцелю дваранства Багдашэўскаму [3, с. 168–169].

Такім чынам, практыка выдачы адносна невялікіх сум аднаразовай грашовай дапамогі з боку дзяржавы ў 1830–1850-х гг. у беларускіх губернях Расійскай імперыі датычылася ў асноўным немаёмных і асабліва адданных службе чыноўнікаў і канцылярскіх служыцелей ніжэйшых рангаў, якія аказваліся ў складанай жыццёвай сітуацыі пасля неўрадзяяў, эпідэміяў, пажараў і іншых стыхійных бедстваў. Асабліва распаўсюджанымі былі раздачы грошай службоўцам у гарадах Віцебскай і Магілёўскай губерняў, якія часта цярпелі ад неўрадзяяў хлеба. Размеркаванне вылучаных з дзяржаўнага казначэйства сум дапамогі знаходзілася ў кампетэнцыі генерал-губернатараў і губернатараў, якія мелі права адвольнай іх выдачы ў неаднолькавым памеры службоўцам канцылярый. Пры вызначэнні неабходнасці аказання грашовай дапамогі пэўнаму чыноўніку ці канцылярскаму служыцелю браліся на ўвагу колькасць дзяцей у сям'і, а не памеры атрымоўваемых імі штогадавых акладаў жалавання, асабістыя заслугі дзяржаве, ступень немаёмнасці і патрэбы ў грашовай дапамоге, іншыя абставіны.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). – 1848. – № 12.
2. ЖМВД. – 1853. – № 8. – Отд. 1.

3. ЖМВД. – 1854. – № 6. – Отд. 1.
4. ЖМВД. – 1857. – № 3. – Отд. 1.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 7609.
6. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 9575.
7. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 11777.
8. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 13404.
9. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 16362.
10. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 18035.
11. НГАБ. – Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 25116.
12. О вспомоществовании уездным и окружным стряпчим в губерниях, потерпевших от неурожая: высочайше утвержденное 10.04.1834 г. положение Комитета министров, объявленное Сенатом 17.05.1834 г. // ПСЗ-2. – Т. 9–1. – № 6973. – С. 282.
13. О выдаче недостаточным чиновникам ведомства Министерства внутренних дел пособий на воспитание детей в своих семействах или в открытых учебных заведениях: высочайше утверждённое 3.07.1858 г. положение Комитета министров // ПСЗ-2. – Т. 33–2. – № 33359. – С. 8–10.
14. О непроизводстве вычета в пользу увечных при выдаче пособий по случаю неурожая чиновникам не только училищного, но и гражданского ведомств: высочайше утвержденное 26.03.1846 г. положение Комитета министров, объявленное управляющим Министерством юстиции // ПСЗ-2. – Т. 21–1. – № 19878. – С. 399.
15. О пособии канцелярским чиновникам и служителям присутственных мест в губерниях, пострадавших от неурожая хлеба : высочайше утверждённое 9.11.1833 г. положение Комитета министров, объявленное Сенатом 12.12.1833 г. // ПСЗ-2. – Т. 8–1. – № 6563. – С. 651–653.
16. Об экстраординарной сумме, назначенной в распоряжение главных начальников губерний для пособия чиновникам, канцелярским служителям и их семействам: высочайше утвержденное 2.05.1839 г. положение Комитета министров // ПСЗ-2. – Т. 14–1. – № 12299. – С. 407; ПСЗ-2. – Т. 14–2. – К № 12299. – С. 143.

С. В. Зенченко

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИИ

Важнейшим фактором консолидации гражданской нации в современных условиях глобализации, цифровизации, геополитической

трансформации, масштабных миграционных перемещений, ведущих к трансформации и частичному размыванию этнокультурных черт, является формирование и укрепление национальной идентичности. Национальная идентичность основывается и конструируется на территориальном единстве, общем историческом прошлом, актуальных социально-экономических интересах, солидарной стратегии развития будущего страны и нации. Кроме того, значительную роль в конструировании национального сознания играют политические мифы и символы. Выше перечисленные факторы способствует интеграции разнородных этносоциальных, конфессиональных групп, представленных, в том числе и иммигрантами, в единое целое – гражданскую нацию. Культура выступает важнейшим ресурсом, фактором и инструментом государственной политики, в том числе в сфере интеграции и адаптации мигрантов в принимающий социум. Гражданская солидарность формирует единство нации. Выше сказанное актуализирует необходимость научной разработки проблемы укрепления национальной идентичности граждан Республики Беларусь в условиях масштабных миграционных перемещений, кризисных проявлений в демографии, цифрового перехода, включения в глобальные процессы посредством выработки политико-правовых, институциональных, организационных механизмов эффективной интеграции и консолидации различных этнических групп, в первую очередь иммигрантов в белорусский социум. Успешная адаптация мигрантов в принимающее сообщество является фактором включения их в гражданскую нацию в перспективе.

Миграция становится одним из ведущих факторов мирового развития, затрагивает все сферы общественной жизни, трансформирует этноконфессиональный ландшафт, менталитет, ценности, как общества государств-реципиентов, так и самих иммигрантов. По данным Международной организации по миграции (МОМ) «в 2020 г. в мире, в общем, насчитывалось 281 млн. мигрантов или 3,6% от всего населения земного шара» [1]. Значителен вклад мигрантов в социально-экономическое развитие, как государств-доноров, так и государств-реципиентов. Так, в 2020 г. «трудящиеся-мигранты отправили в страны своего происхождения 702 млрд. долларов» [1], что позволяло снимать социальную напряженность на местных рынках труда, обеспечить достаточный уровень материального благополучия, стимулировать потребительский спрос, рост производства и сферы услуг. В тоже время в государствах прибытия мигрантов решается вопрос дефицита квалифицированной рабочей силы, особенно в сферах здравоохранения и производства, улучшается демографическая структура населения в развитых

странах. Кроме того, легальные трудовые мигранты пополняют фонды социального обеспечения посредством уплаты налогов. Вследствие этого данное явление выступает драйвером развития, как для стран-доноров, так и стран-реципиентов. Развитые государства мира заинтересованы в приращении своего экономически активного населения через привлечения иммигрантов необходимых качественных характеристик и их успешной интеграции в принимающий социум, в том числе и посредством принятия национальной идентичности страны прибытия. В связи с этим актуализируется проблема научной разработки категорий «национальная идентичность», «этническая идентичность».

Ведущие российские исследователи по проблема этничности В. А. Тишков, Ю. П. Шабает считают, что этническая идентичность характеризуется тремя принципиальными положениями.

Во-первых, этнические общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых ими институтов, но в первую очередь государства. Цельность этих сообществ поддерживается субъективными процессами идентификации, т. е. признанием отдельных индивидов принадлежности к данному сообществу.

Во-вторых, границы этнических общностей являются подвижными не только во времени, но и в зависимости от конкретной ситуации. Возможно изменения как личностной, так и групповой самоидентификации.

В-третьих, этническая общность, основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности, цементируется во многом способностью группы противостоять внешним вызовам и угрозам, а культурная схожесть позволяет осуществлять контроль ресурсов и институтов, обеспечивающих комфортное сосуществование в рамках культурно-гомогенных сообществ [2, с. 55–56].

Таким образом, этнические группы, как правило, формируются под воздействием политических, социально-экономических факторов, специфики исторического пути и исторической памяти отдельного этноса и ситуативного воздействия, действующих на данной территории государственных институтов во главе с политической и культурной элитой.

Соответственно перед властвующей элитой на политической повестке дня вырисовывается задача разработки и реализации эффективных механизмов воздействия с целью конструирования и укрепления национальной идентичности и культурной целостности. Это обусловлено тем, что нация, в первую очередь, это политическое сообщество людей, как правило, близких идеологических позиций. В данном направлении большую роль играет политическая символика и мифология, которая

в концентрированном виде находит отражение в национальных символах – флаге, гербе, гимне, которые носят интегрирующий, консолидирующий, мобилизирующий характер. Кроме того, политические символы, отражающие национальную идентичность, находят отражение в денежных знаках, памятниках культурно-исторического наследия.

Под национальным государством В. А. Тишков, Ю. П. Шабаетов понимают территориальное сообщество, все члены которого независимо от их этнической принадлежности признают свою общность, солидарны с ней и подчиняются институционализированным нормам этого сообщества [2, с. 136].

Политизированная этничность является вызовом национальным государствам и как показал опыт миграционных кризисов в ряде государств ЕС (Франции, Великобритании, Германии и др.) может приводить к серьезным угрозам политической, социально-экономической стабильности.

Исходя из выше сказанного, большую роль в формировании государственной миграционной политики, в процессе реализации ее селективной и интегративной функций, играет институт гражданства, который понимается как политический институт, выражающий систему отношений между государством и индивидом.

Гражданство с одной стороны определяет принадлежность к нации, которое наделяет гражданина правами и обязанностями, с другой стороны гражданство определяет культурную идентичность индивидуума, через его лояльность и солидарность с другими гражданами страны к общим ценностям.

Эффективность миграционной политики зависит от успешности усвоения мигрантами культурных норм государства-реципиента и тем самым принятии ими новой гражданской идентичности. Государства Европейского Союза выработали политико-правовые, институциональные и организационные основы адаптации мигрантов в принимающее сообщество. «Закон о пребывании» Германии определяет необходимость посещения интеграционных курсов иммигрантов, которые впервые обратились о выдаче вида на жительство. Интеграционный курс включает в себя изучения языка, культуры, истории, законодательства Германии.

Необоснованный отказ посещать курсы или провал на экзамене может повлечь за собой санкции со стороны Ведомства по делам иностранцев, вплоть до лишения вида на жительство в ФРГ и отказа в натурализации. Кроме того, иммигранты в Германии обязаны подписывать «контракты об интеграции», регламентирующие требования к ним. Они должны владеть немецким языком, понимать и принимать ценности принимающей страны, такие как равные права женщин и мужчин, свобода слова.

По характеру реализации интеграционной функции государственной миграционной политики и ее конечной цели выделяют ряд разнородных моделей. Ассимилятарская модель миграционной политики должны быть основана на взаимном стремлении этнических сообществ к взаимной добровольной интеграции не предполагает культурной автономии [2, с. 235].

Под мультикультурализмом понимается объединение этнических сообществ в единый социум при сохранении и поддержке их культурной самобытности, т.е. это доктрина единства в многообразии, ставящая своей целью гармонизация взаимодействия между различными этническими и расовыми составляющими государства на основе общих ценностей при сохранении культурной автономии общин [2, с. 236]. Мультикультурализм реализуется посредством пропаганды общих политических, социально-экономических, культурных ценностей в школьном, университетском образовании, формирования толерантного отношения к иноэтничным группам, а также в контексте осуществления социального законодательства.

Успешный опыт реализации политики мультикультурализма такими государствами как Канада, Австралия, Швеция обусловлено особым вниманием правительств к обеспечению равенству возможностей реализации своих интересов и потенциала коренных жителей и иммигрантов в экономической, политической, социальной, культурных сферах без какой-либо дискриминации, а также созданием специализированной институциональной среды (Министерства по вопросам гражданства и мультикультуры, Федерации иммигрантских общин и т. д.).

Белорусская национальная идентичность формировалась в конце XIX начале XX века без активного участия политической и экономической элиты, а главным образом под воздействием немногочисленной творческой элиты, включающей в себя поэтов, писателей, ученых. В белорусском национальном движении принимали участие представители различных этносов, проживающих на землях Беларуси – белорусы, русские, поляки, евреи, что вело к тому, что белорусская идентичность имела гражданский характер. В соответствии с Конституцией БССР 1927 г. государственными равноправными языками были объявлены – белорусский, русский, польский, еврейский (идиш). Национальным меньшинствам обеспечивалось право и реальную возможность обучения в школе на родном языке. Для более полного и широкого вовлечения трудящихся национальных меньшинств Белорусской Социалистической Советской Республики в работу экономического и социалисти-

ческого строительства в местностях, где трудящиеся той или иной национальности составляют большинство населения, организовывались Советы, работающие на языке данной национальности, и наиболее полно учитывающие в своей работе национальные особенности [3].

По Конституции Республики Беларусь государство «регулирует отношения между национальными общностями на основе принципа равенства перед законом, уважения их прав и интересов, свободного развития культур всех национальных общностей» [4, с. 7]. Вышесказанное свидетельствует, что с момента начала существования белорусского государства был взят курс на формирование гражданской национальной идентичности. Ее сущность состоит в том, что главным фактором консолидации нации является принятие и уважение политических культуры и ценностей Беларуси, общие территориальные и социально-экономические связи и интересы. Белорусская национальная идентичность формируется и развивается на паритетной основе, так как в Республике Беларусь все этнические группы являются равными партнерами в процессе нациестроительства. Этнические группы в Беларуси объединены в общественные организации, позволяющие им реализовываться в сфере национальной культуры. Вышесказанное свидетельствует о том, что в Беларуси созданы предпосылки для эффективной интеграции иммигрантов в белорусский социум.

Список использованных источников и литературы

1. За последние 50 лет число международных мигрантов выросло в три раза [Электронный ресурс] / Сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1414772>. – Дата доступа: 18.02.2022.

2. Тишков, В. А. Этнополитология : политические функции этничности: учебник для вузов / А. В. Тишков, Ю. П. Шабаев. – М. : Издательство МГУ, 2013. – 413 с.

3. Конституция 1927 [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/>. – Дата доступа: 01.10.2023.

4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2023. – 80 с.

И. И. Калачева

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Историческая память – это социально-культурный феномен, связанный с прошлым опытом человечества, ценностными представлениями разных поколений о значимых событиях, фактах, людях. Историческая память, однако, направлена не только на прошлое, ее осмысление важно для современных поколений, живущих в настоящий момент времени, а также для тех, кто будет жить в будущем.

Проблематика исторической памяти широко представлена в социально-гуманитарном знании. На ранних этапах развития исторического философского знания проблематикой занимались философы, просветители такие как Г. В. Ф. Гегель, И. Кант, И. Г. Гердер, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, В. Дильтей, Г. Зиммель, О. Шпенглер, Ф. Ницше, С. Кьеркегор и др. Ими были поставлены вопросы о том, что есть «история», как история связана с понятиями «пространство и время», какой смысл несут понятия «историчность народа, гуманизм» и др. Актуализирована связь понятий «история – историчность – историческая память» в работах философов, к примеру, в работах Поля Йорка фон Вартенбурга, немецкого мыслителя, осуществившего синтез «жизни» и «истории». В феноменологии Э. Гуссерля проблема памяти раскрыта через понимание времени, эта идея в дальнейшем получила развитие в рамках социальной феноменологии анализирующей роль исторической памяти в социальных практиках людей (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.).

В работах зарубежных авторов, таких как французский социолог и философ Э. Дюркгейм, немецкий философ Э. Гуссерль, французский социолог М. Хальбвакс, австро-американский философ и социолог А. Шюц, даны определения понятий «историческая», «коллективная» и «социальная память». В своих работах они рассматривают понятия как равнозначные. В научный оборот термин «культурная память» впервые был введен немецким учёным Я. Ассман. Исследователь развивает теорию социальной памяти М. Хальбвакса и структурирует память по уровням, выделяя коммуникативную и культурную память.

Коммуникативная память представляет собой «живую память» индивидов и социальных групп. Она возникает в процессе межпоколен

ного общения, является малоформализованной и сохраняется на протяжении жизни трех-четырех поколений. Культурная память рассматривается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, которые передаются от поколения к поколению и удерживают лишь наиболее значимые события прошлого. Такая память имеет формализованный характер, сохраняется традицией и выражается в различных мемориальных знаках: в памятных местах, в датах, церемониях, письменных, изобразительных и монументальных памятниках.

Важнейшим аспектом в исследованиях проблематики исторической памяти имеет вопрос влияния информационно-коммуникационных технологий и цифровых трансформаций. В работах таких авторов как Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, Й. Масуда, М. Маклюэн раскрываются сложные проблемы, обусловленные введением в повседневность новейших средств передачи информации.

Важно подчеркнуть, что в условиях стремительного развития новых информационно-коммуникативных технологий происходит «перезагрузка» ценностей, формирование обновленных представлений о социальных процессах и др. И современная молодёжь оказывается в центре «пульсирования жизни», ее многогранных проблем. В особенности студенческая молодежь, которая сегодня находится на пике новых трендов, связанных в том числе, с инновациями. Однако, в то же время, студенчество – это ключевая когорта молодёжи, которая является преемником старших поколений, в этом аспекте, к этой группе молодёжи сегодня наиболее пристальное внимание.

В экспертном сообществе сложилось мнение о том, что новые поколения, которые сегодня выступают активными агентами коммуникационного пространства в новой информационной среде, подвергаются новым вызовам и угрозам, связанным с получением информации и знаний.

Многие исследователи отмечают, что изменились основные способы передачи знаний – если в прошлом знания передавались от старших к младшим, и эта норма оставалась устойчивым явлением, то в современных условиях наблюдается новая тенденция – знания передаются от младших к старшим. Так как новые поколения уже с детства вовлечены в процессы коммуникации посредством новых технологий, что способствует формированию у них базовых технических навыков, в сравнении со старшими поколениями, у которых такие навыки неразвиты или слабо развиты.

Этот когнитивный диссонанс определяет все стороны отношений между поколениями и оказывает влияние и на формирование нормативно-ценностной основы коммуникации, преобразовывает ее, а порой

и видоизменяет ее смыслы. Практически можно отметить, что сдвиг в преемственности основной функции старших поколений по отношению к младшим, оказывает влияние на процессы взаимодействия поколений.

Исследование новых трендов формирования исторической памяти в преемственной связи и динамике общественных процессов находит отклик в сфере социально-гуманитарных наук.

Молодые ученые прибегают к разработке новых научных тематик, занимаются исследованиями проблем, которые являются наиболее приоритетными и важными для белорусского общества. В этом отношении, сборник научных статей «Современная молодёжь и общество», является собранием сочинений молодых ученых по актуальным темам социологии, культурологии и истории. На страницах издания, которое выпускается более десяти лет, представлены научные статьи магистрантов, аспирантов, молодых преподавателей по таким направлениям как «Историческая память и преемственность. Диалог поколений», «Образование и инновации: история, традиции и современность», «Молодёжь в условиях новых вызовов информационно-коммуникационного общества», «Демографическая безопасность и репродуктивное здоровье молодёжи» и др.

Отметим, что автор статьи О. Г. Даниленко «Факторы воздействия на формирование патриотизма студенческой молодёжи» раскрывает сущность основных понятий проблемы и показывает практический опыт работы со студенчеством [1, с. 30–33]; автор А. М. Бельский в статье «Условия формирования гражданской позиции молодёжи в социологическом измерении: современный этап» обращает внимание на важность культивирования активной гражданской позиции молодых людей, предлагает ряд релевантных рекомендаций по минимизации противоречий, возникающих в воспитательной работе с молодёжью и показывает опыт эффективного сотрудничества [2, с. 53–58]; автор Н. М. Звёздкин в статье «Роль института общественных организаций и движений в формировании патриотизма современной белорусской молодёжи» обосновывает целесообразность использования потенциала общественных организаций в формировании патриотизма молодого поколения, описывает опыт деятельности общественных организаций на примере Гомельской области [3, с. 25–31]; Автор А. К. Лешкевич в статье «Влияние ценностных ориентаций и установок религиозной молодёжи на разнообразие практик коммуникации» представляет исследование студенческой молодёжи, которая обучается в Минской духовной семинарии. Выводами его работы являются следующие: коммуникативную направленность по отношению к обществу у молодёжи, получающей образование

в духовно-просветительских учреждениях, сильнее всего определяют такие социальные сферы и сферы жизнедеятельности как профессиональная деятельность, образование, семья, менее всего – политика и экономика [4, с. 47–52].

Проблематика представлена в научном сборнике и статьями известных ученых страны. К такой работе относится статья доктора исторических наук С. А. Пивоварчика «Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодежи», в рамках которой автор анализирует вопросы использования историко-культурного наследия Гродненского региона в работе с учащейся и студенческой молодежью. Отмечается, что наиболее эффективным является участие в коммеморативных акциях, к которым относятся следующие: учебно-воспитательные экскурсии, установка памятных знаков, посещение тематических музеев и выставок, участие в фестивалях, мастер-классах и военно-исторических реконструкциях [5, с. 79–84]. Интерес с точки зрения формирования ценностей исторической памяти вызывает статья старшего преподавателя А. В. Шичко «Патриотическое воспитание молодежи в диалоге поколений». Автор является воином-интернационалистом, который принимал участие в боевых действиях в Афганистане, его понимание патриотизма основано не только на теоретических представлениях о формах работы с молодежью, но освоено в практиках военных действий. В последнее время автор стал инициатором и основателем школьного музея боевой славы, который открыт в общеобразовательной школе г. Смолевичи. Этот факт является примером реализации идей, инициатив, важных для сохранения исторической памяти [6, с. 15–19].

Проблематика сохранения культурной памяти освещена в статье Т. И. Кухарёнок «Сучасныя памінальныя абрадавыя практыкі беларусаў як адна з формаў культурнай памяці: па матэрыялах даследаванняў Радаўніцы». В работе автор обращается к опыту, бытующему в разных регионах страны в отношении ухода за памятными местами, к ритуально-обрядовым элементам национальной традиции поминания, сохранившимся в локальном виде, к ценностным основам и истокам традиции сохранения памяти и уважения к предкам [7, с. 91–97].

Очевидно, что многовариативные научные практики осмысления проблематики исторической памяти в научных статьях и исследованиях авторов-гуманитариев, показывают, что в белорусском обществе сложились устойчивые позитивные установки в отношении данного феномена. Заметно, что проблема формирования исторической памяти

имеет значение не только на теоретическом уровне, она имеет ярко выраженный практико-ориентированный характер, так как ее результаты направлены на все целевые группы белорусского общества, но прежде всего, на молодые поколения, так как именно они являются преемниками традиций старших поколений, носителями новых идей, установок.

Список использованных источников и литературы

1. Даниленко, О. Г. Факторы воздействия на формирование патриотизма студенческой молодёжи / О. Г. Даниленко // Современная молодёжь и общество : сб. науч. ст. Вып. 3 / под науч. ред. И. И. Калачёвой. – Минск : РИВШ, 2015. – С. 30–33.

2. Бельский, А. М. Условия формирования гражданской позиции молодёжи в социологическом измерении: современный этап / А. М. Бельский // Современная молодёжь и общество : сб. науч. ст. Вып. 6 / под науч. ред. И. И. Калачёвой. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 53–58.

3. Звёздкин, Н. М. Роль института общественных организаций и движений в формировании патриотизма современной белорусской молодёжи / Н. М. Звездкин // Современная молодёжь и общество : сб. науч. ст. Вып. 8 / под науч. ред. И. И. Калачёвой. – Минск : РИВШ, 2020. – С. 25–31.

4. Лешкевич, А. К. Влияние ценностных ориентаций и установок религиозной молодёжи на разнообразие практик коммуникации / А. К. Лешкевич // Современная молодёжь и общество : сб. науч. ст. Вып. 8 / под науч. ред. И. И. Калачёвой. – Минск : РИВШ, 2020. – С. 47–52.

5. Пивоварчик, С. А. Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодёжи / С. А. Пивоварчик // Современная молодёжь и общество : сб. науч. ст. Вып. 10 / под науч. ред. И. И. Калачёвой. – Минск : РИВШ, 2022. – С. 79–84.

6. Шичко, А. В. Патриотическое воспитание молодёжи в диалоге поколений / А. В. Шичко // Современная молодёжь и общество : сб. науч. ст. Вып. 8 / под науч. ред. И. И. Калачёвой. – Минск : РИВШ, 2020. – С. 15–19.

7. Кухаронак, Т. І. Сучасныя памінальныя абрадавыя практыкі беларусаў як адна з формаў культурнай памяці: па матэрыялах даследаванняў Радаўніцы / Т. І. Кухаронак // Современная молодёжь и общество : сб. науч. ст. Вып. 6 / под науч. ред. И. И. Калачёвой. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 91–97.

Н. В. Корникова

**ПОСЕЩЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ И МЕМОРИАЛОВ БЕЛАРУСИ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ
В XXI ВЕКЕ**

На современном этапе одним из основополагающих направлений в развитии белорусского общества является сохранение памяти и преемственности поколений на основе восприятия и трансляция гуманистических ценностей через историческое наследие. В данном контексте первостепенное значение приобретает популяризация знаний о важнейших событиях и вехах истории белорусского народа, среди которых особое место занимает Великая Отечественная война. Посещение мемориалов и памятников, которые играют большую роль в жизни современного социума, имеет огромный потенциал, связанный с пропагандой знаний о событиях и героях военных лет, и играет определяющую роль для реализации этой задачи. Памятники, посвященные истории Великой Отечественной войны, выступают в качестве важных символов, отражающих мировоззренческие и ценностные установки людей и формирующих представления об историческом наследии. Они также всячески способствуют формированию основ исторической памяти. Стоит отметить, что значительный интерес к посещению подобных объектов историко-культурного наследия в нашей стране, в силу своих профессиональных компетенций, развития культурного кругозора и наличия разносторонних познавательных запросов имеют представители интеллигенции, составляющие значительную группу в социопрофессиональной структуре населения Гомельщины. В данном контексте важной исследовательской задачей является изучение их представлений о посещенных мемориалах и памятниках Великой Отечественной войны.

Цель работы – характеристика памятников и мемориалов, посвященных Великой Отечественной войне, в восприятии интеллигенции Гомельщины в XXI веке.

Источниками для написания работы послужили материалы полевого этнографического исследования, проведенного автором среди представителей интеллигенции Гомельского региона различного возраста и профессиональной принадлежности. В рамках исследования было опрошено 126 человек в возрасте от 23 до 76 лет. Среди них – педагоги, инженеры, экономисты, юристы, работники здравоохранения и пр.

В работах отечественных этнографов советского и современного периодов нашли отражение некоторые аспекты, связанные с характеристикой форм общественной активности и досуга населения Беларуси [1; 2], в том числе коррелирующие с направленностью познавательных интересов на приобщение к памятникам отечественного историко-культурного наследия. Однако особенности, которые сопряжены с восприятием памятников, посвященных истории Великой Отечественной войны, ценностными представлениями о них в среде представителей интеллигенции, не получали ранее широкого освещения.

Результаты исследования показали, что посещение памятников и мемориалов Великой Отечественной войны интеллигенцией Гомельщины в начале XXI века выступает одной из важных форм их общественной активности.

Опрошенные представители интеллигенции Гомельщины рассказали, что имеют опыт посещения памятников и мемориалов Великой Отечественной войны в различных регионах Беларуси. Многие респонденты отметили, что во время торжественных мероприятий, приуроченных к праздникам и памятным датам (День Победы, День Независимости Республики Беларусь, День всенародной памяти жертв Великой Отечественной войны и геноцида белорусского народа, День освобождения г. Гомеля от немецко-фашистских захватчиков и пр.) в составе делегаций от трудовых коллективов они неоднократно принимали участие в мемориальных акциях – торжественных митингах и шествиях, которые проходят по маршрутам, связанным с памятниками военных лет, а также церемониях возложения цветов и венков к мемориалам и обелискам. Стоит отметить, что на регулярной основе в рамках учебно-воспитательного процесса реализуют посещение памятников войны педагоги, которые с учениками принимают участие в гражданско-патриотических и памятных мероприятиях, проводят работу, направленную на увековечивание памяти о Великой Отечественной войне.

Целый ряд респондентов вспомнили о тематических и культурно-познавательных туристических поездках по Гомельскому региону и по Беларуси, в рамках которых посетили мемориалы и памятники Великой Отечественной войны. Ими были названы историко-культурные объекты как республиканского, так и регионального масштаба. В частности, среди крупнейших можно отметить Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», Государственный мемориальный комплекс «Хатынь», Историко-культурный комплекс «Линия Сталина», Монумент Победы в Минске, архитектурно-скульптурный комплекс «Минск – город-герой», Мемориальный комплекс «Курган Славы» под

Минском, мемориалы «Тростенец», «Красный Берег», «Буйничское поле» и пр. Также респонденты рассказали о посещении таких памятников в различных регионах Беларуси как «Танк-памятник» у Дома офицеров и памятник «Яма» в Минске; мемориалы «Аллея героев», «Вечный огонь», «Курган Славы», «Партизанская криничка», памятники «Освобождение» и «Народным ополченцам – защитникам города», памятный знак узникам концлагеря, памятник братьям Лизюковым в Гомеле; обелиск «Воинам-освободителям» в Жлобине, «Курган славы» в Мозыре, «Мемориал героев» в Калинковичах, мемориалы «Битва за Днепр» в Лоеве, «Память» в Добруше, «Курган Славы» и обелиск в честь подразделений, частей и соединений Советской Армии в Рогачеве, «Аллея Героев Советского Союза» и «Танк-памятник Т-34 освободителям города» в Речице; мемориальные комплексы «Ола» и «Памятный знак в честь операции «Багратион» в Светлогорском районе, мемориал «Озаричи» в Калинковичском районе, историко-культурный комплекс «Поле ратной славы» в Полоцке, мемориальный комплекс «Детям войны» в Могилеве, мемориальные комплексы на площади Победы в Витебске и «Прорыв в «Ушачах» и пр.

Приобщение к памятникам Великой Отечественной войны среди представителей интеллигенции Гомельщины также связано с посещением музейных комплексов и знакомством с их экспозициями, среди которых были названы Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, «Музей войны – территория мира», Музей «5 форт», Музей обороны Брестской крепости, музей Государственного мемориального комплекса «Хатынь», Гомельский областной музей военной славы, «Музей битвы за Днепр», «Рогачевский музей народной славы» и пр.

Некоторые респонденты отмечали, что принимали участие в туристических поездках военно-патриотической тематики, предполагающих посещение сразу нескольких крупных мемориалов («Линия Сталина», Музей истории Великой Отечественной войны, «Хатынь», «Курган Славы» «Яма», «Тростенец»). Опрошенные представители интеллигенции Гомельщины высказывали мнение о том, что считают, что подобные памятники имеют важнейшее значение для приобщения к истории военных лет через усвоение знаний в рамках экскурсионных программ. Ими была отмечена достаточно высокая информативность экскурсий, позволивших узнать новые факты и расширить знания о событиях и героях Великой Отечественной войны. К примеру, педагог-дефектолог из п. Головинцы, 1986 г.р. рассказала: «Во время экскурсии по Брестской крепости просто слезы на глазах стояли, место необыкновенное. Когда осматривали Музей обороны крепости, «Цитадель», памятники «Мужество» и «Жажда» такие трогательные

услышала рассказы о судьбах героев-защитников и об истории самой крепости. Узнала много нового, и у меня представления о защите крепости в начале Великой Отечественной войны связались в единое целое. Также очень понравилось, что там можно оживить историю, сфотографировавшись в военной форме».

Респонденты также отмечали, что посещение мемориалов Великой Отечественной войны мотивировало их обратиться к изучению семейной истории, сподвигло перелистать семейные альбомы и вспомнить о семейных реликвиях, а также способствовало активизации интереса к чтению литературы, просмотру документальных телепередач и художественных фильмов о войне.

Отдельные респонденты рассказали, что посещали мемориальные места, связанные с Великой Отечественной войной, во время проведения исторических реконструкций. Инженер-программист из г. Речица 1989 г. р. вспомнил: «Очень сильное впечатление произвела на меня реконструкция одного из боев «Берлинской операции», которую я посетили в Историко-культурном комплексе «Линия Сталина»: и размах, и использование боевой техники, и сильная реалистичность происходящего поразили».

Опрошенные представители интеллигенции Гомельщины важное значение придают воспитательной значимости памятников Великой Отечественной войны для формирования исторической преемственности поколений и развития нравственных и гражданско-патриотических качеств в семье. Многие отмечали, что, с этой целью вместе с детьми посещали мемориалы и памятники военных лет по месту жительства в преддверии или во время праздников и памятных дат, а также совершали целенаправленные туристические поездки для знакомства со знаковыми мемориалами Беларуси. Например, инженер УП «Связьинформсервис» предприятия «Белоруснефть» из г. Гомеля 1974 г. р. отметил: «Ездили вместе с детьми в «Хатынь», «Брестскую крепость», «Буйничское поле». В планах еще поездка в «Красный Берег». Хочется, чтобы мои дети не понаслышке знали об истории Великой Отечественной войны, а могли увидеть память об этом страшном времени и почувствовать гордость за подвиг предков. Никакие фотографии, книги, фильмы и рассказы не передадут те ощущения, которые испытываешь в таких скорбных местах».

Большинство респондентов поделились мнением о том, что в их восприятии мемориалы Великой Отечественной войны являются важнейшими символическими объектами и значимой частью народной памяти. Памятники, посвященные событиям военных лет, как отмечали опрошенные, имеют очень глубокое эмоциональное воздействие

и оказывают сильное влияние на внутреннее осмысление истории Великой Отечественной войны. Кроме того, респонденты подчеркивали, что считают подобные объекты очень важной составляющей в процессе мемориализации памяти об истории и героях военных лет, и высказывали мнение о том, что благоустройство мемориалов и создание новых памятников, посвященных Великой Отечественной войне, в их восприятии имеет высокую степень общественной значимости. К примеру, экономист РУП «Гомельэнерго» из г. Гомеля 1979 г. р. поделилась мнением: «Когда смотрю на памятники Великой Отечественной войны, понимаю, что эта наша история. Это символы вечной памяти о тех, кто отдал свою жизнь за нынешние поколения. Мемориалы помогают почувствовать и осознать трагедию войны. Посещая их, понимаешь, что нужно ценить все то, что у тебя есть».

Таким образом, посещение мемориалов Великой Отечественной войны в различных регионах Беларуси выступает как одна из актуальнейших форм сохранения исторической памяти среди представителей интеллигенции Гомельщины в начале XXI века. В восприятии респондентов памятники, посвященные событиям военных лет, являются особыми символическими объектами, формирующими гражданственность и патриотизм и способствующими преемственности и связи поколений. Их посещению придается большая важность как одному из общественно значимых способов увековечивания памяти о войне.

Список использованных источников и литературы

1. Беларусь : у 12 т. / рэдкал. : В. М. Бялявіна (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1994. – 2009. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі / В. М. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.
2. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / АН БССР ; рэдкал.: В. К. Бондарчык [і др.] – Мінск : Навука, 1990. – 248 с.

А. М. Куксо

ПЕРВЫЕ ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ: ИЗ ХРОНИКИ СОБЫТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Начальные страницы Великой Отечественной войны привлекают внимание исследователей необходимостью объяснения последовавших трагических событий отступления, огромных человеческих и

материальных потерь, но также и важностью показа героизма тех, кто оказал сопротивление врагу уже в первые дни военного лихолетья. Советские летчики оказались на гребне событий: уничтоженные противником самолеты, которые так и не поднялись в воздух, с одной стороны, с другой стороны, – личное мужество и отражение мощных атак с максимально возможными в тот момент результатами. Раскрытие темы актуально для ликвидации искажений отечественной истории периода Великой Отечественной войны, ее трактовок исключительно в негативном ключе. Материалы имеют ценность для осуществления военно-патриотического воспитания молодежи.

Значимой целью исследования выступает демонстрация на примере действий советской авиации в первые дни войны на территории Западного военного округа сопротивления противнику как пролог для дальнейшего освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Источником для реализации проекта послужили воспоминания участников событий, документальные материалы. Выбор Западного особого военного округа [1] обоснован тем, что здесь имели место первые попытки остановить неприятеля, затормозить его стремительное продвижение.

На итогах первых дней войны отразился ряд факторов. Одним из немаловажных было то, что войска Западного особого военного округа были вынуждены вступить в борьбу с врагом, находясь в стадии реорганизации и перевооружения [2, с. 9]. Личный состав еще только осваивал новые самолеты, которыми оснащали авиационные полки. Хотя в приграничной полосе возводились оборонительные сооружения, строились аэродромы, эти и многие другие мероприятия еще не были завершены. По своему расположению, оперативному построению войска округа к началу войны в большей степени соответствовали ведению наступательных действий, а не оборонительных боев.

Историками установлен факт и определены масштабы разрушительных действий противника на начальном этапе войны. Так, потери вооружения и военной техники советских войск в ходе стратегической оборонительной операции в Беларуси (с 22 июня по 9 июля 1941 г.) составили 521,2 тысячи штук стрелкового оружия, 4 799 танков, 9 427 орудий и минометов, а также 1 777 боевых самолетов, при этом среднесуточные потери в авиации достигли 99 единиц [2, с. 39]. Но уничтожение летательных аппаратов на земле стало причиной выживания многих воздушных пилотов, которые не успели вступить в бой. Это обстоятельство привело к тому, что кадровый состав авиачастей не был уничтожен в полном составе, и затем профессионально подго-

товленные еще в довоенный период летчики смогли обучиться вождению более продвинутых в техническом отношении самолетов, поступавших на вооружение в годы Великой Отечественной войны.

Остановимся на отдельных событиях из хронологии военных действий в воздухе. Примеры упорного противостояния врагу имели место уже в первые часы войны. Когда над аэродромом в поселке Черлена (Мостовский район Гродненской области) появились 54 вражеских самолета, командир эскадрильи пикирующих бомбардировщиков 16-го скоростного бомбардировочного авиационного полка капитан А. С. Протасов на самолете «Пе-2» под обстрелом поднялся в воздух. Отбиваясь от нескольких «Ме-109», экипаж А. С. Протасова сумел сбить «Ю-88», второй «Ю-88» капитан таранил своим «Пе-2» [3].

Ранним утром 22 июня 1941 г., несмотря на сброшенные бомбы на аэродром Пружаны, советские летчики сбили три самолета «He-111». На Брестчине в первый день войны заместитель командира эскадрильи 33-го истребительного авиаполка С. М. Гудимов, преследуя «Ю-88», таранил его. Позднее за свой подвиг лейтенант С. М. Гудимов был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени (посмертно) [3].

На рассвете 22 июня 1941 г. в районе Гродно во время групповых воздушных боев заместитель командира эскадрильи по политической части 127-го истребительного авиаполка старший политрук А. С. Данилов. Он сбил два вражеских самолета, а затем, исчерпав запас боеприпасов, направил свой самолет «И-153» на вражескую машину и винтом отрубил ей крыло, что вызвало падение самолета. Указом Президиума Верховного Совета СССР А. С. Данилов был награжден орденом В. И. Ленина посмертно. Но, несмотря на тяжелое ранение, летчику удалось выжить, после лечения он продолжил участие в боевых действиях на Ленинградском и Волховском фронтах, окончание войны встретил на Забайкальском фронте. Андрей Степанович Данилов является единственным из советских летчиков, совершивших тараны 22 июня 1941 г. и дожившим до конца войны [4].

В конце июня 1941 г. из летчиков-испытателей был сформирован 430-ый штурмовой авиаполк. Первый вылет был совершен в район Орши. По скоплению танков и бронемашин на аэродроме в районе Бешенковичей был осуществлен штурмовой удар – бомбометание, поражение реактивными снарядами РС-82. Девятка самолетов в полном составе вернулась на свой аэродром, хотя на самолете, например, командира полка Малышева насчитали 200 пробоин. Названный полк совершал воздушную разведку, штурмовал танковые колонны в районах Борисова, Шклова и Копыси.

126-й истребительный авиационный полк формировался с апреля по август 1940 года в Белорусском особом военном округе (с 11 июля 1940 г. – Западный особый военный округ) в селе Улла Витебской области на основе эскадрильи капитана В. М. Найденко (ранее участники боев на Халхин-Голе; советско-финляндской войны). В январе 1941 года полк начал получать и осваивать истребители МиГ-1 и МиГ-3. 22 июня 1941 года в составе 9-й смешанной авиационной дивизии ВВС Западного особого военного округа (с началом войны преобразованы в ВВС Западного фронта) вступил в боевые действия против фашистской Германии и её союзников на самолётах МиГ-1, МиГ-3 и И-16. На момент начала боевой работы имел в составе 50 МиГ-1 и МиГ-3 (из них 12 неисправных) и 23 И-16 [5].

Тем не менее уже в первые часы и дни Великой Отечественной войны были одержаны первые победы. Командир звена 126-го истребительного авиаполка младший лейтенант Е. М. Панфилов, пилотируя МиГ-3, в воздушном бою в районе деревни Боцки (под городом Белостоком) таранным ударом сбил немецкий истребитель Me-109 [3].

Командир звена 126-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Степан Ридный ежедневно совершал по 6–8 боевых вылетов на сопровождение бомбардировщиков и перехват самолётов противника. За 20 дней войны он сбил 8 самолётов противника (по данным наградного листа, из них документально подтверждены 4 личные и 2 групповые победы). Указом Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза начальствующему составу Красной Армии» от 9 августа 1941 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и геройство» младшему лейтенанту Ридному Степану Григорьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [6, с. 1003–1004]. Налеты на авиацию противника совершались в том числе с Гомельского аэродрома, летчики штурмовали колонны с боеприпасами в районе Парич, вылетали для бомбардировок Бобруйского аэродрома, где были сосредоточены мощные силы немецкой авиации, как в виде концентрации летательных машин, так и ассов военного летного дела.

По расформировании 9-й смешанной авиационной дивизии 25 июня 1941 года отдан в подчинение заместителя командующего ВВС Западного фронта генерал-майора авиации А. И. Таюрского в район Гомеля [5]. На А. И. Таюрского была возложена ответственность за разгром авиации Западного фронта в первые дни войны, он

был арестован и расстрелян, но позднее реабилитирован. А. И. Таюрский, возглавивший после И. И. Копца ВВС Западного фронта, вынес все тяжесть поражений боев, но и при его командовании в крайне неблагоприятных условиях удалось наносить ответные удары вражеской авиации в небе.

В районе аэродромов в разных районах Беларуси состоялись воздушные батальи, в которых советские летчики нанесли немецким авиагруппам определенный урон как в живой силе, так и в технике. 30 июня 1941 г. стал черным днем советской авиации, когда в районе Бобруйска при атаке противника потери советских ВВС составили 82 самолета.

Существовали проблемы боевого применения, например, Ил-2 в 1941 году: технические, тактические, в подготовке пилотов, в их отсутствии, в отсутствии стрелка в хвостовой части самолета. Очень часто пилотов спешно переучивали на эти самолеты и отправляли на фронт, где они оказывались лицом к лицу с ассами люфтваффе, имевшими опыт боевых действий в Англии, Франции, Польше и др. Согласно официальной статистике Штаба ВВС Красной Армии, из примерно 1500 Ил-2, направленных в части до 31 декабря 1941 года, было потеряно 1100. Значительную часть от общего числа потерь составляли не боевые: аварии вследствие маневров на слишком малой высоте при плохих погодных условиях [7].

И все же на фоне череды боевых неудач и отступления военная авиация СССР выдержала мощный натиск, состоялся пересмотр подходов к тактике воздушных боев и пр. Формировались разведывательные авиаэскадрильи, новобранцы обучались военному делу сразу же на новых самолетах, повысилось качество подготовки в летных школах с учетом полученного боевого опыта, в том числе в небе над Беларусью.

Таким образом, выявление и анализ изученных материалов доказывает необоснованность искажений истории Великой Отечественной войны. С момента нападения на Советский Союз, авиация, оказавшись в трудном военно-стратегическом положении и лишившись огромного блока техники, все же мобилизовала свои сохранившиеся ресурсы и оказалась способной выполнять серьезные военные задачи. Колоссальную роль в этом процессе сыграла стойкость летного состава, героическое поведение военнослужащих авиаполков и эскадрилий. Географическое расположение Западного особого военного округа сделало именно эти территории ареной первых ожесточенных сражений. Изучение событийного ряда позволяет констатировать, что выработка механизмов сопротивления и проявление беспримерного личного мужества участников воздушных сражений в первые дни войны содействовали впоследствии приближению победы.

Список использованных источников и литературы

1. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2007. – 622 с.
2. Статюк, И. Оборона Белоруссии. 1941. Стратегическая оборонительная операция в Белоруссии (22 июня – 9 июля 1941 г.) / И. Статюк. – М. : Экспринт, 2005. – 40 с. (серия «Фонд военного искусства»).
3. Массовый героизм советских летчиков в первый день войны / Ход войны : Министерство обороны Российской Федерации. – Режим доступа: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12101554@cmsArticle. – Дата доступа: 15.10.2023.
4. Герои воздушных таранов первого дня войны / Военное обозрение. История. 28 декабря 2014 г. – Режим доступа: <https://topwar.ru/65785-geroi-vozdushnyh-taranov-pervogo-dnya-voyny.html>. – Дата доступа: 10.10.2023.
5. Анохин, В. А. Все истребительные авиаполки Сталина : Первая полная энциклопедия / В. А. Анохин, М. Ю. Быков. – М. : «Яуза-пресс», 2014. – 944 с.
6. Быков, М. Ю. Все Асы Сталина 1936–1953 гг. / М. Ю. Быков. – М. : «Яуза-пресс», 2014. – 1392 с. («Элитная энциклопедия ВВС»).
7. Качук, Н. Заслонили собою небо / Н. Качук. – Беларусь сегодня. – 4 мая 2010 г. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/zaslonili-soboyu-nebo.html>. – Дата доступа: 12.10.2023.

І. Р. Кулевіч

ВЫТОКІ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ Ў ПОЛЬСКОЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

У бягучым годзе спаўняецца 120 год з часу заснавання партыі Беларускай сацыялістычнай грамады (БСГ). Створаная на аснове Беларускай рэвалюцыйнай грамады (БРГ) яна паклала пачатак арганізацыйнаму афармленню беларускага нацыянальнага руху. У акрэслены час ён развіваўся ў тандэме з нацыянальна-вызваленчым польскім рухам. Дачыненне да гэтай справы меў і Ю. Пілсудскі, які з’яўляўся адным з лідэраў Польскай сацыялістычнай партыі (ППС). Будучы прадстаўніком бельведэрскага лагера, ставіў мэтай адраджэнне Польшчы ў межах 1772 г. як федэрацыі.

Польская гістарыяграфія ў дачыненні да Беларусі заўсёды мела на сабе адбіткі палітычнай сітуацыі. Распачаўшыся з дэмаграфічных

падлікаў польскага насельніцтва ў Паўночна-Заходнім краі Расійскай імперыі, паступова перайшла на шлях зацікаўленасці спачатку беларускім фальклорам і літаратурай, потым – гісторыяй беларускага нацыянальнага руху. Агульнае, што аб’ядноўвала польскіх даследчыкаў, – гэта фанатычнае жаданне аднавіць Рэч Паспалітую менавіта ў межах 1772 г. Па меры ўзрастання рэалізацыі гэтай магчымасці перад польскай публіцыстыкай ставіліся новыя задачы. Галоўная з іх – даказаць спрадвечнае “гістарычнае права” Польшчы на Беларусь. Гэтая мэта дасягалася рознымі сродкамі. Найбольш распаўсюджаным быў спосаб перабольшвання колькаснай лічбы польскага насельніцтва на так званых “крэсах усходніх”, прычым неважна ці за кошт веравызнаўчага фактару, ці за кошт ужывання польскай мовы. Яшчэ адзін спосаб, які выкарыстоўвалі польскія публіцысты, гэта скептычнае стаўленне да перспектывы беларускай дзяржаўнасці. Адсюль зыходзіла характэрная для польскай гістарыяграфіі думка аб цывілізацыйнай і культурнай місіі Польшчы на Усходзе. Лічылася, што толькі Польшча можа стаць дзяржаўнатворчым элементом.

Найбольшы ўклад у распрацоўку гэтых ідэй, як у тэорыі, так і на практыцы, унёс Л. Васілеўскі. Гісторык-публіцыст, актыўн дзеяч ППС, адзін з галоўных распрацоўшчыкаў федэралісцкай канцэпцыі, папечнік і аднадумца Ю. Пілсудскага і ўдзельнік Рыжскіх мірных перагавораў [6–9]. Ён не быў ні тэарэтыкам, ні даследчыкам-прафесіяналам, але ў адрозненне ад вышэй пералічаных аўтараў не абмяжоўваўся выключна статыстыкай. Ягонныя працы разглядаюць разнастайныя рэчы: ад польскага сацыялістычнага руху да нацыянальнай праблематыкі, якая, дарэчы, была галоўнай тэмай яго даследаванняў і датычыла беларусаў, літоўцаў, яўрэяў і ўкраінцаў. У адрозненне ад даследаванняў папярэднікаў і сучаснікаў яны носяць комплексны характар.

Усе народы даследчык падзяляў на дзяржаўныя і недзяржаўныя, а сярод іх адрозніваў гістарычныя і негістарычныя. Недзяржаўныя гістарычныя народы – гэта тыя народы, якія мелі, але страцілі ўласную дзяржаву, у той час як народы негістарычныя дзяржаўных традыцый не мелі ўвогуле.

Л. Васілеўскі вылучаў асноўныя прыкметы народу – мову, культуру, гістарычную традыцыю, уласную дзяржаўнасць. Але галоўным фактарам у народатворчым працэсе з’яўляецца нацыянальная самасвядомасць. Пераўтварэнне, па словах аўтара, «сырой этнаграфічнай масы» ў народ нават пры наяўнасці свядомасці немагчыма без дзяржавы. Толькі дзякуючы існаванню дзяржаўнай арганізацыі магчымы гістарычная традыцыя, літаратурная мова і агульная культура. Зыходзячы з гэтага, можна зрабіць выснову, што фарміраванне

недзяржаўнага народу – працэс больш ускладнены. Пры адсутнасці дзяржаўных інстытутаў арганізуючую ролю адыгрываюць прадстаўнікі грамадскай і інтэлектуальнай эліты. Толькі з іх дапамогай «сырая этнаграфічная маса», прайшоўшы праз культурна-моўную стадыю, можа скласці асобны цэльны народ.

Прапанаваная схема ўжывалася Л. Васілеўскім і пры даследаванні беларускай нацыі. Згодна з ёю, беларусы адносіліся да тыпу недзяржаўных народаў. На мяжы XIX і XX ст. яны ўяўлялі «сырую этнаграфічную масу». Культурна-моўная стадыя ў іх толькі распачалася. Што тычыцца беларусаў, аўтар адзначаў іх параўнальна невысокую нацыянальную самасвядомасць. Галоўная прычына гэтага, на яго думку, крылася ў адсутнасці ўласнай інтэлігенцыі і недасканаласці беларускай мовы і пісьменства. У іншых яго працах увага да беларусаў праяўлялася ў межах характарыстыкі даследчыкам народаў былой Рэчы Паспалітай, якія магчыма было б выкарыстаць у барацьбе з царызмам.

Як заўважае Б. Стачэўска, першы раз паняцце «беларускі народны рух» ім было ўжыта пасля 1905 г. у працы «Litwa i jej ludy» [1, с. 164]. Яго ацэнка не была высокай, бо галоўную прычыну слабасці ён бачыў у выключнай падатлівасці беларусаў да асіміляцыі.

Найбольш увагі беларусам нададзена ў працы Л. Васілеўскага «Litwa i Białoruś: Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych» [6]. Л. Васілеўскі беларускі нацыянальны рух выводзіць з літаратуры. Толькі ў першыя гады XX ст. гэты рух пад пільным наглядом ППС пачынае прымаць акрэслены рамкі. 1904–1905 гг. – гэта час, калі «...беларускі рух ...перастае быць рухам «сымпатыкаў» беларушчыны, палякаў і рускіх, пачынае пранікаць у масы і пераўтвараецца ў адраджэнцкі народны рух з нацыянальна-беларускім характарам». Гэты хуткі пераход беларускага руху ад небыцця да такіх далёкайдучых пажаданняў, як аўтаномія, аўтар тлумачыць асаблівасцю моманту. Пасля першай рускай рэвалюцыі ў ім назіраецца спад. Беларускі нацыянальны рух, на думку аўтара, развіваўся ў вельмі складаных умовах. Яго цяжка ставіць на адну прыступку з літоўскім рухам. Гэтую акалічнасць ён тлумачыць націскам суседніх культур. Л. Васілеўскі адзначае ролю царквы ў развіцці беларускага руху. У той час як праваслаўе працэс развіцця беларускага нацыянальнага руху замаруджвала, каталіцтва, асабліва пасля ўвядзення набажэнства на беларускай мове, уплывала станоўча.

Новая хваля беларускага нацыянальнага руху прыпадае на нямецкую акупацыю. Аўтар лічыць, што ў гэты перыяд беларускі рух меў яскрава абзначаны антыпольскі характар. Тлумачыць гэта жаданнем

немцаў выкарыстаць яго супраць адраджэння Польшчы. Адлюстраваннем такой палітыкі была газета «Гоман», якая выяўляла стаўленне да палякаў як да каланістаў. Немцы пайшлі нават на змену назвы з «Weissrussen» на «Weissruthenien». Чарговы ўздых, на думку аўтара, прыпадае на чарговую рэвалюцыю. У выніку таго, што дзейнасць БСГ перакідваецца на фронт, працуе сярод бежанцаў і салдатаў Заходняга фронту, беларускі нацыянальны рух значна радыкалізуецца, асабліва гэта тычыцца левага крыла БСГ. Успамінае таксама і Першы Усебеларускі з'езд. Аўтар лічыць, што гэта быў бунт супраць устаноўленай ужо Савецкай улады. Такім чынам, Л. Васілеўскі ў развіцці беларускага нацыянальнага руху вылучае тры этапы: два з іх прыпадаюць на рэвалюцыі, адзін – на нямецкую акупацыю.

Прадстаўнікі польскай інтэлігенцыі разумелі, што адраджаная Рэч Паспалітая сутыкнецца з такой праблемай, як нацыянальнае пытанне. Асабліва калі ўлічваць, што паступова адбываўся працэс развіцця ўласных нацыянальных рухаў і патрабаванняў пакуль што аўтаномій, але ў складзе Расіі. З гэтай прычыны распрацоўшчыкі як інкарпарацыйнай, так і федэралісцкай канцэпцыі звярнуліся да магчымасці этнічнай асіміляцыі. Разважанні Л. Васілеўскага таксама тычацца гэтай акалічнасці. Дарэчы, Б. Стачэўска адзначае, што Л. Васілеўскі – першы аўтар, які распрацаваў гэтае пытанне на польскім грунце.

У польскай гістарычнай думцы II Рэчы Паспалітай амаль нічога не змянілася. За выключэннем толькі таго факта, што да беларусаў пачалі ставіцца як да нацыянальнай меншасці шматнацыянальнай Рэчы Паспалітай. Паказ беларускай гісторыі, стаўленне да беларускага нацыянальнага руху залежалі ад сімпатый ці антыпатый польскіх гісторыкаў да беларусаў.

Пасляваенная польская гістарыяграфія ахоплівае перыяд існавання Польскай Народнай Рэспублікі. Скасаванне буржуазнага ладу і пераход да сацыялістычнага шляху развіцця абумовілі тэндэнцыі, характэрныя для савецкага грамадства. Панаванне класавага падыходу ў навуцы, асабліва ў гісторыі, акрэсліла шэраг праблем, даследаванне якіх было прыярытэтным. Галоўная з іх – вывучэнне камуністычнага руху. Беларускі нацыянальны рух разглядаўся даволі слаба, чаго не скажаш пра вывучэнне гісторыі КПЗБ і БСРГ.

Паступова польскія гісторыкі пачалі цікавіцца менавіта беларускім нацыянальным рухам. У гэты час у польскай гістарыяграфіі была развязана дыскусія аб першапраходцах беларускага нацыянальнага руху. У даследчыкаў няма сумневу, што першай польскай партыяй,

якая падтрымлівала беларускі нацыянальны рух, была ППС. Е. Туронак у артыкуле «PPS wobec białoruskiego ruchu rewolucyjnego w latach 1902–1906» [4] так прама і заяўляе, што ППС, жадаючы падпарадкаваць свайму ўплыву сацыялістычныя рухі беларусаў, літоўцаў, украінцаў і яўрэяў, першапачаткова падтрымлівала БСГ. Але калі нічога з гэтага не атрымалася і БСГ пайшла сваім шляхам, прадстаўнікі ППС, вымушаныя прызнаць няўдачу, паспрабавалі стварыць новую марыянетачную партыю – Сацыялістычную партыю Белай Русі. Першапраходцам у беларускай справе з ліку беларусаў бачыць А. Луцкевіча. У той час як у манаграфіі «Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi» першасную ролю ў пачатку беларускага нацыянальнага руху надае В. Іваноўскаму [5].

У гэтым жа кантэксце Е. Туронак узяў і другую, не менш актуальную праблему пачатку беларускага нацыянальнага руху. Гэта пытанне аб часе ўзнікнення першай беларускай палітычнай партыі, а таксама ўдакладненне яе сапраўднай назвы. Ён паспрабаваў падсумаваць увесь напрацаваны да яго матэрыял па дадзенай тэме. Як справядліва адзначае гісторык, адзіная крыніца, якую можна скарыстаць, – гэта ўспаміны беларускіх палітычных дзеячоў, перш за ўсё А. Луцкевіча і А. Бурбіса. Аўтар пачынае з таго, што пералічвае назвы першых палітычных партый Беларусі – Беларускай рэвалюцыйнай партыі (БРП), Беларускай рэвалюцыйнай грамады (БРГ), Беларускай сацыялістычнай грамады (БСГ). Даследчык акцэнтуюе ўвагу на жаданні А. Луцкевіча зрабіць сябе і свайго брата Івана першапраходцамі беларускага нацыянальнага руху. З гэтай нагоды А. Луцкевіч не прызнае факту існавання БРП, ва ўзнікненні якой прымаў актыўны ўдзел В. Іваноўскі. Сам жа А. Луцкевіч больш увагі надае БРГ, ён называе тры даты ўзнікнення БРГ – зіма 1902–1903 г., восень 1903 г., канец 1903 г. Ён так і не здолеў назваць дакладны час узнікнення гэтай партыі. Як лічыць Е. Туронак, найбольш праўдападобнай датай узнікнення БРГ трэба лічыць восень 1903 г. Аўтар таксама не адмаўляе і факта існавання папярэдняй БРП, якая ў сваю чаргу ўзнікла на базе культурна-асветніцкага гуртка студэнтаў Пецябургскага універсітэта [4, с. 90]. Што датычыцца часу ўзнікнення БСГ, то гэта адбылося не ў канцы 1903 г., а ў канцы 1905 – пачатку 1906 г. У якасці доказу даследчык прыводзіць той факт, што менавіта ў гэты час з прычыны пачатку рэвалюцыі 1905–1907 гг. грамадоўцам трэба было вызначыць адзіную пазіцыю ў паводзінах сваёй партыі. Падчас рэвалюцыі быў скліканы з’езд, на якім БРГ стала называцца БСГ.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Stoczewska, B. Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego / B. Stoczewska. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 1998. – 397 s.
2. Turonek, J. Z dziejów białoruskiego ruchu wydawniczego w latach 1902 – 1905 / J. Turonek // Studia polono-slavica. – S. 65–81.
3. Turonek, J. Książka białoruska w II Rzeczypospolitej (1921–1939) / J. Turonek. – W.: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 2000. – 79 s.
4. Turonek, J. PPS wobec białoruskiego ruchu rewolucyjnego w latach 1902 – 1906 / J. Turonek // Studia polsko-litewsko-białoruskie. – W. : PWN, 1988. – S. 89–106.
5. Turonek, J. Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi / J. Turonek. – W. : Gryf, 1992. – 210 s.
6. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś / L. Wasilewski. – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo J. Mortkowicza, Towarzystwo wydawnicze w Warszawie, 1925. – 251 s.
7. Wasilewski, L. Narodowość współczesne / L. Wasilewski // Sprawy narodowościowe w teorii i w życiu. – Kraków, 1929. – S. 1–12.
8. Wasilewski, L. Sprawa kresów i mniejszości narodowych w Polsce / L. Wasilewski. – W., 1925. – 24 s.
9. Wasilewski, L. W sprawie stosunków narodowościowych na kresach wschodnich / L. Wasilewski. // Sprawy narodowościowe. – 1927. – № 5. – S. 503–508.

Ю. С. Купрэва

ВЫСТАВАЧНЫЯ ФОТАПРАЕКТЫ МУЗЕЯ ГІСТОРЫ І ГОРАДА ГОМЕЛЯ ЯК КРЫНІЦЫ ДЛЯ ВЫВУЧЭННЯ І ПАПУЛЯРЫЗАЦЫ І ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСАЎ

Традыцыйная культура беларусаў з’яўляецца невычэрпнай крыніцай ведаў і натхнення ў тым ліку і для фатографіі, якія ў сваіх працах фіксуюць рэчаіснасць у пэўны момант. Дзякуючы гэтаму можна прасачыць змены ці трансфармацыю, якія адбываюцца ў працэсе існавання этнаса, што ў сваю чаргу робіць актуальным неабходнасць вывучэння такіх фотаздымкаў.

Разгледзім некалькі выставачных фотапраектаў, якія былі рэалізаваны ў апошнія гады. Напрыклад, у жніўні – верасні 2018 года ў Музеі гісторыі друку і фатаграфіі Гомельшчыны, які з’яўляецца экспазіцыйным аб’ектам Музея гісторыі горада Гомеля працавала выстаўка фотаздымкаў «Палешукі» Наталлі Дораш з Гродна. Яе фотаздымкі публікаваліся ў рэспубліканскай і замежнай прэсе, адзначаліся дыпламамі і ўзнагародамі на рэспубліканскіх і міжнародных конкурсах, персанальныя фотавыстаўкі праходзілі ў Гродна, Маскве, Мінску. Наталля з’яўляецца ўдзельніцай фотоклуба “Гродна”. На выстаўцы былі прадстаўлены чорна-белыя плёначныя здымкі зробленыя ў перыяд з 1976 па 2012 гады ў вёсцы Букча Лельчыцкага раёна Гомельшчыны, на радзіме мужа. На іх зафіксаваны традыцыйная забудова, інтэр’еры жылля, адзенне, сямейны ўклад, заняткі, каляндарная абраднасць і трапныя партрэты палешукоў. Жыццё вяскоўцаў паказана ў працы і спакоі, атачэнні чароўных пейзажаў, прычым ніякія з работ ніколі не падвяргаліся рэдагаванню ці апрацоўцы. Цяпер гэтыя здымкі яшчэ і гістарычна важныя: ў іх адлюстравана тое жыццё, якое ўжо ніколі не вернецца. Работы – шчырыя і пранізлівыя, як і галоўныя героі сюжэтаў. Куратар выстаўкі – Ганна Новік [1].

Зусім іншы практ быў здзейснены ў 2020 годзе, калі ў Музеі гісторыі горада Гомеля працавала выстаўка “Кола жыцця беларуса”. Яна з’явілася ў выніку рэалізацыі асветніцкага, культурніцкага праекта “Беларускі сямейны альбом”, які пачаў працаваць у 2019 годзе ў сацыяльнай сетцы Instagram [2]. Аўтары праекта Кацярына Ваўчок і Уладзімір Александронец адзначалі што заўсёды думалі пра тое, як “прымусіць” беларуса і беларуску азірнуцца і паглядзець у вочы сваіх продкаў. Праект мае на мэце персаніфікаваць гісторыю Беларусі, даць ёй вочы, рукі, ногі, сэрца і душу. І ўдзельнікі праекта дазволілі гэта зрабіць. За час існавання альбома сабрана і апублікавана больш за 250 фотаздымкаў з розных куткоў Беларусі. Амаль да ўсіх фота маецца інфармацыя аб людзях, месцы здымак. Часта ёсць гісторыя сям’і ці лёс канкрэтнага чалавека. У кожнай гісторыі – моц і гонар, трагедыя і боль, тое, як нашы продкі стваралі для будучых пакаленняў шэрагі шляхоў. Сёння праект працягвае дзейнічаць як старонка ў Instagram, але аўтары накіраваны на тое, каб запусціць і асобны сайт, які стане своеасаблівай базай дадзеных сямей, асобных людзей, якія жылі на беларускіх землях. Для ўдзелу дастаткова падпісацца на старонку «Беларускі сямейны альбом» і даслаць фотаздымкі са сваіх сямейных архіваў разам з апісаннем. Галоўныя правілы: здымкі і людзі на іх павінны быць непарыўна звязаныя з Беларуссю. У агульны онлайн-альбом прымаюцца фота зробленыя да 1960 года.

Вынікам існавання праекта на працягу першага года стала канцэптуальная выстаўка “Кола жыцця беларуса”, у якой куратары запрасілі здзейсніць падарожжа па жыцці беларусаў. Выстаўка была падзелена на шэсць блокаў – зваротаў кола жыцця беларуса, праз якія кожнаму наведвальніку распавядалася пра дзяцінства, сталенне, навучанне, вяселле, сям’я і смерць. Асобая ўвага была нададзены першай палове існавання чалавека, таму што народная педагогіка беларусаў была педагогікай жыцця. Выхаваўчая практыка на працягу многіх стагоддзяў, пачынаючыся з калыскі, была шчыльна звязана з жыццём, побытам, гаспадарчай дзейнасцю народа, абапіралася на яго жыццёвыя прынцыпы. [3, с. 121]. Увогуле, кожны з абазначаных аспектаў быў паказаны на прыкладзе канкрэтнага чалавека, ці людзей з фотаздымкаў. Да выстаўкі быў падрыхтаваны папяровы і электронны даведнік-суправаджальнік, дзякуючы якому можна было атрымаць інфармацыю [4]. На электронную версію можна было зайсці праз кюаркод. Акрамя фотаздымкаў на выстаўцы былі прадстаўлены ручнікі, посцілкі ды іншыя прадметы побыту беларусаў з калекцыяй куратараў і фондаў Музея гісторыі горада Гомеля. Фотаздымкі беларускіх вяскоўцаў на фоне посцілак – адметны, унікальны на постсавецкай прасторы культурны феномен, які абумоўлены пэўнымі асаблівасцямі сацыяльна-культурнай гісторыі беларускай вёскі пасляваеннага часу [5, с. 18–19]. На выстаўцы таксама была арганізавана фотазона з посцілкамі. Такім чынам, наведвальнікі змаглі пабачыць, асэнсаваць некаторыя аспекты трацыцыйнай нацыянальнай культуры беларусаў, усвядоміць сваю прыналежнасць да яе і неабходнасць захавання.

Выстаўка “Кола жыцця беларуса” была падрыхтавана прыватнай сацыяльна-інфармацыйнай установай “Майстэрня інавацыйных тэхналогій” і дзяржаўнай установай “Музей гісторыі горада Гомеля”. Куратары выстаўкі – Кацярына Ваўчок, Уладзімір Александронец.

У кожнага народа ёсць свае нацыянальныя сімвалы. Яны народжаны культурай і зберагаюцца як нацыянальныя здабыткі. Для беларусаў і ў нашы дні адным з такіх сімвалаў з’яўляецца народны касцюм [6, с. 6]. Уласцівае касцюма ўстойліва захоўваць старажытныя элементы і канструктыўныя рысы робіць яго каштоўнай крыніцай для больш глыбокага і дэтальнага асвятлення некаторых праблем этнакультурнай гісторыі народа, выяўлення прыкмет агульнаэтнічнай і лакальнай прыналежнасці. [7, с. 4]

Менавіта жаночаму касцюму быў прысвечаны наступны праект. У ліпені – жніўні 2022 года ў выставачнай зале Музея гісторыі друку і фатаграфіі Гомельшчыны працавала выстаўка “КОД да ПАМЯЦІ”. На

ёй было прадстаўлена больш 20 фотаздымкаў сучасных дзяўчат з нефармальнымі вобразамі ў традыцыйных строях. Гераінямі выстаўкі сталі маладыя беларускі, якія ў звычайным жыцці кожны дзень бягуць у школу, на вучобу ці працу, але з фотаздымкаў Ганны Малашанка і Алены Ганчаровай яны глядзелі на наведвальнікаў, адлюстроўваючы векавую годнасьць сваіх бабуль і прабабуль, свойго народа. Традыцыйны строй на працягу свайго існавання з’яўляўся адмысловым кодам – кодам да вяртання памяці і фарміравання нашай нацыянальнай ідэнтычнасці. Праект быў накіраваны на тое, каб актуалізаваць у моладзевым асяродку каштоўнасць традыцыйнага касцюма і яго элементаў. На прыкладзе дзяўчат – мадэляў аўтары праекта паспрабавалі даказаць, што традыцыйнае – гэта сучасна і гэта той код, які робіць нас беларусаў – беларусамі. У традыцыйным тэкстылі наглядна праяўляецца глыбінны сакральны фундамент рамяства ткацтва і вышыўкі. У іх формах і вобразах рэалізаваны вопыт мастацкага асвойвання свету, візуалізаваны ментальныя асновы беларускага этнаса. Беларускі этнаграфічны касцюм ці звычай беларусаў апрацаваны па сваім асабістым паняццям аб прыгажосці і парадку, якія выпрацоўваліся на працягу ўсёй гісторыі народа – гэта паўнаважасная частка мастацкай культуры народаў свету [6, с. 7]. Арганізатарамі праекта выступілі Майстэрня інавацыйных тэхналогій, дырэктар Уладзімір Александронец і Музей гісторыі горада Гомеля. Куратар выстаўкі – Кацярына Ваўчок.

Такім чынам, фотаздымкі з’яўляюцца важнымі і неабходнымі крыніцамі для вывучэння і папулярнага традыцыйнай культуры беларусаў. З выкарыстаннем сучасных сродкаў камунікацыі яны дапамагаюць захаванню культурнага кода і адраджэнню этнакультурнай спадчыны беларусаў. Рэалізацыя вышэй апісаных праектаў не проста даніна павягі да мінуўшчыны, але і неабходная ўмова для гарманічнага існавання нацыі сёння і ў будучым.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Музей истории города Гомеля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gomelhistory.museum.by/node/44541>. – Дата доступа: 02.10.2023.

2. Беларускі сямейны альбом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/bel.family.album/>. [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 02.10.2023.

3. Беларусы: Т. 5: Сям’я / В. К. Бандарчык, Г. М. Курьловіч, Т. І. Кухаронак [і інш.]; рэдкал. : В. К. Бандарчык [і інш.]; Ін-т маст-ва, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 375 с.

4. Даведнік-суправаджальнік выстаўкі “Кола жыцця беларуса”. Мастерская інновацыйных тэхналогій [Электронны рэсурс]. – Режим доступу: https://vk.com/studio.inntech?z=photo-155489762_457239356%2Falbum-155489762_274694028%2Frev. – Дата доступу: 02.10.2023.

5. Лабачэўская, В. А. Беларускія поцілкі і дываны: антрапалогія і мастацтва традыцыйнай рэчы / В. А. Лабачэўская. – Мінск : Беларус. навука, 2021. – 286 с. : іл.

6. Лобачевская О. А. Белорусский народный костюм: крой, вышивка и декоративные швы / О. А. Лобачевская, З. И. Зимина. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 279 с. : іл.

7. Бялявіна, В. М. Мужчынскі касцюм на Беларусі / В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава. – Мінск : Беларусь, 2007. – 303 с. : іл.

Т. І. Кухаронак

РОЛЯ СЯМЕЙНА-РАДАВОЙ ПАМЯЦІ Ў ЗАХАВАННІ І ТРАНСЛЯЦЫІ СВЯТОЧНА-АБРАДАВЫХ ТРАДЫЦЫЙ НА ГОМЕЛЬШЧЫНЕ¹

Трансляцыя этнічнай традыцыі ў першую чаргу адбываецца ў сям’і, дзе перадаецца вопыт, звычаі, правілы паводзін ад пакалення да пакалення. “Сямейныя традыцыі апелююць да ладу жыцця, да паўсядзённасці, якая склалася ў сям’і, а таксама да сямейнай культуры, уласцівай пэўнай мясцовасці і нацыянальнаму этасу, пэўнай канфесіі, каштоўнасцям, якія з’яўляюцца складовымі элементамі сямейнай культуры. Традыцыі, якія ўласцівыя інстытуту сям’і на працягу ўсяго перыяду яго існавання, ўнутрана дэтэрмінаваныя эканамічнымі, тэхналагічнымі, палітычнымі фактарамі сацыяльнага часу, рассыпаюцца на ўнутраную мазаіку сямейных традыцый асобных сем’яў, якая складаецца з элементаў нацыянальнай культуры, культуры рэгіёну як элементаў макраўзроўня, этнічнай, канфесійнай прыналежнасці членаў сям’і як элементаў мезаўзроўня, і элементаў ўнутранай культуры, каштоўнасцей свядомасці індывідаў...” [1, с. 49].

Мэта даклада – на канкрэтных матэрыялах экспедыцыйных запісаў з розных раёнаў Гомельшчыны паказаць як сямейна-радавая

¹ Доклад падрыхтаваны ў межах распрацоўкі тэмы БРФФД “Сямейная памяць беларусаў: народныя традыцыі і спосабы захавання (XIX – пачатак XXI ст.)” (Дагавор № Г23ИП-034 ад 02.05. 2023 г.).

памяць фармуе і ўзнаўляе мадэлі святочна-абрадавых нарматыўных паводзін, захоўвае ўзоры міжпакаленнага ўзаемадзеяння.

“Ікону, свячу ў нас, у Хімах, пераносілі на Міколу зімовага. У нас той год стаяла Мікола, можа я ня так абхадзілася с ёй. Я хачу расказаць пра сябе, як я папала пад аварыю, пазваночнік паламала і праляжала шэсць месяцаў у Рагачове. Я ляжала на цюхляку ў бальніцы. Праляжала я шэсць месяцаў, ні аднаго ў мяне пролежня не было. Я ляжала ў малітве, я малілася больша ўсяго Міколе. Я ўзяла сваю ету руку, што ня шавялілася, левую і гавору: “Госпадзі, Міколка, ты мой дарагі, памагі”. І чую, вакно маё дзінь і аткрылася. А зіма, мароз. Ухапіла мяне за етыя рукі і я чустую, што нясе мяне, нясе ўвысь, увысь і я чустую, што я пад якой-та рызай. І данясло да нашага дома, я бачу, што я ў сваём дварэ. А хваць за рукі, і бачу, што і Міколы няма, і вакно закрыта, і прышла ета мая суседка на палаце: “Чота ты, Ніна, такая ўзвалнованая?”. Я ёй расказала гэта. Яна гавора: “Будзеш ты хадзіць, і дзетак сваіх пагадуеш, і пажэніш, і замуж пааддаеш, даждзешся ўнукаў сваіх, раз ета Мікола. Так і стала, зараз вот бегаю. Я тады паклялася спраўляць Міколу, пака буду жыва. Дзецям расказала ету гісторыю, унукі ўсе знаюць пра яе. А Міколку шануем у нашай сям’і, благадарым пастаянна няведама як” (Ніна Голубева, 1931 г. н., в. Хімы, Рагачоўскі раён, Гомельская вобласць). Гэты наратыў пераканаўча паказвае, як старэйшыя пакаленні перадаюць сямейныя легенды і гісторыі. Канкрэтны выпадак з жанчынай, яе цудоўнае выздараўленне, абяцанні і клятвы рабіць што-небудзь у гонар святога Мікалая складае сямейны капітал менавіта гэтай сям’і.

“У каго дзіцё ўмерла, маме няльзя яблычка да Спаса есці. А яшчэ помню, наша Анюта была, у яе дзевачка памёрла, і яна да Спаса з’ела яблыка. І сасніўся ёй сон, што, дзевачка гавора: “Усім прыняслі на цэламу яблычку далі, а мне дык кусочак толькі”. Дак вот ета мне запала ў душу, за тое, што мама з’ела яблыка, дзіцяці там не хапіла цэлага яблычка. Дак ужо Анюта патам ніколі не ела <яблыка да Спаса>, і мы дажа ўсе ў сям’і стараліся ня есці” (Вольга Васільева, 1934 г. н., в. Стоўпня, Рагачоўскі раён, Гомельская вобласць). Аповед інфарманткі сведчыць, што менавіта сям’я, унутраныя сувязі паміж яе членамі і належныя кожнаму сацыяльныя ролі становіліся важнай асновай для захавання традыцыйных вераванняў і звычайў. Наратыў дэманструе слухнасць тэзіса аб тым, што зместы і матывы тых ці іншых звычайных нормаў вызначаюцца не толькі сферай рацыянальнага, але найперш эмоцыямі і пачуццямі. У традыцыйнай культуры

беларусаў была сфарміравана сістэма забаронаў, што рэгулявала паводзіны чалавека ў той ці іншай абрадавай або жыццёвай сітуацыі, і засваенне гэтых ведаў адбывалася найперш у сям’і.

“І вот празьнік – Чацвер чысты. А служба ж на Чысты чацвер такая важная як на Пасху і ў шэсьць часоў усегда начынаецца атправа. Так свякруха ўсегда крычала: “Так, шэсьць часоў, у цэркві правіцца, нічаго ня дзелайця”. Ну, мы так як трохі і прыдзержываліся. А тут помню бяліла хату перад Паскай, дабяліла і ўжо шэсьць часоў і там трохі аставалася дабяліць у кухні. Свякруха прышла: “Так, кідай, началась атправа”. А прыходзіць мая цётка, а яна не сільна верыла: “Ой, дабялі, так будзя белена, а правіцца – хай правіцца”. Ну, свякруха накрывала, а я думаю: “Ай, і праўда дабялю”. Дак вы знаеце што, летам у мяне цёлка забалела, месяц дзяржалі на вяроўках, надуло яе – і ўсё такі прапала. І свіннаматка здохла. Дак свякруха кажа: “Ну, што – паўбілівала хазяйства? – Паўбелівала. Паўкрашывала? – Паўкрашывала”. Вот еслі б, напрымер, яна не гаварыла, а я не знала... А так мне знак даўся, што нельзя этага дзелаць, нельзя ў празьнік работаць” (Вольга Барысенка, 1942 г. н., в. Сялец, Брагінскі раён, Гомельская вобласць). З гэтага экспедыцыйнага ўрыўка відаць, як наша гераіня праігнаравала не толькі страх божага пакарання за парушэнне забароны, але і аслухалася сваю свякруху, што было недапушчальным для любой традыцыйнай сям’і. Па словах інфарманткі, дадзены наратыў шмат разоў паўтараўся ў сям’і і сярод родных і паступова стаў элементам функцыянавання асобнага кроўнасваяцкага калектыва, вызначаў іх адносіны да святочнага дня – Чыстага чацвярга.

“Ілля, казалі ў нас, наробиць гнілля. На Іллю прыказвала матка, штоб не купаліся і после Іллі тожа, штоб не купаліся. Вярба, кажучь, із задніцы вырасце. Эта калісь старынныя людзі так гаварылі. Дак я і ўнукам прыказвала, што не купайцеся, а то вярба із задніцы вырасце – будзеце так і хадзіць. А хіба ты ім сёння прыкажаш” (Лідзія Пацук, 1946 г. н., в. Асарэвічы, Брагінскі раён, Гомельская вобласць). Гэта найболей распаўсюджаная і вядомая не толькі на Гомельшчыне, але і паўсюль на Беларусі забарона адносна купання. Таксама ў дадзеным наратыве праглядаецца механізм перадачы традыцыйных уяўленняў і нормаў паводзін у той ці іншы час, у той ці іншай сітуацыі. І хоць наша суразмоўца і бядуе, што ўнукі яе не паслухаюць і пойдучь купацца, тым не меней яны ўжо будуць ведаць пра гэтую забарону і калі-небудзь хоць жартам раскажуць пра яе сваім дзецям.

“Ушэсце знаю. Моя мама пока й жыла, яна ў мяне й померла, ей было дзевяносто шэсьць год, як яна померла. Яна была пры памяці,

чула, дажа ў очках чытала, дак яна эта Ушэсце празновала, навек-навек. Я раз говору: “Чаго Вы празнуеце с(в)ято это? У Погосце яго ніхто не знае”. А мама кажа: “Колісь мой бацька расказваў, што на это Ушэсце одзін дзядзько поехаў араць. Сказалі ему: “Чого ж ты едзеш араць, цяпер жа празьнік такі”. Ён кажа: “О-то, поеду, поору, дай будзе празьнік”. Дай, кажа, поехаў араць да пчолы, наляцеў рой, да на коні, да заеў абодва коні, да ён прышоў с пугай домоў. Вот так. І, кажа, от того і мой бацько нічога не робіў на Ушэсце і нам казаў, штоб мы нічога на еты дзень не робілі. Это мама моя расказвала таке. І я ўжо цяпер, як тое Ушэсце, я ўжо нічога не роблю” (Зося Кузьміч, 1929 г. н., в. Пагост, Жыткавіцкі раён, Гомельская вобласць). Дадзеная забарона ўзнікла ў канкрэтнай сям’і, бо калісьці іх продак быў уражаны здарэннем на Ушэсце і вырашыў яго шанаваць і святкаваць, хоць “у Погосце яго ніхто не знае”.

“Я шчытаю Саракі празнікам. Каліся пасля вайны, нас жа папалілі, мы жылі ў зямлянках, а там кросна стаялі, зямлянка маленькая, я кажу: “Сёння Саракі, мо ня ткаць?”. А мама кажа: “Саракі – эта празьнік, знаю, што сорака пампушак нада з’есьці”. Я села, так добра тчэцца, так добра тчэцца, а на заўтра палавіна бёрда і атламалася ў мяне. Я расстроілася, давай выразаць новыя бёрда. Ат тых пор, я на Саракі нічога ня дзелаю” (Кацярына Ганюк, 1925 г. н., в. Радзін, Хойніцкі раён, Гомельская вобласць). Тут добра відаць, што наглядны прыклад, а менавіта, хуткае пакаранне за парушэнне забароны на працу ў святочны дзень, найлепшы спосаб для запамінання пэўнай інфармацыі. Жыццёстойкасць вераванняў пра пакаранне з боку свята за парушэнне пэўных правіл паводзінаў падтрымліваецца найперш нагляднасцю прыкладаў, уласным вопытам нашых суразмоўцаў.

“Як Раданіца, нас у школе спецыяльна дзяржалі, штоб мы на кладбішча не хадзілі, урокі ўсе былі, да паследняга не атпускалі. А тады ўжо бяжыш сем кілометраў, вочы вылупіўшы – і бягом, і бягом, і бягом. Узрослыя дажыдалі дзяцей са школы, пака прідуць, не садзіліся. Ого, такая радасць на кладбішча схадзіць! – А чаго радасць была на кладбішча схадзіць? – Усе людзі там, і гатовюць жа харашо, і боле чаго ўкусненькага можна паесці. Панабяруць усяго, усякай яды, яшчэ і к радні збегаеш, там чаго дадуць укусненькага. С падружкамі бегаем... Харашо было, асобенна калі цёпла на Раданіцу” (Вера Храмянкова, 1944 г. н., в. Какойск, Краснапольскі раён, Магілёўская вобласць). Наш палявы матэрыял – гэта ўспаміны вяскоўцаў сталага веку, пераважна жанчын, пра сваё дзяцінства, юнацтва, а яны заўсёды эмацыянальна афарбаваныя. З прыведзенага аповеда бачна, як дзяўчынкі-

школьніцы ўспрымалі Радаўніцу, для іх гэта было сапраўднае свята, бо там стасункі с сяброўкамі, са шматлікай раднёй, смачная ежа, якой удосталь не было кожны дзень. І бегла яна на могілкі ў гэты дзень таму, што так было прынята ў іх сям’і, у іх вёсцы.

“У нас ходзяць на Радаўніцу, з’язжаюцца ўсе-ўсе. Раньшэ, як хадзілі, навязжам скацерак вузел і нясём, расцілаем на магілку скацерку. На магілках сядзелі, пастаянна абедалі. Бабіна магіла была, мы сабіраліся, уся радня і толькі елі на бабінай магіле ўсягда. На магілкі яду нада крашыць. Яечкі білі, расціралі і раскрышвалі па магілках. Яду тожса нада расціраць, нада, штоб птушачкі склеўвалі. Тады мы, дзеці, бегалі, качалі яйкі па другіх магілках нашай радні. Так нас вучылі радзіцелі, баба з дзедам, цётка. Цяпер мае ўнукі бегаюць, качаюць яечкі крашанья. І цяпер мы ў сям’і так усё дзелаем, як раньша. Еслі зімой ходзім, нада пшано насіць, штоб пцічкі клевалі” (Марыя Сяргеевка, 1945 г. н., в. Хізаў, Кармянскі раён, Гомельская вобласць). З гэтага аповеда добра бачна значэнне сямейнай памяці для захавання традыцый народнай культуры беларусаў, асаблівасці перадачы каштоўнасцей, сэнсаў і нормаў абрадавых паводзін праз пакаленні: нашу інфармантку вучылі баба з дзедам і бацькі, а яна вучыць сваіх унукаў.

“На Чуда ў жолуд не ходзілі, у лес не хадзілі. – Не хадзіця ў лес, – казалі, – бо Чуда счудзіць. Ну як? – Напужаецца хто-небудзь. Жолудзі ў нас там, багата жалудоў, дак не збіралі, бо, казалі, дзевяць гадоў радзіць не будуць. Не хадзілі ў лес ні за ягадамі, ні за грыбамі, бо, казалі, дзевяць год нічога радзіць не будзе. За чым пойдзеш – тое дзевяць год радзіць не будзе. У гародзі дажа оторвеш на том месці – то дзевяць год радзіць не будзе на том месці. Дажа гарбузы не зрывалі, нічога нічога ня дзелалі на Чуда” (Надзея Швед, 1927 г. н., в. Перароўскі Млын, Жыткавіцкі раён, Гомельская вобласць). Як бачна з аповеда інфарманткі, пра дадзеную забарону ведалі не толькі ў яе сям’і, але і ва ўсёй вясковай супольнасці. Парушэнне традыцыйных прадпісанняў адносна гэтага святочнага дня магло мець, паводле павер’яў, і доўгатэрміновыя адмоўныя наступствы для ўсіх вяскоўцаў.

“Стараліся людзі памыцца да Дзядоў, да ўжына штоб памыцца да Дзядоў. Даўней на Дзяды кашу варылі, кісель, макуху. А макуха –эта с ржаной мукі, сладкая такая, у гліняным гаршку ставілі на стол. Свет палілі, свет гарэў усю ноч, дзверы не закрывалі, што будуць дзяды іці. Эта я помню. Што ўпала са стала, значыць, іхня. Нож ва-абшчэ ня должен ляжаць на стале, нож, вілкі. Эта і на Дзяды, і на пахароны. Цяпер Дзядоў стала очэнь многа, па-мойму, раньшэ была трое Дзядоў: летам, па осені, і зімой адзін раз. А чаму я помню? – Раньша ж галадалі,

а на Дзяды які блін спячэш, пад'есці" (Груня Давыдзенка, 1935 г. н., в. Барсукі, Кармянскі раён, Гомельская вобласць). У многіх раёнах на Беларусі бытаваў звычай абавязковага мыцця перад дзядоўскай вячэрай. Прычым добра ўсведамлялася, што патрэбу ў лазні мелі найперш продкі, для якіх адкладвалася ўсё неабходнае для мыцця. Дадзены нара-тыў ёсць дзіцячы ўспамін нашай інфарманткі пра Дзяды, тут жа яе тлумачэнне прычын добрай захаванасці гэтай інфармацыі ў памяці.

"Трое Дзядоў у гаду, вы знаеця, што я самняваюся, што цяпер Дзяды ў суботу. А мама мне гаварыла, што ўсе Дзяды ў пятніцу: перад Тройцай, перад П'яцінкаю, П'яцінка –эта дзісятая наюра і на Дзедаўскай нядзелі,эта на шостаі нядзелі ад Каляд, у пятніцу, а еслі вялікі мясаед, то Дзяды мяняюцца. Усе Дзяды посныя, маці варыла, ва-первых, суп з грыбамі посны, кісель, мёд ставіла, каша посная. Як садзіліся, ана малілась, свечку запаліць, памоліцца і мы сядалі. Када даелі мы, яна не ўбірала, астаўлялі ўсё ў місках нямножка, і ложка лажыла на міску, на кожную страву лажыла адну ложку. "Прыдуць, – гаварыла мама, – дзяды, нада і ім". Утрам курам давалі. Мама мне гаварыла: "Еслі Дзяды, еслі жалобны стол – не даваць свінням, не даваць сабакам, а курам, пцічкам толька можна аддаць". І на міне гаварыла: "Як ты ня будзеш Дзяды правіць, міня памінаць, я буду абіжацца". Сейчас я дома, як знаю, што Дзяды, кісяля звару, супчыка пастаўлю, і ў цэркву запісачку напішу" (Вольга Касцюкевіч, 1947 г. н., в. Сіманічы, Лельчыцкі раён, Гомельская вобласць). Будучы дзіцём, наша інфармантка да дробязей запамніла ўвесь "сцэнар" правядзення Дзядоў менавіта ў іх сям'і. Мама нашай суразмоўцы і яе пакаленне з'яўляліся носьбітамі традыцыі, ведаў пра тое, як трэба паводзіць сябе на Дзяды і іншыя святы. Гэтыя веды аказаліся нормаўтваральнымі для ўсёй іх сям'і.

"Я ня знаю, як хто робіць. Я Дзяды раблю, як дома рабіла, хто мяне правярае. Нада не да пары прыгатовіць страў, штоб было не да пары, ці дзевяць, ці адзінаццаць. Ёсць Дзяды посныя, і такія. На посныя меньша страў: куцця, кампоцік з груш да куці, да боршчык з грыбамі, да картошачка з агурком. Два разы Дзяды, як бедная куцця, яна посная і Дзяды, а ўжо нашы Дзяды – тады больша мяснога: і катлеткі, і каўбаскі. Это восенню. Звалі дзядоў: "Хадзіця, дзядочки, к нам вячэраць". І я так гавару, усё пастаўлю, яшчэ у стопку налью віна ці гарэлкі, і заву ўсіх. Вілку, ложку палажу, ложку выемкай уверх. Як упадзе што са стала, то не падымалі. Мне ніколі ня сніліся, бо я ўсягда Дзяды праўлю, як ня ўтамлюся. А на стол абязацельна сабяру, шчэ пазваню дзяўчатам у Мінск, што сёння Дзяды. Дак адна ж за католікам, дак у іх ня так, а Валя за нашым, – кажа – мама я знаю.

Кажу ёй: “Пастаў усяго на стол, бацька прыдзя, да Сяргеяў бацька прыдзя, што б ня казалі, што іх ня ўгаішчалі, да паішчытай, штоб не да пары страў было”. – “Мама, я эта тожа знаю” (Ульяна Прыходзька, 1936 г. н., в. Смалегаў, Нараўлянскі раён, Гомельская вобласць). Наша суразмоўца – перасяленка з Гомельшчыны, зараз жыве на Міншчыне, але Дзяды спраўляе так, як іх спраўлялі ў яе бацькоўскай сям’і на іх малой Радзіме. Да таго ж, яна імкнецца перадаць гэту традыцыю сваім дзецям. Акрамя набору страў, правілам пры гатаванні вячэры на Дзяды было трыманне колькаснага парадку: у дадзеным выпадку агаворваецца – “штоб не да пары страў было”.

Сямейна-радавая памяць адыгрывае значную ролю для захавання і перадачы каштоўнасцей, сэнсаў традыцыйнай культуры праз пакаленні, з’яўляецца сацыякультурным механізмам, які вызначае дынаміку абнаўлення, рэканструкцыі і кансервацыі сацыяльнага вопыту.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Розенберг, Н. В. Семья как культурная единица, способ сохранения и трансляции культурных традиций. [Электронный ресурс] / Н. В. Розенберг. – 2023. – Режим доступа: [/https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-kulturnaya-edynitsa-sposob-sohraneniya-i-translyatsii-kulturnyh-traditsiy/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-kulturnaya-edynitsa-sposob-sohraneniya-i-translyatsii-kulturnyh-traditsiy/viewer). – Дата доступа: 03.10.2023.

Д. У. Лішай

ВЫКАРЫСТАННЕ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў БРАШУРАХ ПОЛЬСКАЙ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ ПАРТЫІ Ў 1902–1903 ГАДАХ

120 гадоў таму ў Лондане ў друкарні Польскай сацыялістычнай партыі (далей – ППС) былі выдадзены тры першыя беларускамоўныя брашурны: «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць» [1], «Як зрабіць, каб людзям стала добра на свеце» [2], «Хто праўдзівы прыяцель беднага» [3]. Іх з’яўленне сведчыла пра новы этап барацьбы палітычных партый за ўплыў на тэрыторыі беларускіх губерняў у пачатку ХХ ст. ППС імкнулася дамінаваць на палітычнай арэне зямель былой Рэчы Паспалітай. Адным з істотных фактараў у гэтай тактыцы стала выкарыстанне нацыянальных моў.

Заяўленая тэма з’яўляецца адным з сюжэтаў грамадска-палітычнага жыцця Беларусі ў пачатку ХХ ст. Яна закраналася ў працах гісторыкаў (Ю. Туронак [4, с. 33–37; 5, с. 41–44, 57, 61; 6, s. 92–99; 7, s. 65–69],

А. Д. Тогулева [8, с. 69], І. Г. Яцкевіч [9, с. 19–20], А. М. Сідарэвіч [10, с. 24–26], І. І. Коўкель [11, с. 33–34], Н. С. Гардзіенка [12, с. 30–31]) і філолагаў (Я. Ф. Карскі [13, с. 375], У. А. Жылка [14, с. 182–183], І. А. Гапоненка [15, с. 21]). Аднак гэта пытанне патрабуе дадатковага асэнсавання не толькі ў кантэксце дзейнасці асобных палітычных партый, але і поглядаў на нацыянальнае пытанне. Апошняя дазваляе акрэсліць новыя накірункі навуковых даследаванняў.

Асноўнымі крыніцамі па разглядаемай тэме з’яўляюцца брашуры «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць», «Як зрабіць, каб людзям стала добра на свеце», «Хто праўдзівы прыяцель беднага народу?». Іх экзэмпляры захоўваюцца ў фондах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (далей – НББ) [1; 2; 3].

Сярод нацыянальных партый на тэрыторыі беларускіх губерняў у пачатку ХХ ст. адной з самых актыўных з’яўлялася ППС. На арганізацыйным з’ездзе ў Парыжы ў лістападзе 1892 г. і III з’ездзе ў Вільні ў чэрвені 1895 г. яна звярнула ўвагу на неабходнасць павелічэння свайго ўплыву ў рэгіёне. У перспектыве прадугледжвалася кантраляваць усе мясцовыя арганізацыі сацыялістычнай арыентацыі. Аднак рэальная практычная рэалізацыя гэтага намеру пачала ажыццяўляцца пасля VI партыйнага з’езду ў Любліне ў чэрвені 1902 г. На ім было прынята рашэнне пра ўтварэнне асобнай партыйнай акругі для беларускіх і літоўскіх губерняў. У ёй планавалася арганізаваць дзейнасць ППС у Літве. Акрамя таго, на Цэнтральны рабочы камітэт (далей – ЦРК) ППС ускладалася каардынацыя выдання агітацыйнай літаратуры на нацыянальных мовах [4, с. 36; 5, с. 41–42, 57; 6, s. 92–93; 7, s. 65–66].

Першымі надрукаванымі брашурамі на беларускай мове сталі «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць», «Як зрабіць, каб людзям стала добра на свеце», «Хто праўдзівы прыяцель беднага народу?». Іх выхад тлумачыцца рэакцыяй ППС на ўтварэнне Беларускай рэвалюцыйнай партыі (далей – БРП). Польская партыя планавала наладзіць сувязь з беларускімі палітычнымі актывістамі, а таксама заручыцца падтрымкай з боку мясцовага насельніцтва ў антыўрадавай барацьбе [4, с. 36–37; 5, с. 42, 57; 6, s. 93; 7, s. 67].

На тытульных аркушах трох брашур былі пазначаны месца і дата выдання: Колварт Роўд, 67; Лэйтанстоўн, Лондан, (67 Colworth Road, Leytonstone, London N. E.), 1903 год [1; 2; 3]. У якасці выдаўца пад псеўданімам «Канёўскі» выступіў кіраўнік друкарні ППС у Лондане Б. А. Енджэўскі [12, с. 31]. На думку даследчыка Ю. Туронка, брашуры «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць» і «Як зрабіць,

каб людзям стала добра на свеце» былі выпушчаны ў перыяд з кастрычніка па снежань 1902 г., а брашура «Хто праўдзівы прыяцель беднага народу?» – у студзені 1903 г. [5, с. 42–43; 6, с. 93; 7, с. 67]. Аб’ём першай брашуры склаў 16 старонак [1], другой – 13 старонак [2], а трэцяй – 16 старонак [3].

Аўтарам перапрацаванага перакладу тэксту польскіх агітацыйных антыўрадавых публікацый на беларускую мову стала член Гродзенскай арганізацыі ППС Я. Міхнёўская. Тэкставы набор ажыццявіў – член Замежнага аддзялення ППС Д. Сямашка. Даследчыкі Ю. Туронак і Н. С. Гардзіенка адзначылі, што наклад кожнага выдання склаў 2 000 экзэмпляраў. Першапачаткова брашуры былі перавезены з Лондана ў Кракаў, а затым дастаўлены на тэрыторыю беларускіх зямель [5, с. 42–43; 12, с. 30–31]. Па даных гісторыка І. Г. Яцкевіча, выдадзеныя агітацыйныя матэрыялы захоўваліся ў кватэры Л. Бяліцкага ў Гродне [9, с. 20].

Змест вышэйпералічанай партыйнай літаратуры быў вытрыманы ў антыўрадавым стылі. Выразна прасочвалася імкненне паказаць сацыяльную няроўнасць паміж беднымі і заможнымі слямямі грамадства. Падкрэслівалася складанае эканамічнае становішча сялян, якое было выклікана шэрагам прычын: праблемай зямельнага пытання, высокімі падаткамі, рэкруцкай павіннасцю. Жыццё рабочых паказвалася на фоне цяжкіх умоў працы і нізкіх заробкаў. У выніку сяляне і рабочыя заклікаліся да правядзення страйкаў пад кіраўніцтвам актывістаў сацыялістычных партый. Аўтары брашуры заахвочвалі арыентавацца на прыклады стварэння рабочых аб’яднанняў у Варшаве, Лодзі і Вільні. Абвяшчалася, што ў перспектыве ўся зямля будзе перададзена ва ўласнасць сялян, а фабрыкі і заводы – ва ўласнасць рабочых. Канчатковай мэтай ставілася звяржэння манархічнага ладу ў Расійскай імперыі [1, с. 1–16; 2, с. 1–13; 3, с. 1–16].

Дзеяч беларускага нацыянальнага руху А. І. Луцкевіч успамінаў, што брашуры выдаваліся на сродкі ППС і беларускіх палітычных актывістаў. У апошніх на той час адсутнічалі магчымасці наладжвання сістэмнай выдавецкай дзейнасці. Таму выпуск агітацыйных матэрыялаў ажыццяўляўся ў друкарні ППС у Лондане [16, с. 12–13].

Разам з тым выкарыстанне беларускай мовы ў антыўрадавых брашурах рабілася выключна ў інтарэсах ППС. Часовасць намераў польскай партыі тлумачыцца яе апасеннямі наконт самастойнага развіцця беларускага нацыянальнага руху. Таму ўжо ў чэрвені 1903 г. на канферэнцыі ЦРК ППС у Вільні была ўхвалена пастанова, паводле якой спынялася выданне агітацыйных матэрыялаў па-беларуску

[5, с. 61; 6, s. 99]. На думку даследчыка А. М. Сідарэвіча, розныя ідэйныя ўстаноўкі ППС і Беларускай сацыялістычнай грамады (далей – БСГ) прадвызначылі немагчымасць доўгатэрміновага супрацоўніцтва гэтых партый [10, с. 26].

Такім чынам, выданне трох брашур на беларускай мове ў лонданскай друкарні ППС у 1902–1903 гг. стала спробай польскай партыі выкарыстаць нацыянальнае пытанне для рэалізацыі ўласнай палітычнай праграмы. Яна імкнулася не толькі заручыцца падтрымкай з боку мясцовага насельніцтва беларускіх зямель, але і стаць дамінуючай палітычнай сілай у рэгіёне. Выпуск беларускамоўных брашур з’яўляўся тактычным крокам ППС у антыўрадавай барацьбе. Гэта адпавядала партыйнай ацэнцы суадносін палітычных сіл ва ўмовах разгортвання нацыянальных рухаў на тэрыторыі Расійскай імперыі ў пачатку ХХ ст. Брашурны «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць», «Як зрабіць, каб людзям стала добра на свеце», «Хто праўдзівы прыяцель беднага народу?» з’яўляюцца адметнымі крыніцамі па гісторыі грамадска-палітычнага жыцця Беларусі ў пачатку ХХ ст., якія маюць патэнцыял для далейшага вывучэння.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць. – Лондын [Лондан]: выданне Польскай партыі сацыялістычнай у Літве, 1903. – 16 с.

2. Як зрабіць, [каб] людзям стала добра на свеце. – Лондын [Лондан]: выданне Польскай партыі сацыялістычнай у Літве, 1903. – 13 с.

3. Хто праўдзівы прыяцель беднага народу? – Лондын [Лондан]: выданне Польскай партыі сацыялістычнай у Літве, 1903. – 16 с.

4. Туронак, Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі / Ю. Туронак. – Мінск: Медысонт, 2006. – 178 с., [8] л. іл.

5. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня [Вільнюс]: Інстытут беларусістыкі, 2006. – 877, [1] с., [12] л. іл.

6. Turonek, J. PPS wobec białoruskiego ruchu rewolucyjnego w latach 1902–1906 / J. Turonek // *Studia polsko-litewsko-białoruskie: praca zbiorowa / pod red J. Tomaszewskiego [i in.]*. – Warszawa, 1988. – № 31. – S. 89–106.

7. Turonek, J. *Z dziejów białoruskiego ruchu wydawniczego w latach 1902–1905* / J. Turonek // *Studia polono-slavica-orientalia: Acta Literaria*. 1985. – Т. 9. – S. 65–81.

8. Тогулева, А. Д. Беларуская Сацыялістычная Грамада ў перыяд першай рускай рэвалюцыі 1905–1907 гг. / А. Д. Тогулева // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1995. – № 3. – С. 68–71.

9. Яцкевіч, І. ППС на Беларусі / І. Яцкевіч // Беларус. мінуўшчына. – 1997. – № 4. – С. 18–22.

10. Сідарэвіч, А. М. Самавызначэнне беларускай сацыял-дэмакратыі / А. М. Сідарэвіч // Беларус. гіст. часоп. – 1998. – № 2. – С. 24–32.

11. Коўкель, І. І. Узнікненне першых палітычных партый на тэрыторыі Беларусі, іх асноўныя ідэйныя накірунку / І. І. Коўкель // Грамадскія рухі і палітычныя партыі ў Беларусі (апошняя чвэрць XIX – пачатак XXI ст.): матэрыялы Рэсп. навук. канф. (Гродна, 23–24 кастр. 2008 г.) / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: І. І. Коўкель (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2009. – С. 11–35.

12. Гардзіенка, Н. Беларусы ў Вялікабрытаніі / Н. Гардзіенка ; пад рэд. А. Гардзіенкі. – Мінск : Медысонт, 2010. – 620 с.

13. Карский, Е. Ф. Белорусы: Очерки словесности белорусского племени: в 3 т. / Е. Ф. Карский; коммент. Т. И. Вабищевич, В. М. Казбе-рука, О. П. Кричко. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 3, кн. 2. – 704 с.

14. Жылка, У. А. Выбраныя творы / У. А. Жылка; [Уклад., прадм. і камент. М. Скоблы]. – Мінск : Міжнар. фонд «Бел. Кнігазбор», 1998. – 353 с.

15. Гапоненка, І. А. Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця / І. А. Гапоненка. – Мінск : БДУ, 2012. – 307 с.

16. Луцкевіч, А. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928): успаміны аб працы першых беларускіх палітычных арганізацый: Беларускае рэвалюцыйнае грамада, Беларускае сацыялістычнае грамада / А. Луцкевіч. – Мінск : БелСЭ, 1991. – 64 с.

А. С. Мельникова

**НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ И ЭСЕРЫ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ
ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1917 ГОДА**

Весной 1917 г. общественно-политическая жизнь России и входивших в ее состав белорусских губерний претерпевала существенные изменения. С политической арены ушли правые партии, а левые партии получили возможность активного партийного строительства.

Партия социалистов-революционеров довольно быстро нашла ориентиры в сложившейся обстановке, число членов партии и ее сторонников как в сельской местности, так и в городах неуклонно росло. К лету 1917 г. в партии эсеров насчитывалось уже около 1 миллиона человек [1, с. 144].

Приспособив свою тактику и стратегию прежде всего к интересам крестьянства, эсеры объявили себя сторонниками социальной революции и постепенного социализма в России, выступая за социализацию земли, крестьянскую кооперацию и рабочее самоуправление [2, с. 56].

Популярностью пользовалась и национальная программа эсеров. Предложенный теоретиками партии проект преобразования России в федеративное государство, построенное по национально-территориальному принципу, вполне мог способствовать компромиссу Временного правительства с партиями и движениями национального толка. Было, впрочем, одно ограничение для его выполнения. Эсеры требовали созыва Учредительного собрания, которое бы легитимизировало трансформацию России в федеративное государство на национально-территориальной основе [3, с. 68].

Партия народных социалистов (энесов) в начале весны 1917 г. значительно уступала эсерам по количеству членов и сочувствовавших лиц. Процесс партийного строительства энесов в марте-апреле шел медленно, что было обусловлено рядом факторов. Партийные лидеры Народно-социалистической партии выражали стремление к объединению с социалистами-революционерами и трудовиками (Трудовая группа, с апреля 1917 г. – Трудовая партия) в единую социалистическую партию. Таким образом они рассчитывали создать массовую влиятельную партию. Однако попытки договориться с эсерами в вопросе объединения не удалось: последние уверенно шли по пути партийного строительства и вопрос объединения с другими партиями постепенно для них утратил свою актуальность. В свою очередь, для энесов, которые заняли весной 1917 г. выжидательную позицию, драгоценное время было упущено. Рост ее численности происходил медленно. Приблизительная численность Народно-социалистической партии в июне 1917 г. составляла 6–7 тысяч человек.

Партийная программа народных социалистов по аграрному и национальному вопросам была встречена населением России и входивших в ее состав белорусских губерний более прохладно, чем программа эсеров. В аграрном вопросе народные социалисты выступали с проектом национализации земли с передачей ее трудящимся по трудовой норме. При этом энесами не была дана четкая трактовка вопроса о вы-

купе, что порождало настороженность к программе со стороны крестьян. По национальному вопросу энесы отстаивали идею сохранения государственной целостности в форме федерации, при которой защита прав национальных меньшинств будет обеспечена законом. Свою позицию они мотивировали тем, что федерация – наиболее жизнеспособная форма государственного устройства, она вполне гарантирует и децентрализацию управления, и национальное самоопределение. Следует отметить, что данная позиция соответствовала мнению интеллигентской прослойки национального движения Беларуси [4, с. 75].

Для укрепления своих позиций и расширения партийных рядов в конце июня 1917 г. народные социалисты объединились с трудовиками, создав единую Трудовую народно-социалистическую партию. Однако ставка на быстрый рост партии не оправдалась. Численность губернских партийных организаций в среднем по стране составляла 180–250 членов, уездных – от 50 до 100 [5, с. 2]. Можно предположить, что на неоккупированной территории Беларуси насчитывалось около 2 тысяч членов Трудовой народно-социалистической партии. Примерно таким же могло быть количество сочувствующих, по разным причинам не вошедших в партийные ряды.

В белорусских губерниях народным социалистам пришлось столкнуться с острой межпартийной конкуренцией, в том числе с эсерами.

Представители партии социалистов-революционеров создавали и входили в состав новых органов власти, советов, профсоюзов [6, с. 469]. С одной стороны, эсеры поддерживали преобразования, осуществляемые Временным правительством, агитируя население белорусских губерний следовать призывам новой власти. С другой, они с пониманием относились к захватническим устремлениям крестьянства и не пытались им активно противодействовать.

Обе партии – энесы и эсеры – вели работу по созданию кооперативных организаций, просветительских курсов, открытию учебных заведений, подъему ветеринарного дела, решению продовольственного и других насущных вопросов в регионе.

Вместе с тем, в отличие от эсеров, партия народных социалистов имела поддержку преимущественно в городах. В сельской местности весомого влияния им завоевать не удалось. Отстаивание энесами позиции о том, что решение земельного вопроса является прерогативой Учредительного собрания, а также порицание ими захватнических тенденций, попытка обоснования выплат владельцам отчуждаемых земель за счет государства встречали понимание лишь незначительной части крестьян-

ства Беларуси. Этот факт убедительно подтверждают резолюции, выносимые крестьянскими съездами. К примеру, на крестьянском съезде Витебского уезда, состоявшемся в конце сентября 1917 г., перед крестьянами была поставлена альтернатива: поддерживать на выборах партии социалистов-революционеров и народных социалистов либо только социалистов-революционеров. Крестьяне выбрали второй вариант [7, с. 6].

В целом крестьянские съезды, проходившие в Беларуси в июле–октябре 1917 г., неизменно принимали эсеровские резолюции. Таким образом, в конкурентной межпартийной борьбе за самую многочисленную часть населения Беларуси – крестьянство – энесы уступили инициативу своему сопернику.

Список использованных источников и литературы

1. Модели общественного переустройства России : XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2004. – 608 с.

2. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома: В. Г. Мазец, Н. В. Смехович, С. А. Третьяк; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2019. – Т. 3. Белорусская государственность : от идеи к национальному государству (1917–1939 гг.). – 639 с.

3. Деятельность общероссийских политических партий на белорусских землях в конце XIX – начале XX в. : учебное пособие для студентов учреждений высшего образования по специальностям «История и обществоведческие дисциплины», «История (по направлениям)» / под ред. Д. С. Лавриновича [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 343 с.

4. Мельникова, А. С. Национальный вопрос в идеологии и тактике народных социалистов и трудовиков в 1906–1917 гг. (на примере Беларуси) / А. С. Мельникова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гум. науки. Ист. науки. – 2021. – № 9. – С. 72–79.

5. Всероссийский съезд Трудовой народно-социалистической партии // Народный социалист. – 1917. – 15 сент. – С. 2.

6. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2007. – 519 с.

7. Витебский уездный крестьянский съезд // Известия Витебского губернского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 4 окт. – С. 6.

Д. А. Мигун

КОМАНДИРОВКИ БЕЛОРУССКИХ УЧЕНЫХ В ГЕРМАНИЮ В 1920-Е ГОДЫ

В 1920-е гг. культурные и научные связи между Веймарской Германией и БССР были весьма плодотворными и активными. С германской стороны наиболее выдающейся стала деятельность Товарищества по содействию развитию германской науки. С белорусской стороны большую роль в научных и культурных контактах играл Белорусский государственный университет, Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Особенно большой вклад в развитие культурных и научных связей Беларуси и Германии вносило Белорусское общество культурной связи с границей (БелОКС). БелОКС было создано в апреле 1926 г. [1]. Как указывалось в журнале «Полымя» «организационное бюро в составе Д. Жилуновича, А. Цвикевича и С. Гельтмана начало вербовку членов БелОКС. Общество имеет своей целью широко провести свою работу и в свой план деятельности включает публичные доклады о соседних с БССР странах, а также издание соответствующей литературы, которая будет знакомить Запад с очевидными успехами культурного и экономического строительства в БССР» [1]. Его устав был утвержден СНК БССР 2 октября 1926 г.

П. К. Кравченко указывает на то, что «создание БелОКС предопределило значительную интенсификацию международных контактов Советской Белоруссии, а также способствовало увеличению количества их форм и методов» [2, с. 19]. Далее он указывает на то, что «к числу основных форм белорусско-германского научного и культурного сотрудничества следует отнести взаимный обмен делегациями деятелей культуры, науки и искусства, участие в международных выставках, научных конгрессах и съездах, подготовку научных кадров за границей, помещение информации о политических, экономических и культурных достижениях молодой национальной республики в иностранной периодике, гастроли белорусских артистов, книгообмен, переводческую деятельность. Особую роль играли поездки за границу представителей белорусской науки и культуры, способствовавшие распространению за рубежом правды о жизни Советской страны» [2, с. 19].

В БГУ активно занимались европейской историей, и предпочтение отдавалось именно истории немецкого народа. Об активности книгообмена говорят следующие цифры: только за октябрь 1926 г. из Германии было получено 3622 книги, туда из БССР была направлена 351 книга [3, л. 3]. Белорусская государственная библиотека наладила

книгообмен с библиотеками Лейпцигского, Магдебургского, Франкфуртского и Мюнхенского университетов. Последний только за 1928 г. выслал белорусской библиотеке более ста своих диссертаций.

После подписания Рапальского договора и договора о распространении германско-российских договоренностей на БССР германо-белорусские культурные связи заметно активизировались. Особый импульс их развитию был придан в 1926 г., когда было организовано Белорусское общество культурной связи с границей, ставшее филиалом союзного.

В русле политики 1920-х гг. было разрешено пропагандировать национальную культуру. В БССР проводилась политика белорусизации. Для того чтобы сведения о белорусских научных учреждениях и деятелях культуры были помещены в германском ежегоднике «*Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt*» («Минерва. Ежегодник научного мира»), одном из наиболее крупных мировых изданий, необходимо было посредничество Всеобщего (союзного) товарищества культурной связи с зарубежьем.

Правительственные органы и общественные товарищества БССР принимали многочисленные меры для более широкого распространения белорусской культуры за границей, в том числе и в Германии. Большую роль сыграло здесь (БелОКС) и особенно председатель этого учреждения – Т. Гартный. С первых дней существования товарищества в число его членов вошли Белорусское государственное издательство, Инбелкульт, Первый белорусский государственный театр, а также более сорока частных лиц, среди которых – Я. Купала, Я. Колас, Т. Гартный, М. Чарот – известные представители интеллигенции БССР.

БелОКС, Народный комиссариат просвещения БССР, Инбелкульт, крупнейшие учебные заведения республики провели во второй половине 1920-х гг. большую работу по организации заграничных командировок, в том числе и в Германию, содействовали участию белорусских ученых в международных мировых конференциях, планировали поездки писателей и деятелей искусства. Но деятели науки и культуры БССР были вынуждены пропагандировать «ценности» мировой пролетарской революции и классовой борьбы, т. е. вести политическую и идеологическую агитацию, что запрещалось договоренностью от 1922 г. Это в Германии было замечено и наконец, привело к недоверию и идеологической враждебности. Взаимное недоверие снижало результативность германско-белорусских культурных связей.

Как следует из «Плана заграничных командировок научных сотрудников вузов БССР в 1926–1927 гг.» за подписью Заместителя

Народного комиссара образования Волосевича, за пределы Белоруссии и в том числе в Германию планировалось отправить в общей сложности 31 ученого [3, л. 105–107]. Среди научных работников высших учебных заведений, которые командировались Комиссариатом образования с научной целью в Германию, были:

- 1) С. Вольфсон, профессор кафедры материализма БГУ;
- 2) В. Перцев, профессор кафедры всеобщей истории БГУ;
- 3) М. Прилежаев, профессор кафедры органической химии БГУ;
- 4) С. Лебёдкин, профессор кафедры нормальной анатомии БГУ;
- 5) М. Медиш, профессор кафедры фитопатологии Белорусской государственной академии сельского хозяйства, и другие ученые [3, л. 18, 18об., 23, 39].

Так, командировка профессора кафедры фитопатологии Белорусской государственной академии сельского хозяйства М. М. Медиша была связана с ознакомлением с общей организацией работы на Центральной фитопатологической станции и в сельскохозяйственных высших учебных заведениях Берлина, Лейпцига, Галле; с изучением болезней вырождения картофеля и ознакомлением с картофельным раком, который есть в Польше и угрожает СССР; с перениманием опыта, как лучше организовать преподавание фитопатологии и микробиологии в белорусских высших учебных заведениях данного направления [3, л. 84–85, 105].

Профессор кафедры всеобщей истории БГУ В. Н. Перцев планировал ознакомиться в Германии с немецкой литературой и поработать в архиве для подготовки монографии [3, л. 103].

Профессор кафедры материализма БГУ С. Я. Вольфсон собирался ознакомиться в Германии с постановкой работы на юридическом и экономическом факультетах. Также он планировал посетить в Германии ряд библиотек с целью подготовки учебников и монографии [3, л. 103].

Профессор кафедры нормальной анатомии С. Лебёдкин планировал ознакомиться с Анатомическим институтом в Берлине, а также в Мюнхене и других городах. Кроме этого, он собирался поработать с научной литературой, которой в настоящее время нет в Минске, Москве и Ленинграде [3, л. 47].

Профессор кафедры глазной клиники БГУ С. Каминский выезжал в Германию, чтобы посетить аналогичные по роду своей деятельности клиники в Берлине и Фрайбурге, а также участвовать в Общемецком съезде окулистов в Гейдельберге [3, л. 49].

Профессор кафедры физиологии БГУ Л. Розанов планировал побывать в Германии в Физиологическом институте в университете Галле

для того, чтобы ознакомиться с работами этого института. Он планировал приобрести ряд журналов, которых не было в Минске и в Москве. Так как он работал над дрожжами, то планировал посетить Институт профессора Нойберга, который тоже исследовал дрожжи. Кроме того, он собирался посетить Физиологический институт профессора Эбера, чтобы ознакомиться с техникой физико-химических и иных исследований относительно эмульсионной теории возбуждения. Там же у профессора Шадэ профессор Л. Розанов собирался работать по исследованиям водородного показателя в тканях живых людей [3, л. 47–48].

Профессор кафедры общей хирургии С. Рубашов хотел ознакомиться в клиниках Берлинского университета с новыми методами клинического преподавания, которые практиковались во всех трех берлинских хирургических клиниках, а также ознакомиться с новейшими достижениями немецкой хирургии. Кроме этого, профессор С. Рубашов, работая два года по вопросам хирургии нервной системы, собирался изучить ряд вопросов по хирургии симпатической нервной системы у профессора Брюнинга в Берлине и по хирургии головного мозга у профессора Ферстера в Бреславле. Наконец, профессор С. Рубашов планировал работать в Берлине, в Институте профессора Блюменталля по злокачественным опухолям. Эта командировка дала бы профессору С. Рубашову возможность закончить две большие монографии, что не было бы возможным без работы в медицинских библиотеках Берлина [3, л. 48].

Уже из этого видно, что контакты между белорусскими и германскими учеными приобрели довольно обширный характер. К этому можно добавить, что самыми плодотворными были связи в области медицины.

В 1928 г. известный ученый, представитель школы В. О. Ключевского, первый ректор Белорусского государственного университета В. И. Пичета принял активное участие в «Неделе советской исторической науки в Берлине», где выступил с докладом «Аграрная реформа в восточных волостях Литовско-Белорусского государства во второй половине XVI – начале XVII в.» [4, с. 223].

Ознакомление белорусской интеллигенции с научной и культурной жизнью Германии было многогранным. Эту страну посетили в 1925 г. Я. Купала, Т. Гартный, М. Чарот (М. Куделька). В 1927 г. в соответствии с постановлением № 112 Народного Комиссариата Просвещения БССР от 6 июля 1927 г. «Об иностранных командировках белорусских писателей» в Германию для ознакомления с бытом и культурными достижениями выезжали Д. Жилунович (Т. Гартный),

М. Куделька (М. Чарот), М. Косенков (М. Зарецкий) [3, л. 203]. В Берлине они встречались с пролетарским писателем И. Бехером, который согласился стать постоянным сотрудником белорусского журнала «Польша». Белорусские писатели встретились и с германским автором Г. Полем, редактором журнала «Die neue Bücherschau» («Новое книжное обозрение»). С ним также было налажено сотрудничество.

К сожалению, имел место очень сильный контроль со стороны государственных органов и учреждений за командировками ученых. Госорганы на основании письменных обоснований самих ученых и ряда ходатайств со стороны руководства вузов решали, разрешить или нет тому или иному ученому зарубежную командировку. Это отчетливо видно на личном примере преподавательницы Горьковского рабочего факультета К. Соловьевой, которая потратила много времени и усилий, но так и не смогла получить командировку в Германию с целью совершенствования знаний немецкого языка [3, л. 130–141]. Придирчивое и во многом субъективное, некомпетентное отношение к ученым со стороны властей, плохое знание иностранных языков, в том числе немецкого, и ряд иных факторов отрицательно влияли на развитие белорусско-германских научных и культурных связей.

Список использованных источников и литературы

1. Хроніка беларускае культуры // Польша. – 1926. – № 3. – С. 198.
2. Кравченко, П. К. Экономические и культурные связи БССР с зарубежными странами (1921-1932 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П. К. Кравченко ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1976. – 23 с.
3. Материалы о заграничных командировках сотрудников вузов БССР в связи с заграничными культурно-просветительными учреждениями / приказы, циркуляры, планы, протоколы, переписка и др. // НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 338.
4. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. С.-Петербург. фил. ; отв. ред. Э. И. Колчинский. – М. : Наука, 2001. – 366 с.

М. А. Міхайлец

АСАБЛІВАСЦІ ЗАХАВАННЯ ЭТНАКУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ Ў РАМКАХ КАНВЕНЦЫІ 2003 ГОДА

Этнакультурная спадчына ў сённяшнім свеце часта патрабуе захавання, саступая пазіцыі пад націскам глабальных культурных форм.

Зберажэнне этнакультурнай разнастайнасці з канца 1980-х гг. стала прадметам увагі з боку дзяржаў. У 1989 г. ЮНЕСКА прыняла Рэкамендацыю аб захаванні фальклору, а ў 2003 г. – Канвенцыю аб захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей – Канвенцыя). Рэспубліка Беларусь ратыфікавала Канвенцыю ў ліку першых дзесяці краін і прымае неабходныя меры па рэалізацыі яе палажэнняў на практыцы. Канвенцыя накіравана на стварэнне належных умоў для захавання нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей – НКС) як на нацыянальным, так і на міжнародным узроўні.

Мэтай артыкула з’яўляецца выяўленне асаблівасцяў зберажэння этнакультурнай спадчыны з дапамогай Канвенцыі аб захаванні НКС 2003 года.

Артыкул 2.3 Канвенцыі вызначае захаванне як “забеспячэнне жыццяздольнасці НКС” [1]; часта гэта перафразуюць як забеспячэнне бесперапыннай практыкі і перадачы НКС пры захаванні яе каштоўнасці і функцыі для адпаведных людзей. Меры па захаванні павінны садзейнічаць стварэнню агульных спрыяльных умоў для росквіту НКС пэўнай краіны. Меры па захаванні могуць таксама датычыць асобных элементаў НКС ці груп элементаў, якія сутыкаюцца з пагрозамі для іх бесперапыннай жыццяздольнасці.

Рэалізацыя мер па захаванні НКС на розных узроўнях з’яўляецца заданнем, якое міжнародная супольнасць гатовая падтрымліваць ва ўсё большай ступені, што бачна з хуткай ратыфікацыі Канвенцыі (па стану на кастрычнік 2023 г. да яе далучылася 181 дзяржава) [2].

Паколькі захаванне НКС азначае забеспячэнне таго, што яна працягвае практыкавацца сёння, не падвяргаючы рызыцы магчымасць для наступных пакаленняў карыстацца ёю ў будучыні, яно можа ўнесці ўнёсак у праграмы па ўстойлівым развіцці, а таксама атрымліваць карысць ад іх. Устойлівае развіццё было вызначана ў 1987 г. Брундтландскай камісіяй як «развіццё, якое задавальняе патрабаванні сённяшняга часу, не падвяргаючы рызыцы магчымасць для будучых пакаленняў задавальняць іх уласныя патрабаванні» [3].

Меры па захаванні – гэта мэтанакіраваная дзейнасць па забеспячэнні бесперапыннай жыццяздольнасці элементаў, якія знаходзяцца пад якой-небудзь пагрозай. Члены зацікаўленых супольнасцей часта самі ініцыююць меры па захаванні. Дзяржаўныя органы, мясцовая ўлада, няўрадавыя арганізацыі, даследчыя ўстановы, цэнтры дакументавання і/або даследчыкі таксама могуць праявіць ініцыятыву. Аднак меры па захаванні павінны выпрацоўвацца і рэалізоўвацца пры максімальна шырокім удзеле зацікаўленых супольнасцей, груп або асоб (артыкул 15) [1].

Падрыхтоўку мер або планаў па захаванні трэба пачынаць з аналізу фактараў, якія пагражаюць узнаўленню і/або перадачы адпаведнага элемента.

У адпаведнасці з артыкулам 2.3. Канвенцыі, меры па захаванні ўключаюць “ідэнтыфікацыю, дакументаванне, даследаванне, ахову, зберажэнне, папулярызацыю, павышэнне ролі, перадачу, галоўным чынам з дапамогай фармальнай і нефармальнай адукацыі, а таксама адраджэнне...” НКС; артыкул 11(b) дадае да гэтага спіса мер па захаванні вызначэнне НКС; артыкул 2.1 дадае складанне пералікаў. Умацаванне патэнцыялу па захаванні (артыкулы 13(d)(i) і 14(a)(iii)), адукацыя (артыкул 14(a)(i), (ii) і (v)) і павышэнне дасведчанасці (артыкул 14(a)(i) і артыкул 1(c)) з’яўляюцца больш агульнымі мерамі, якія ўзгадваюцца ў Канвенцыі і Аператыўным кіраўніцтве па яе выкананні [1].

Захаванне НКС з’яўляецца галоўнай мэтай Канвенцыі, што выражаецца ў яе поўнай назве: Канвенцыя аб захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Розныя палажэнні Канвенцыі і Аператыўнага кіраўніцтва падтрымліваюць гэта:

- ад дзяржаў-удзельніц патрабуецца прыняцце неабходных мер па захаванні НКС, што знаходзіцца на іх тэрыторыі (артыкул 11(a)) [1];

- дзяржавы-ўдзельніцы запрашаюцца падтрымліваць супольнасці, якія пражываюць на іх тэрыторыі і жадаюць захоўваць асобныя элементы сваёй НКС, а таксама дапамагаць ім у гэтым;

- аператыўнае кіраўніцтва прапануе шмат розных спосабаў, дзякуючы якім дзяржавы могуць садзейнічаць захаванню НКС і дапамагаць у гэтым супольнасцям (напрыклад, пункты 80–82 і 85–86) [4];

- канвенцыя заснавала спецыяльны Спіс НКС, якая патрабуе тэрміновай аховы (артыкул 17; АК 1) і ўтрымлівае спецыяльныя палажэнні адносна элементаў, якія патрабуюць тэрміновай аховы на падставе надзвычайнай тэрміновасці (АК 33–34) [1, 4];

- артыкул 18 Канвенцыі патрабуе намінаваць, адбіраць і распаўсюджваць найлепшыя практыкі па захаванні (АК 42–46) [1, 4];

- першай задачай міжнароднай дапамогі, якая ўзгадваецца ў артыкуле 20 Канвенцыі, з’яўляецца захаванне спадчыны, уключанай у Спіс тэрміновай аховы (АК 9(a)) [1, 4].

Меры па захаванні могуць быць накіраваны на стварэнне агульных спрыяльных умоў, якія садзейнічаюць росквіту наяўнай у краіне НКС (напрыклад, шляхам рэалізацыі заканадаўчых, адміністратыўных, фінансавых і папулярызакцыйных мер). Меры па захаванні могуць датычыць таксама асобных элементаў НКС альбо групы элементаў, бесперапыннай жыццядзейнасці якіх пагражаюць небяспекі і рызыкі.

Агульныя меры па захаванні НКС

Артыкулы 11(b)–15 Канвенцыі даюць дакладныя прадпісанні, якім чынам дзяржава-ўдзельнік можа выканаць свой абавязак “прымаць неабходныя меры для забеспячэння захавання НКС, што знаходзіцца на іх тэрыторыі” (артыкул 11(a)) [1]. Палажэнні гэтых артыкулаў можна звесці да наступнага (поўны тэкст прадстаўлены ў Канвенцыі):

Кожная дзяржава-ўдзельніца павінна:

– ідэнтыфікаваць і вызначаць НКС, што знаходзіцца на яе тэрыторыі (артыкул 11(b));

– скласці адзін ці некалькі пералікаў НКС, што знаходзіцца на яе тэрыторыі (артыкул 12) [1].

Кожная дзяржава-ўдзельніца павінна імкнуцца:

– прыняць агульную палітыку; вызначыць або стварыць адзін ці некалькі кампетэнтных органаў па захаванні НКС; садзейнічаць даследаванням (“з мэтай эфектыўнага захавання НКС”); і прыняць адпаведныя юрыдычныя, тэхнічныя, адміністрацыйныя і фінансавыя меры (артыкул 13);

– забяспечыць прызнанне, павагу і павышэнне ролі НКС у грамадстве (артыкул 14);

– забяспечыць удзел супольнасцей у мерапрыемствах па захаванні і далучаць іх да кіравання сваёй НКС (артыкулы 11(b), 15) [1].

Дадзеныя палажэнні накіраваны на дасягненне наступных мэт Канвенцыі на нацыянальным узроўні (арткул 1): (a) захаванне НКС; (b) забеспячэнне павагі да НКС; (c) прыцягненне ўвагі да важнасці НКС у цэлым і забеспячэнне ўзаемнай павагі НКС паміж рознымі супольнасцямі і ўнутры іх.

Аператыўнае кіраўніцтва больш дакладна канкрэтызуе гэтыя агульныя меры:

– забеспячэнне ўдзелу супольнасцей у захаванні і прадастаўленне іх згоды на гэта (АК 1, 2, 7, 12, 79–80, 88, 101, 157 і 162);

– забеспячэнне павышэння патэнцыялу па захаванні (АК 82, 107 і 155);

– забеспячэнне наяўнасці адпаведных прававых рамак і кодэксаў этыкі для захавання НКС і павышэння дасведчанасці (АК 103, 105 і 107), у тым ліку забеспячэнне правоў адпаведных супольнасцей, груп і асоб на належную абарону пры павышэнні дасведчанасці аб іх спадчыне або правядзенні камерцыйнай дзейнасці (АК 104);

– павышэнне дасведчанасці (АК 100–123);

– вызначэнне рызык, маніторынг і ацэнку небяспек, якія пагражаюць НКС (АК 116);

– забеспячэнне наяўнасці адміністрацыйных структур для садзейнічання касультацыям паміж супольнасцямі, няўрадавымі арганізацыямі, экспертамі, спецыялізаванымі цэнтрамі і іншымі (АК 80) [4].

Меры па захаванні асобных элементаў НКС

Спецыяльныя меры па захаванні накіраваны на забеспячэнне бесперапыннай жыццяздзейнасці асобнага элемента НКС або асобнай групы элементаў, у тым выпадку, калі па нейкай прычыне іх практыка і перадача знаходзяцца пад пагрозай.

Спецыяльныя меры па захаванні не абавязковыя, калі звычайная практыка і перадача падтрымліваюць існаванне элемента НКС. У такіх абставінах жыццяздольнасці НКС не пагражаюць ніякія небяспекі ці рызыкі і не патрабуюцца знешняга ўмяшання і найбольш пажаданы агульныя, а не спецыяльныя меры па захаванні (напрыклад, павышэнне дасведчанасці).

Перад распрацоўкай мер па захаванні патрабуюцца вызначэнне і аналіз пагроз і рызык. Часам праблемы адносна простыя, але звычайна гэта не так. Меры па захаванні часта прапануюць унесці змены ў практыку або перадачу НКС, спрабуючы прыстасаваць яе да жыццёвых абставін адпаведных супольнасцей, якія імкліва змяняюцца; падобныя прыстасаванні ў большасці выпадкаў маюць месца і ў практыцы квітнеючых элементаў НКС.

Калі пагрозы жыццяздольнасці НКС не змякчыць, то НКС можа перастаць практыкавацца як жывая спадчына, хаця паказы ці прадукцыя могуць і далей стварацца дзеля турыстаў і іншых чужынцаў з чыста камерцыйнага інтарэсу. Не ўся НКС павінна і сапраўды можа быць захавана або адроджана. Калі адпаведная супольнасць або група больш не ліча пэўны элемент НКС важным ці значным, іх цяжка захоўваць у сэнсе Канвенцыі. У такіх выпадках элементы можна проста задакументаваць перад знікненнем.

Меры па захаванні могуць ўяўляць сабой прамыя дзеянні, такія як узмацненне арганізацыйнага камітэта або пасадка новых дрэў, неабходных для вырабу музычных інструментаў, збор грошай унутры супольнасці ці арганізацыя нефармальнага адукацыйнага сустрэч для перадачы навыкаў. Меры па захаванні могуць таксама ўключаць больш комплексную дзейнасць, арганізаваную ў адпаведнасці з пэўным планам: напрыклад, шматаспектныя сярэднетэрміновыя стратэгіі па захаванні з прыцягненнем шматлікіх ролевых гульцоў, якія павінны каардынавацца нейкай арганізацыяй супольнасці з дапамогай няўрадавых арганізацый, мясцовай улады, спецыялізаваных інстытутаў і г. д.

Некаторыя віды мер па захаванні, якія могуць выкарыстоўвацца ў адносінах да асобных элементаў, пералічаны ў артыкуле 2.3: ідэн-

тыфікацыя, дакументаванне, даследаванне, зберажэнне, ахова, папулярызация, павышэнне ролі, перадача, галоўным чынам з дапамогай фармальнай і нефармальнай адукацыі, і адраджэнне. Дадзены спіс мер па захаванні не з'яўляецца поўным, і ахоўныя мерапрыемствы часта можна аднесці адразу да некалькіх пералічаных відаў. Аднак у кантэксце захавання згодна з Канвенцыяй, класіфікацыя асобных мер (“даследаванне”, “дакументаванне”, “адраджэнне” і г. д. менш важная, чым прыстасаванне гэтых мерапрыемстваў для супрацьдзеяння небяспекам, якія пагражаюць жыццяздольнасці адпаведных элементаў.

Меры і планы па захаванні

Меры па захаванні могуць распрацоўвацца для любога элемента НКС, жыццяздольнасці якога пагражаюць небяспекі ці рызыкі, але яны павінны распрацоўвацца для элементаў, якія намінаваны ў спісы Канвенцыі (гл. АК 1 і 2) [4]. Меры па захаванні павінны, па магчымасці, быць прадстаўлены ў выглядзе ўзгодненага набору мер (гэта значыць, у выглядзе плана). Зрэшты, часам і адна мера можа быць вельмі эфектыўнай.

У выпадку прапановы некалькіх мер па захаванні, магчыма, неабходна вылучыць найбольш прыярытэтныя з іх, паколькі рэсурсы на захаванне звычайна абмежаваныя. Зрэшты, рэалізацыя мер па захаванні не абавязкова заўсёды павінна быць дарагой. Калі існуе патрэба ў фінансаванні іх рэалізацыі, асабліва ў дачыненні элементаў са Спіса тэрміновага захавання, дзяржавы-ўдзельніцы могуць запрасіць міжнародную дапамогу згодна з Канвенцыяй. Дзяржавы могуць таксама звярнуцца па супрацоўніцтва да іншых дзяржаў-удзельнікаў, адносна, напрыклад, агульнай для іх НКС, альбо за іншай формай дапамогі, такой як дакументаванне ці проста парада.

Планы па захаванні павінны ацэньвацца на выканальнасць. Рэдка магчыма прадугледзіць усе пазітыўныя і негатыўныя эфекты ахоўных умяшанняў, таму меры па захаванні павінны часта правярацца і ацэньвацца і, пры неабходнасці, карэктавацца.

Вызначэнне, падрыхтоўка і рэалізацыя паспяховых мер па захаванні асобных элементаў павінна ўключаць большасць, калі не ўсе, наступныя дзеянні (не абавязкова менавіта ў такім парадку):

– вызначыць, хто будзе, працуючы сумесна, складаць першапачатковы рабочы план. Калі ініцыятыва зыходзіць не ад супольнасці, з самага пачатку прыцягваць членаў супольнасці і пера-канацца, што яны на самой справе прадстаўляюць супольнасць;

- вызначыць жыццяздольнасць элемента на сённяшні дзень;
- вызначыць усе існуючыя пагрозы жыццяздольнасці элемента;
- вызначыць будучыя рызыкі жыццяздольнасці элемента;

- вызначыць і ацаніць мінулыя і бягучыя меры па захаванні (калі такія маюцца);
- інфармаваць адпаведныя супольнасці з дапамогай адэкватных у дадзеным выпадку выразаў. Інфармаваць пры неабходнасці іншыя супольнасці;
- усталяваць абязацельствы па захаванні як унутры адпаведнай супольнасці, так і па-за ёй;
- пры неабходнасці, вызначыць або стварыць структуру, якая будзе каардынаваць рэалізацыю дадзеных мер з далучэннем членаў супольнасці;
- усталяваць прыярытэтныя меры па захаванні і вызначыць іх кошт;
- атрымаць згоду супольнасці на рэалізацыю мер па захаванні;
- знайсці рэсурсы (чалавечыя і матэрыяльныя) для рэалізацыі мер па захаванні;
- рэалізаваць меры па захаванні;
- адсочваць і ацэньваць уплыў мер па захаванні;
- пры неабходнасці карэктаваць меры па захаванні.

Такім чынам, Канвенцыя аб захаванні нематэрыяльнай культурнай спадчыны 2003 года і Аператыўнае кіраўніцтва па яе выкананні прапануюць дзяржавам-удзельніцам эфектыўныя механізмы зберажэння этнакультурнай спадчыны пры актыўным удзеле ўсіх зацікаўленых бакоў, асабліва носьбітаў.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия // Официальный сайт ЮНЕСКО. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>. – Дата доступу: 15.10.2023.
2. States Parties to the Convention. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-safeguarding-intangible-cultural-heritage#item-2>. – Дата доступу: 15.10.2023.
3. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm>. – Дата доступу: 15.10.2023.
4. Operational Directives for the implementation of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://ich.unesco.org/en/directives>. – Дата доступу: 15.10.2023.

**ПРАБЛЕМА ВЫЗНАЧЭННЯ НАЦЫЯНАЛЬнай
ПРЫНАЛЕЖНАСЦІ БЕЛАРУСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА
ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯГА КРАЯ Ё КАНТЭКСЦЕ ЁРАДАВАЙ
ПАЛІТЫКІ 60-Х ГАДОЎ XIX – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ**

Адным з ідэалагічных абгрунтаванняў урадавых мерапрэемстваў у Паўночна-Заходнім краі падчас і пася паўстання 1863–1864 гг. сталася сцвярджэнне неабходнасці абароны ад “польскага прыгнёту” мясцовых праваслаўных сялян. У барацьбе з “пальшчызнай” і “лацінствам” віленскі генерал-губернатар М. М. Мураўёў выратаваў гэтае насельніцтва і, як пісаў Ф. Цютчаў, “бедное, замученное племя, / воздвигнув к жизни, вынес на себе” [1, с. 150]. Пры гэтым сам Мураўёў, азначаючы нацыянальную прыналежнасць мясцовых праваслаўных, пастуліраваў прыналежнасць гэтага “племені” да рускага народа – “сельское население в душе русское, но загнано и забито” [2, с. 497]. Праваслаўе і “руская народнасць” для М. Мураўёва стваралі адзіную непарыўную цэласць. Погляды М. Мураўёва на нацыянальную прыналежнасць мясцовых праваслаўных падзяляў і складальнік “Этнаграфічнага атласа заходне-рускіх губерняў...” Р. Эркерт. Ён сцвярджаў: “у заходняй Расіі, з параўнальна нешматлікімі выключэннямі, усе славянскія мешканцы праваслаўнага веравызнання павінны лічыцца Рускімі, а ўсе тыя, якія спавядаюць каталіцкую рэлігію, – Палякамі”. У той жа час, ён папярэджваў ад занадта шырокіх абагульненняў: “Гэты спосаб гледжання не ва ўсіх выпадках і не абсалютна правільны (для Валынскай, Падольскай і Кіеўскай губерняў ён больш правільны, чымсьці для Беларускіх губерняў). Р. Эркерт заўважаў, што калі за падставу падзелу “паляк-рускі” прыняць толькі мову, дык колькасныя суадносіны паміж імі значна змяніліся бы на карысць “рускага насельніцтва” края [3, с. 6]. Тым не менш, Р. Эркерт усё ж такі падкрэсліваў перавагі канфесійнага крытэрыя вызначэння нацыянальнай прыналежнасці: “гістарычная хада падзеяў адбіла ва ўсіх адносінах на рускім насельніцтве заходніх губерняў пэўны чужынскі тып, які рэзка адрозніваецца ад карэннай, цалкам-рускай ... католік, які гаворыць на беларускай альбо маларускай мове, не толькі ў вачох усіх жыхароў праваслаўнага і каталіцкага веравызнання – Паляк, але і сам лічыць сябе, ды і хоча, каб іншыя яго лічылі Палякам” [3, с. 7–8]. Пры тым, што Р. Эркерт выкарыстоўваў азначэнне “беларусы” як назву аднаго з

“плямёнаў” рускага народа, ён адмаўляў магчымасць афіцыйнага выкарыстання гэтай назвы як этнічнай: “назва «Беларус» для азначэння народнасці і «беларуская», для азначэння мовы, нікому ў народзе неведомыя” [3, с. 8]. У “Атласе...” А. Рыціха ўсё праваслаўнае насельніцтва вызначана як “рускае”, хаця ў статыстычнай табліцы да яго паказаны падзел “рускіх” на адпаведна “малорусаў”, “беларусаў і чорнорусаў” і “велікарусаў” [4, с. 5].

Вылучэнне асобнай, адрознай беларускай нават не мовы, але “гаворкі”, якую той жа Р. Эркерт разглядаў як магчымы, але непажаданы крытэрыі нацыянальнага вызначэння насельніцтва края, выклікала ў самога М. Мураўёва жорсткую адмоўную рэакцыю – “бедственная идея о разъединении народностей в России, введении малороссийского, белорусского и иных наречий уже глубоко проникла в общественные взгляды. Необходимо положить этому твердую преграду...” [5, с. 107]. У рэчышчы прызнання праваслаўя падмуркам прыналежнасці да “рускага народа”, пры М. Мураўёве і, асабліва, пры яго наступніке К. П. Каўфмане адбываліся захады па навяртанні каталіцкіх вернікаў у праваслаўе. Меркавалася, што зварот у праваслаўе здыме праблему нацыянальнай ідэнтыфікацыі, ператвараючы іх у “рускіх” [5, с. 187–191; 6]. Мураўёў нават дазволіў пакідаць на службовых пасадах мясцовых палякаў пры ўмове іх пераходу ў праваслаўе і патлумачыў гэта тым, што “кожны католік, які прыняў праваслаўе, ужо не паляк... а ягоныя дзеці будуць рускімі” [7, с. 344]. Адміністрацыйныя захады па навяртанні беларускіх сялян-каталікоў у праваслаўе выклікалі часам адваротны эфект і замест умацавання “рускай” нацыянальнай самасвядомасці штурхалі “тутэйшых” ў бок польскай самаідэнтыфікацыі. Нягледзячы на гэта, высілкі ваеннага начальніка віленскага павяту князя М. М. Хаванскага па пераводу беларускіх сялян-каталікоў у праваслаўе атрымалі асабістую падзяку Аляксандра II [5, с. 239].

З 1880-х гг. у Расійскай імперыі этнавызначальнай прыкметай пачала лічыцца ўжываная насельніцтвам мова. Ва ўмовах хуткага росту насельніцтва ў паслярэформенны перыяд выкарыстанне гэтага крытэрыя нацыянальнай прыналежнасці, як калісь і адзначаў Р. Эркерт, дазваляла моцна павялічыць колькасць «рускамоўных» насупраць «польскамоўным» і пашырыць прастору прэтэнзій улады у фармаванні этнічнага аблічча Расійскай імперыі. Зменаў пазіцый улады спрыялі даследаванні этнаграфіі беларускага краю, які вяліся ў другой палове XIX – пачатку XX ст. і збольшага былі інспіраваныя расійска-

польскім супрацьстаяннем. Моўны прынцып вызначэння беларускага – а для тагачаснай адміністрацыі гэта значыла “непольскага=рускага” – паступова пераходзіў з маргінальных пазіцый да агульнапрызнанага і навукова абгрунтаванага. Значным крокам у практычнай рэалізацыі моўнага крытэрыя нацыянальнай прыналежнасці стаўся Усерасійскі перапіс 1897 г. Табліцы размеркавання насельніцтва губерняў па роднай мове (“родному языку”) змяшчалі графу “Русский язык”, якая, у сваю чаргу, падзялялася на тры графы – “великорусский”, “малорусский” і “белорусский”. Такім чынам, Цэнтральны статыстычны камітэт Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі дэ-факта пазначыў статус беларускай і украінскай (“маларускай”) мовы менавіта як “мовы”, а не “гаворкі” (“наречия”), што напэўна разыходзілася з афіцыйным меркаваннем акадэмічнай навукі. У сукупнасці са звесткамі аб колькасці носьбітаў беларускай мовы яе статус набываў новую значнасць для ўладных структур Расійскай імперыі. Нават у аддаленых ад Паўночна-Заходняга края губернях носьбіты беларускай мовы складалі заўважную колькасць. Так, нарыклад, у Ніжагародскай губерні яны сярод носьбітаў славянскіх моваў саступалі па колькасці велікарусам, зусім нязначна саступалі па колькасці носьбітам польскай мовы, але значна пераважалі “маларускую” моўную супольнасць і іншыя славянамоўныя супольнасці губерні. Варта адзначыць, што сярод тых жыхароў Ніжагародскай губерні, што пазначылі сваёй роднай мовай беларускую, была і незначная меншасць каталіцкага веравызнання [8, с. 66, 71]. Дадзеныя па губернях Паўночна-Заходняга края таксама паказывалі заўважную долю (каля 30 % па Гродзенскай губерні, каля 14 % па Віленскай губерні, каля 9 % па Мінскай губерні, каля 5% па Віцебскай губерні, каля 2 % па Магілёўскай губерні), каталіцкага насельніцтва, якія вызначылі сваёй роднай мовай беларускую, а не польскую [9, с. 102, 107; 10, с. 56, 61; 11, с. 80, 85; 12, с. 76, 81; 13, с. 96, 101]. На пачатку ХХ ст. гэтыя звесткі ўжо ўвайшлі ў сферу ўвагі мясцовай губернскай адміністрацыі і перад усім – Віленскага генерал-губернатара П. Д. Святаполка-Мірскага. Генерал-губернатар прафінансаваў палявыя даследаванні Я. Ф. Карскага і, мінаючы цэнзурныя перашкоды выданню сабранага матэрыяла, даў асабісты дазвол на друк у 1903 г. першага тома серыі “Беларусы”, дадаткам да якога сталася “Этнаграфічная карта беларускага племені”. П. Д. Святаполк-Мірскі, разглядаючы беларускае насельніцтва як рэсурс у змаганні з “пальшчызнай”, звяртаў увагу Мікалая II на магчымасць выкарыстання беларускага фактара для замацавання расійскага панавання у краі:

“...у асяроддзі каталіцкіх беларусаў ужо пачынае праяўляцца плынь на карысць адасаблення ад палякаў, плынь, якая відавочна патрабуе падтрымкі з боку ураду” [14, арк. 30].

На пачатку ХХ ст. моўны крытэрыў вызначэння нацыянальнай прыналежнасці беларускага насельніцтва як “рускага” ужо разглядаўся мясцовай адміністрацыяй як факт, які магчыма было супрацьпаставіць прэтэнзіям польскай грамады края. Мінскі губернатар П. Г. Курлаў адзначаў: “у сваіх распараджэннях урад зыходзіў неправільнага стаўлення, што ўсе асобы рымска-каталіцкага веравызнання – палякі, тады як сярод католікаў была маса беларусаў, якія не мелі нічога агульнага з палякамі і нават варожых ім” [15, с. 66]. На пачатку 1914 г. мінскі губернатар А.Ф. Гірс у пададзеным у Савет міністраў мемарыяле пісаў: “беларускі народ рымска-каталіцкай веры – галіна чыста расійскага паходжання. Апрача рэлігіі, гэтыя людзі нічым не адрозніваюцца ад праваслаўных беларусаў...”, што, адпаведна, адкрывала магчымасці іх выкарыстання ва ўрадавых мэтах барацьбы з “пальшчызнай” [16, с. 7].

Такім чынам, магчыма адзначыць, што пошукі і ваганні вакол разумення нацыянальнай прыналежнасці беларусаў, якія на працягу 60-х гадоў ХІХ – пачатку ХХ ст. адбываліся ў рэчышчы дзяржаўнай палітыкі ў Паўночна-Заходнім крае, прадэманстравалі ўнутраную няўпэўненасць, супярэчлівасць, а магчыма і няздольнасць расійскай ўлады да рэалістычнага ўспрымання беларускага насельніцтва.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Тютчев, Ф. И. Его светлости князю А. А. Суворову / Ф. И. Тютчев // Стихотворения: Москва: Эксмо; 2012. – 606 с.
2. Муравьёв, М. Н. Всеподданейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем / М. Н. Муравьев // Русская старина : ежемесячное историческое издание. – Тип. Т-ва “Общественная польза”. – 1902. – № 6. – С.487–510.
3. Эркерт, Р. Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России : (с атласом) / [соч.] Полк. Р. Ф. Эркерта. – Санкт-Петербург : Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1864. – 72 с.
4. Риттих, А. Ф. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям: составлен при Министерстве внутренних дел в Канцелярии заведывающего устройством православных церквей в западных губерниях / А. Ф. Риттих. – Санкт-Петербург : Типогр. В. Веллингга, 1864. – 9 л.

5. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. – Москва : Наука, 2005. – 383 с.

6. Ганчар, А. И. Обращение римско-католического населения Беларуси в православие (60-е гг. XIX в.) / А. И. Ганчар / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.ggau.by//handle/123456789/2338>. – Дата доступа: 10.10.2023.

7. Бутковский, Я. Н. Из моих воспоминаний / Я. Н. Бутковский // Исторический вестник : историко-литературный журнал. – Т. 14, ноябрь. – 1883. – С. 325–366.

8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: XXV : Нижегородская губерния. – Тетрадь 2. – 1904. – 227 с.

9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: XI : Гродненская губерния. – 1904. – 319 с.

10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: IV : Виленская губерния. – Тетрадь 3. – 1904. – 179 с.

11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел : XXII : Минская губерния. – 1904. – 243 с.

12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: V : Витебская губерния. – Тетрадь 3. – 1903. – 283 с.

13. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: XXIII : Могилевская губерния. – 1903. – 276 с.

14. Отчет виленского генерал-губернатора П. Д. Святополка-Мирского от 20 мая 1904 года // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. Оп. 194. Д. 136.

15. Курлов, П. Г. Гибель Императорской России / П. Г. Курлов. – Москва : Современник, 1992. – 255 с.

16. Докладная записка “О мерах, могущих укрепить национальное самосознание белоруссов и противодействовать их полонизации” минского губернатора Гирса // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 60. Воп. 3. Спр. 114.

Н. С. Моторова

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XX в. в структуре социальной политике Российской империи социальное страхование стало одним из ключевых элементов государственной социальной политики. Его основная задача заключалась в материальном обеспечении наемных рабочих в случае утраты трудоспособности.

В белорусских губерниях, как в целом в Российской империи, становление системы социального страхования выразилось в законодательном закреплении прав рабочих на получение компенсационных выплат в случае получения травм или смерти на производстве. Соответствующие правила были утверждены в 1903 г., а их действие распространялось на предприятия фабрично-заводской, горно-заводской и горной промышленности. Их владельцы обязаны были возместить расходы на лечение и погребение рабочих, пострадавших от несчастных случаев на производстве. Они также должны были выплачивать пенсии и пособия пострадавшим или членам их семей. Если владельцы предприятий застраховали своих рабочих, то соответствующие выплаты ложились на страховые общества. Максимальный размер пособия мог составлять до половины заработка пострадавшего рабочего. Оно назначалось с момента несчастного случая и выплачивалось до восстановления трудоспособности либо признания ее полной утраты. Максимальный размер пенсии мог составлять до двух третей заработка рабочего. Она назначалась при полной утрате трудоспособности. В случае смерти пострадавшего рабочего пенсию могли получать члены его семьи, но в сокращенном размере [5, с. 595, 600–601, 606].

Размеры компенсационных выплат были значительно меньше размеров заработков пострадавших рабочих. По данным за 1908 г. фабричные инспекции белорусских губерний заключили соглашения по 138 несчастным случаям, произошедшим на производстве, с назначением пенсий. Ее средний размер составил чуть более 32 руб. В то же время среднегодовой заработок пострадавших рабочих превышал

232 руб. [подсчитано по: 9, с. 94, 98–101]. В 1913 г. были заключены соглашения по 221 случаю. На их основании было назначено 27 пенсий, средний размер которых составил 83 руб., и 199 единовременных пособий (в среднем по 250 руб.) [подсчитано по: 10, с. 262–267]. Данные выплаты не могли полностью компенсировать пострадавшим рабочим и их семьям утраченный заработок. Однако их введение в 1903 г. положило начало развитию социального страхования.

Под влиянием революционных событий 1905 г. и роста рабочего движения в правительстве Российской империи активизировались работы по подготовке собственно страхового законодательства. Сначала они были сосредоточены в Комиссии по рабочему вопросу, которую возглавлял министр финансов В. Н. Коковцов. Она подготовила общую программу преобразований, в соответствии с которой планировалось возложить на предпринимателей расходы по страхованию рабочих от несчастных случаев, создать больничные кассы за счет взносов работников и владельцев предприятий. В 1906–1907 гг. работы над страховым законодательством продолжились в Особом совещании при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра Д. А. Filosofova. В 1908 г. подготовленные проекты поступили на окончательное согласование в Межведомственное совещание под председательством товарища министра М. А. Остроградского [1, с. 88–90]. 25 июня 1908 г. законопроекты, посвященных страхованию рабочих, были внесены в парламент. После длительного обсуждения они были окончательно одобрены III Государственной думой в июне 1912 г. (с учетом изменений и дополнений, внесенных Государственным советом). 23 июня 1912 г. последовало их утверждение императором Николаем II [3, с. 157, 163–164].

Действие Положения о страховании рабочих распространялось на фабрично-заводские, горные, горнозаводские, железнодорожные, судоходные и трамвайные предприятия, где было занято не менее 20 работников и использовались паровые котлы или машины. В случае их отсутствия – на производстве должно быть занято не менее 30 человек. Владельцы предприятий обязаны были застраховать за свой счет всех рабочих и служащих в страховых обществах. Последние должны были выплачивать пособия и пенсии лицам, пострадавшим на производстве, либо их семьям [6, с. 871–873]. Соответственно, действие Положения не распространялось на рабочих казенных предприятий и железных дорог, строительной, сельскохозяйственной, лесозаготовительной отраслей, а также занятых надомным или временным трудом [2, с. 417].

На предприятиях, где было введено обязательное страхование, создавались больничные кассы. Они должны были выплачивать пособия

рабочим в случае болезни или травмы на производстве, родов и смерти, а также могли открывать собственные медицинские учреждения (амбулатории, лечебницы и пр.). Участие в больничных кассах было обязательным для всех работников с момента найма. Их фонды формировались за счет членских взносов (1–2 % от суммы заработка, максимум – 3 %) и взноса со стороны владельца предприятия. Он составлял две трети от общей суммы взносов, установленных для рабочих. В распоряжение больничных касс могли поступать собственные доходы, пожертвования, штрафы, пени [6, с. 857–860, 862–863].

Введение страхового законодательства сопровождалось созданием административных институтов, которые должны были контролировать его реализацию и деятельность больничных касс. В структуре Министерства торговли и промышленности был учрежден Совет по делам страхования рабочих, который возглавлял министр, а на уровне губерний – присутствия по делам страхования рабочих под председательством губернаторов [6, с. 847, 851].

На основании Положения об обеспечении рабочих на случай болезни был подготовлен проект нормального устава больничной кассы. 13 декабря 1912 г. он был одобрен Советом по делам страхования рабочих, а 6 марта 1913 г. – утвержден министром торговли и промышленности С. И. Тимашевым [11, с. 20]. В соответствии с ним в белорусских губерниях в 1913 г. были разработаны и утверждены уставы больничных касс при Борисовской спичечной фабрике «Виктория» и фанерном заводе Б. И. Соломонова, суконной фабрике Р. А. Скирмунта в имении Поречье, Оршанском проволочно-гвоздильном заводе, льнопрядильной фабрике «Двина» в Витебске, стеклянном заводе «Новка»; в 1914 г. – при Мозырской фанерной фабрике и лесопильном заводе В. М. Аврамова в имении Великий Бор Речицкого уезда. Также создавались и общие больничные кассы, то есть предназначенные для обслуживания рабочих группы промышленных предприятий, расположенных в одном городе. В 1913 г. были утверждены уставы таких касс для рабочих Минска, Слонима, Вильны, а в первой половине 1914 г. – Лиды, Пинска, Речицы [4, с. 293–294].

Введение обязательного страхования рабочих было значительным шагом вперед, однако за полтора года, которые разделили утверждение соответствующих законов и начало Первой мировой войны, невозможно было развить это направление деятельности в полном объеме. Процесс создания больничных касс разворачивался очень медленно, несмотря на то, что в законе от 23 июня 1912 г. указыва-

лось, что их учреждение являлось обязательным для владельцев промышленных предприятий. Это было связано с тем, что в Отделе промышленности Министерства торговли и промышленности было принято решение не оказывать никакого давления на предпринимателей. Первые больничные кассы должны были создаваться добровольно, без давления со стороны правительства. По этой причине даже в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии процесс их учреждение происходило постепенно [7, л. 1, 2].

В белорусских губерниях к 1 января 1914 г. были утверждены уставы 100 больничных касс. Их действие охватило более 39 тыс. рабочих, то есть примерно две трети от их общего числа. При этом полноценную деятельность развернули только 39 касс, обеспечивавших около 16 тыс. человек [подсчитано по: 10, Таблицы, с. 82–85, 314–315]. Планировалось, что в 1914 г. количество больничных касс в белорусских губерниях достигнет 139 и охватит более 49 тыс. человек. По данным на 1 июня 1914 г. сбор взносов и выплату пособий осуществляли 98 касс, обеспечивавших примерно 39 тыс. рабочих [подсчитано по: 8, л. 58–58 об.]. Соответственно, менее чем за полгода количество больничных касс увеличилось в 2,5 раза, а число участников – в 2,4. Это свидетельствовало об интенсификации процесса их создания в белорусских губерниях.

Таким образом, в начале XX в. в социальной политике Российской империи получило развитие новое направление – социальное страхование, что было закреплено законами 1903 и 1912 гг. При этом государство полностью дистанцировалось от его финансового обеспечения, возложив эту обязанность на владельцев предприятий и самих рабочих. Действие законов о социальном страховании в полной мере распространялось на белорусские губернии. В соответствии с ними рабочие получали пенсии и пособия в случае временной или полной утраты трудоспособности. Они не компенсировали полностью утраченные заработки, однако позволяли хотя бы минимально обеспечить рабочих и их семьи. Кроме того, с 1913 г. начали создаваться больничные кассы. К середине 1914 г. в белорусских губерниях были утверждены уставы 139 касс, однако полноценную деятельность развернули только 98 из них. Судить о степени эффективности политики в сфере социального страхования сложно, так как деятельность в этом направлении только начинала развиваться, ее нормальное течение было прервано Первой мировой войной. Однако страховое законодательство имело единообразный характер и соответствовало разворачивавшимся модернизационным процессам в социальной и экономической сферах.

Список использованных источников и литературы

1. Ершова, О. И. Процесс формирования социального страхования в Российской империи в условиях революции 1905–1907 гг. / О. И. Ершова // Первая российская революция 1905–1907 гг. : к 110-летию начала революционных событий : сб. ст. Междунар. науч. круглого стола, Минск, 25 нояб. 2015 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. А. Яновский, В. В. Сергеевкова. – Минск, 2015. – С. 81–92.
2. История предпринимательства в России : [в 2 кн.]. – М. : РОССПЭН, 1999–2000. – Кн. 2 : Вторая половина XIX – начало XX века / В. И. Бовыкин [и др.]. – 1999. – 575 с.
3. Моторова, Н. С. Обсуждение законопроектов о страховании рабочих в III Государственной думе / Н. С. Моторова // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма : история и современность : сб. науч. ст. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 5–6 дек. 2019 г. : в 2 ч. / Межпарламент. ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств, Центр истории парламентаризма ; под ред. А. Б. Николаева. – СПб., 2020. – Ч. 1. – С. 157–165.
4. Моторова, Н. С. Социальная политика Российской империи на территории Беларуси (1861–1914) / Н. С. Моторова. – Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2019. – 351 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3 : [в 34 т.]. – СПб. : Гос. тип., 1885–1917. – Т. 23, отд-ние 1 : 1903. – 1905. – 1167, 136 с.
6. ПСЗ РИ. Собрание 3 : [в 34 т.]. – Петроград : Гос. тип., 1885–1917. – Т. 32, отд-ние 1 : 1912. – 1915. – 1790, [53] с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 16. Д. 415. Уставы и отчеты больничных касс. Л. 1, 2.
8. РГИА. – Ф. 1278 (Государственная дума I, II, III и IV созывов). Оп. 5. Д. 481. Переписка председателя Комиссии [по рабочему вопросу] с председателем Государственной думы, главноуправляющими и министрами по поводу законопроектов, рассматриваемых Гос[ударственной] думой. Ведомости об открытии больничных касс за октябрь 1913 г. – июнь 1914 г. Л. 58–58 об.
9. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год / М-во торговли и пром-сти, Отд. пром-сти. – СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. – [2], 50, 159 с.
10. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год / М-во торговли и пром-сти, Отд. пром-сти. – Петроград : Тип. В. Ф. Киршбаума (отд-ние), 1914. – [2], ХСII, 319 с.

11. Страхование рабочих в России и на Западе / под ред. Б. Г. Данского. – СПб. : Прибой, 1913–1914. – Т. I, вып. III : Организация больничной кассы. – 1914. – [2], 206, [2].

Т. А. Навагродскі, І. Г. Бачыла

УКЛАД ГАННЫ МІКАЛАЕЎНЫ КУРЫЛОВІЧ У ЭТНАГРАФІЧНАЕ ВЫВУЧЭННЕ БЕЛАРУСІ

23 верасня 2023 г. споўнілася 85 год вядомаму беларускаму этнолагу, кандыдату гістарычных навук Ганне Мікалаеўне Курыловіч, якая больш за сорок гадоў аддана працавала на ніве айчыннай этналогіі. Цікавай і незвычайнай была яе дарога ў навуку. Маючы цудоўныя прыродныя галасавыя дадзеныя і востры слых, яна з дзяцінства захаплялася народнымі песнямі, якія выконвалі яе аднавяскоўцы ў час каляндарных і сямейных абрадаў, працы і адпачынку, з рознай прычыны і проста “для душы” [6, с. 3]. Песні роднай вёскі Загор’е, што месціцца на Светлагоршчыне, былі надзвычай маляўнічымі, мелі тэмбральную насычанасць і дыялектную своеасаблівасць. Іх сюжэты адкрывалі дзівосны свет і багацце народнай спадчыны беларусаў, што пазней вызначыла жыццёвы і прафесійны шлях Ганны Мікалаеўны [2, с. 43].

Г. М. Курыловіч нарадзілася напрыканцы 1930-х гг. у сям’і калгасніка. Некаторы час пасля заканчэння школы ў 1956 г. яна працавала загадчыцай бібліятэкі. Ужо літаральна праз год змагла здзейсніць сваю мару – паступіла ў Дзяржаўны народны хор БССР пад кіраўніцтвам славутага музыказнаўцы-фалькларыста, этнографа і харавога дырыжора Г. І. Цітовіча. Праца ў вядомым калектыве не толькі пашырыла веды Ганны Мікалаеўны ў галіне беларускай народнай песні, але і дазволіла ёй прайсці каштоўную для прафесійнай спявачкі падрыхтоўку. Адначасова з тым у 1961 г. Г. М. Курыловіч паступіла ў БДУ, дзе навучалася на завочным аддзяленні філалагічнага факультэта. Сваю дыпломную работу “А. Русак і сучасная беларуская песня” Ганна Мікалаеўна падрыхтавала пад навуковым кіраўніцтвам Г. І. Цітовіча. У характарыстыцы за подпісам Генадзя Іванавіча адзначалася: “За время нахождения в государственном народном хоре БССР А. Курилович была дисциплинированной, трудолюбивой, скромной в быту артисткой. Думается, что и на научной работе А. Курилович проявит себя самым лучшим образом, залогом чему является ее общее развитие и любовь к белорусской народной культуре” [7].

У 1967 г. Ганна Мікалаеўна пачала сваю працу ў Інстытуце мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук БССР у якасці малодшага навуковага супрацоўніка сектара этнаграфіі. Калі на пачатку навукова-даследчыцкай дзейнасці Г. М. Курыловіч меўся толькі адзін спецыяльны артыкул “Гэта песня наша”, размешчаны ў часопісе “Малодосць” [5], то ўжо праз дваццаць гадоў колькасць яе публікацый складала не адзін дзясятка: аўтарская манаграфія, раздзелы ў калектыўных работах, артыкулы ў навуковых зборніках, энцыклапедыях, часопісах, газетах. У кола навуковых інтарэсаў даследчыцы ўваходзілі самыя розныя бакі беларускай традыцыйнай культуры. Адзначым, што на момант уладкавання Г. М. Курыловіч на працу ў Акадэмію навук адным з прыярытэтных накірункаў этналагічных даследаванняў была менавіта матэрыяльная культура. Разам з калегамі Ганна Мікалаеўна збірала матэрыялы аб разнастайных аспектах гэтай часткі культуры. У ходзе экспедыцыйных даследаванняў імі былі зафіксаваны і перададзены ў музеі Беларусі шматлікія ўзоры традыцыйнай матэрыяльнай культуры, аформлены новыя падыходы да вывучэння яе складаючых частак.

Эфектыўнай і надзвычай выніковай была даследчыцкая дзейнасць Ганны Мікалаеўны, а кола інтарэсаў сапраўды шырокім: акрамя матэрыяльнай культуры, яна цікавілася разнастайнымі пытаннямі духоўнай культуры, сям’ёй і сямейнымі традыцыямі. Шматлікія артыкулы, прысвечаныя пытанням ткацтва, сям’і і яе матэрыяльнага забеспячэння, падрыхтаваны даследчыцай для фундаментальнай працы “Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя” (1989).

Свой істотны ўклад Г.М. Курыловіч унесла ў распрацоўку тэмы “Рэгіянальны гістарычна-этнаграфічны атлас Украіны, Беларусі, Малдовы”, якая з’яўлялася часткай праекту па падрыхтоўцы навуковых работ, якія б ахоплівалі розныя бакі традыцыйнай культуры народаў СССР. Атласы павінны былі падсумоўваць дасягненні этнаграфічных даследаванняў і ўводзіць іх у навуковы зварот. У межах гэтай працы Ганне Мікалаеўне разам з калегамі (Л. А. Малчанавай, В. М. Бялявінай і інш.) давялося працаваць над раздзелам “Адзенне”. Для гэтага былі сабраны багатыя палявыя матэрыялы, апрацаваны шматлікія музейныя і архіўныя крыніцы, закартаграфаваны і ахарактарызаваны касцюмныя комплексы, іх часткі, спецыфіка нашэння і дэкору. На жаль, атлас па шэрагу прычын не быў надрукаваны, але сабраныя для яго матэрыялы былі пакладзены ў аснову спецыяльнай манаграфіі – “Беларускае народнае адзенне” (1975) [3]. Гэтая праца ў пэўнай ступені вызначыла напрамак далейшых навуковых даследаванняў Г. М. Курыловіч: яна вырашыла паступіць ў завочную аспірантуру па спецыяльнасці “этнаграфія”. Тэмай свайго дысертацыйнага даследавання Ганна Мікала-

еўна абрала беларускае ткацтва. У адпаведнасці са спецыяльна распрацаваным апытальнікам яна збірала палявыя матэрыялы, звяртаючы асобную ўвагу на апрацоўку сыравіны, прадзенне, ткацкія прылады, тэхніку вытворчасці тканін, іх арнаментאцыю і г. д. Да таго ж у экспедыцыях быў сабраны разнастайны ілюстратыўны матэрыял. У 1979 г. Г. М. Курыловіч паспяхова абараніла кандыдацкую дысертацыю, а ў 1981 г. выйшла ў свет першая ў айчыннай этналагічнай навуцы праца, прысвечаная ткацтву [4]. У манаграфіі Г. М. Курыловіч паказала развіццё беларускага ткацтва з сярэдзіны XIX ст. да 1980-х гг., выявіла агульныя рысы ў ткацтве беларусаў і іншых славянскіх этнасаў, асобна былі разгледжаны сыравіна і спосабы яе апрацоўкі, тэхнікі вырабу тканін, іх арнаментальныя і колеравыя рысы, выкарыстанне і арэалы распаўсюджвання ткацкіх прылад працы. Частка сабраных Г. М. Курыловіч матэрыялаў пазней была таксама выкарыстана для падрыхтоўкі спецыяльных раздзелаў аб ткацтве ў шэрагу калектыўных выданняў – “Помнікі этнаграфіі” (1981), “Рамёствы і промыслы Беларусі” (1984), “Полесье. Матэрыяльная культура” (1988, разам з А. Т. Несцер).

Г. М. Курыловіч, працуючы ў ІМЭФ, прымала непасрэдны ўдзел у вывучэнні шматлікіх навуковых тэм, што, бясспрэчна, патрабавала адпаведнай кваліфікацыі, бо многія з іх не былі непасрэдна звязаны з ткацтвам ці з іншымі асобнымі аспектамі традыцыйнай культуры. Сярод іх варта адзначыць “Новыя явленія в быту и культуре сельского населения Беларуси”, “Новыя явленія в быту и культуре трудящихся БССР”, “Новыя празднікі и обряды в семейной и общественной жизни населения БССР”, “Очерки духовной и материальной культуры белорусов”, “Методологические и научно-методические основы Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта”, “Состояние и пути совершенствования советской обрядности в БССР”, “Духовная культура: семейный и общественный быт, обычаи и обряды”, “Белорусы” і др. Г. М. Курыловіч сярод іншых пытанняў паспяхова даследавала традыцыйныя промыслы і рамёствы беларусаў, народную архітэктур, некаторыя складаючыя традыцый харчавання, развіццё садоўніцтва, сям’ю, этнічныя групы на Беларусі і г.д. Гэта знайшло адлюстраванне ў аўтарскіх публікацыях Ганны Мікалаеўны і некаторых калектыўных выданнях: “Памятники народной архитектуры” (1979), “Общественный и семейный быт населения Полесья” (1987), “Праздники и обряды в Белорусской ССР” (1988), “Белорусы” (1998), “Белорусы. Сям’я” (Т. 5, 2001), “Народная культура Беларусі: энцыклапедычны даведнік” (2002) і інш.

Значны ўклад унесла Г. М. Курыловіч у вывучэнне традыцыйнай сялянскай сям’і. Яе раздзел “Сялянская сям’я” у калектыўнай манаграфіі “Сям’я і сямейны быт беларусаў” напісаны цікава, з добрым ве-

даннем аб'екта даследавання. Упершыню паказана структура сям'і беларусаў, яе формы, тыпы, вывучаны ўнутрысямейныя адносіны, матэрыяльнае забеспячэнне сям'і, паўсядзённае жыццё дзяцей у сям'і.

Амаль усе навуковыя працы даследчыцы напісаны на багатым фактычным матэрыяле, які быў сабраны ёю ў этнаграфічных экспедыцыях ва ўсіх гісторыка-этнаграфічных рэгіёнах Беларусі: "...мы па-добраму зайздросцілі Ганне Мікалаеўне, калі выязджалі разам з ёй у этнаграфічную экспедыцыю. Колькі ў даследчыцы творчага імпульсу, маладога задору, творчай бадзёрасці і няўрымслівасці, пытлівасці і цікавасці" [1].

Для маладых навукоўцаў Ганна Мікалаеўна была заўжды сапраўдным сябрам – параіць, падкажа, тонка і тактоўна навадзе на думку. У той жа час адчуваеш пэўнае творчае хваляванне, калі аддаеш на рэцэнзію ей сваю працу, бо ведаеш, што трапіла яна ў рукі прынцыповаму, патрабавальнаму, уважліваму, добразычліваму крытыку, які дбае аб чысціні этнаграфічнай навукі.

Напрыканцы 2010 г. Г. М. Курыловіч завяршыла працу ў Нацыянальнай акадэміі навук і сышла на заслужаны адпачынак. За час, праведзены ў Інстытуце, даследчыца займала розныя пасады: малодшы навуковы супрацоўнік аддзела этнаграфіі, намеснік загадчыка названага аддзела, яго загадчыца (2004–2006), некалькі гадоў з'яўлялася супрацоўнікам аддзела архітэктуры, членам Вучонага савета па абароне дысертацый Д 01.42.01. Шматгадовая праца Г. М. Курыловіч на ніве айчыннай этналогіі прадэманстравала яе павагу да навукі, шчырую самаадданасць ў даследаванні праблем традыцыйнай культуры. Асоба Ганны Мікалаеўны Курыловіч справядліва займае пачэснае месца ў гісторыі беларускай этналагічнай навукі.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Асабісты архіў Бачыла І. Г.: інтэрв'ю з доктарам гістарычных навук, прафесарам Наваградскім Т. А. 04.05.2023.

2. Бачыла, І. Г. Біяграфія айчыннай этналогіі ў асобах: Ганна Мікалаеўна Курыловіч / І. Г. Бачыла // Женщины-ученые Беларуси и Польши : материалы международной научно-практической конференции, Минск, 26 марта 2020 г. / БГУ ; [редкол.: И. В. Казакова, И. В. Олюнина (отв. ред.)]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 43–46.

3. Беларускае народнае адзенне / Акадэмія навук БССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. В. К. Бандарчык. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 94 с.

4. Курилович, А. Н. Белорусское народное ткачество / А. Н. Курилович. – Минск : Наука и техника, 1981. – 119 с.

5. Курыловіч, Г. М. Гэта песня наша / Г. М. Курыловіч // Маладосць. – 1967. – №1. – С. 143–146.

6. Песні беларускага народа : метадычны зборнік / уклад. і ўступ. арт. І. В. Казакавай. – Мінск: Паркус плюс, 2007 – 68 с.

7. Характеристика на бывшую артистку Государственного народного хора БССР А. Н. Курилович (1967 г.) // Личное дело № 25. Курилович Анна Николаевна. – Национальная академия наук. ГНУ «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы». – Лист 6.

А. В. Петухов

УЧАСТИЕ МИНИСТЕРСТВА ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ СССР В РЕШЕНИИ КАДРОВЫХ ПРОБЛЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БССР В 1944–1950 ГОДЫ²

За период оккупации территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны было разграблено свыше 10 тысяч промышленных предприятий, большинство станочного оборудования было уничтожено либо вывезено в немецкий тыл, часть территорий заводов и фабрик были использованы захватчиками для размещения лагерей военнопленных.

Не менее значительный урон был нанесен кадровому потенциалу БССР. Так, в г. Минске летом 1944 года трудилось лишь 4 % довоенной численности рабочих [1, с. 60]. Значительно пострадали крупные промышленные центры Витебск, Гомель, Могилев и Орша.

Наиболее пострадали в кадровом отношении предприятия бумажной, спичечной и текстильной промышленности. Так, в по данным статистики за 1945 год, численность рабочих в указанных отраслях промышленности составила всего 6,4 %, 7,8 % и 8,1 % к аналогичным данным за 1940 год [2, с. 32–33]. Лишь металлообрабатывающие предприятия оперативно восстановили до половины численности рабочих: 24 875 человек в 1945 г. к 47 968 в 1940 г. При этом металлообработка и лесная промышленность даже увеличили удельный вес в структуре рабочего класса, с 14,6 % до 19, 2% и с 17,7 % до 26,3 % соответственно. Всего на промышленных предприятиях БССР в 1945 году трудилось 124,8 тысяч человек, или 37,9 % от до военной численности трудящихся [2, с. 32].

² Статья написана в рамках НИР «Кадры промышленности Беларуси как фактор трансформации политической системы и экономических моделей (1945–2019)», включенной в задание ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (№ ГР20212419)

Восстановление работы промышленных предприятий, и создание новых производств, которые были намечены руководством партии и правительством в 1943–1946 гг. принуждали искать пути решения кадровой проблемы, в том числе в отношении рабочих массовых профессий. Так, например, в автоприцепном цехе Минского автозавода в 1946 году ввиду недостатка рабочей силы бездействовало 50 % оборудования, а инструментальному цеху дополнительно требовалось 195 человек [2, с. 108].

Согласно «Закону о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», который был принят Верховным Советом СССР 18 марта 1946 года в БССР планировалось восстановить и построить 17 мясокомбинатов, 10 птицекомбинатов, 11 городских молочных заводов, 2 молочно-консервных завода, 150 масло-сырзаводов, 4 станкостроительных завода, радиозавод, инструментальный завод, завод гидротурбин, 2 завода по производству торфяного оборудования, завод электромоторов, 4 обувных завода, тракторный завод, велозавод, завершить строительство автомобильного завода, 4 домостроительных комбинатов и другие [3, с. 246, 297–298].

Для утоления кадрового голода отдельных отраслей и предприятий была принята на вооружение апробированная до войны практика оргнаборов, и призыва молодежи на учебу в железнодорожные и ремесленные училища, а также в школы ФЗО, с последующим централизованным распределением кадров. Выпускники данных учебных заведений направлялись на работу на важнейшие, с точки зрения властей СССР, заводы, фабрики и стройки.

При этом все резервы рабочей силы, учет, их распределение и перераспределение находились в непосредственном распоряжении СНК СССР, и не могли быть использованы ведомствами, местными властями и отдельными предприятиями по своему усмотрению без согласования с СНК СССР [1, с. 29].

К системе трудовых резервов в конце 1940 года на территории БССР принадлежало 40 школ фабрично-заводского обучения, 15 ремесленных и 6 железнодорожных училищ [4, с. 76]. Все они с сентября 1940 года находились в подчинении Главного управления трудовых резервов при СНК СССР, а при СНК БССР существовало республиканское управление, а при областных исполнительных комитетах – областные управления трудовых резервов [1, с. 33].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года «О государственных трудовых резервах СССР» прием на обучение проходил в форме призыва на обучение, учащиеся

находились на иждивении государства, по окончании обязаны были отработать 4 года по распределению при этом пользовались отсрочкой от призыва в РККА (позднее – СА) и ВМФ. Срок обучения в ремесленных и железнодорожных училищах составлял 2 года, в школах ФЗО – 6 месяцев [5].

Восстановление деятельности учебных заведений системы Главного управления трудовых резервов при СНК СССР на территории Беларуси началось уже в 1943–1945 годы в условиях, ещё продолжающейся, войны с Германией.

В соответствии с постановлением СНК БССР от 10 января 1944 года «О восстановлении и организации школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ в освобожденных городах и районах Белорусской ССР» были определены заводы, фабрики, строительные тресты, на базе которых необходимо было создавать школы ФЗО и училища [1, с. 63].

К началу 1945 года в БССР работало уже 36 школ ФЗО, 6 железнодорожных и 13 ремесленных училищ, а к концу 1945 года действовало 72 учебных заведения системы трудовых резервов. Контингент учащихся в 1941 году составлял 16150 человек, в ноябре 1944 года – 10477 человек, в конце 1945 года – 14350 человек [6, с. 30–33].

Только за 1944–1945 гг. для предприятий и строек народного хозяйства было подготовлено 8644 рабочих. Среди самых популярных профессий были слесари, плотники и столяры, более половины выпускников получили именно эти профессии [1, с. 69; 5, с. 33]. Освоение более сложных профессий проходило менее успешно. За указанный период кузнецов, токарей, швейников и формовщиков было подготовлено менее сотни человек за каждый год.

Несмотря на то, что постановлением СНК БССР от 10 мая 1945 года № 616 «О первоочередных мероприятиях по восстановлению предприятий легкой промышленности Белорусской ССР» было предусмотрено создание в во втором квартале 1945 года 1 ремесленного училища в г. Минске при обувной фабрике им. Кагановича на 150 учащихся и 4 школ ФЗО (2 в г. Минске при обувной фабрике им. Тельмана и швейной фабрике имени Крупской по 150 учащихся, в г. Витебске при швейной фабрике «Знамя индустриализации» на 150 учащихся и в г. Могилеве при швейной фабрике им. Володарского на 100 человек), швейников к концу 1945 года было подготовлено 169 человек [7, л. 232–233 об.; 1, с. 69; 6, с. 33].

В архивных фондах отдельных школ ФЗО, а также и Могилевского областного управления трудовых резервов сохранилось значительное

число нормативно-правовой документации вышестоящих органов, которые регламентировали быт, учебную и производственную деятельность.

Так, например, приказом начальника Главного управления трудовых резервов при СНК СССР от 2 июля 1945 г. № 555 «Об условиях приема работников в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО и аппараты городских, областных, краевых и республиканских управлений трудовых резервов» были установлены следующие квалификационные требования работникам ремесленных, железнодорожных училищ, а также и школ ФЗО: директор – техническое образование не ниже среднего или опыт руководящей работы в области подготовки кадров не менее 8 лет, заведующий учебно-производственной частью – высшее техническое или высшее педагогическое образование и опыт учебно-производственной работы не менее 3 лет, заместитель директора по политической части – общее среднее образование и опыт руководящей партийной, профсоюзной, комсомольской или учебно-воспитательной работы не менее 3 лет, старшие мастера – образование не ниже среднего технического и опыт производственной работы по специальности или опыт работы мастером производственного обучения не менее 3 лет, коменданты училищ и школ ФЗО – образование не ниже 7 классов средней школы и опыт хозяйственной или воспитательной работы с молодежью [8, л. 3–3 об.].

Хотя основная тяжесть по обеспечению бытовых условий, снабжения и подбору кадров ложилась на плечи местных властей и руководство базовых предприятий, Главное управление трудовых резервов при СНК СССР не редко принимало решения, которые касались каждого училища и школы ФЗО. Например, улучшению физкультурной и спортивной работы, подготовки территорий и зданий к весенне-летнему периоду 1946 года, текущего ремонта зданий, распределения учащихся, проведении социалистического соревнования между училищами и др. вопросов [9, л. 1–12].

По итогам реорганизации наркоматов в министерства, и в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 15 мая 1946 года № 1040, на базе Главного управления трудовых резервов Совета Министров СССР было создано министерство трудовых ресурсов СССР, в структуре которого среди прочих имелись Главное управление ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО западных районов СССР, Главное управление призыва (мобилизации) молодежи в ремесленные, железнодорожные училища, школы ФЗО, Главное управление организованного набора рабочей силы, Главное управление учета и распределения рабочей силы и Государственная инспекция по контролю за использованием рабочей силы [9, л. 22].

Всего за годы четвертой пятилетки (1946-1950) учреждениями системы Министерства трудовых резервов СССР на территории Беларуси было подготовлено около 80 тысяч рабочих массовых профессий [6, л. 38].

Таким образом, Главное управление трудовых резервов при СНК (Совете Министров) СССР (позднее – Министерство трудовых резервов СССР) внесли значительный вклад в пополнение кадрами заводов и фабрик БССР в 1946–1950 гг.

Список использованных источников и литературы

1. Мазурова, Я. С. Государственные трудовые резервы Белоруссии в годы первой послевоенной пятилетки. / Я. С. Мазурова. – Минск : «Вышэйшая школа», 1976. – 205 с.

2. Марченко, И. Е. Рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945-1950). / И. Е. Марченко. – Минск : Из-во АН БССР, 1963. – 257 с.

3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. документов за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг./ сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. – М. : Политиздат, 1968 – 754 с.

4. Опиок Т. В. Рабочие предприятий г. Могилева: источники и пути пополнения (1944–1945 гг.) / Т. В. Опиок // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 1 (257). – С. 75 – 79.

5. Ведомости ВС СССР. – 1940. – № 37.

6. Мазурова, Я. С. Государственные трудовые резервы Белоруссии в годы четвертой пятилетки. / Я. С. Мазурова; под ред. Н. В. Каменской – М. : «Профтехиздат», 1962. – 102 с.

7. Учреждение «Государственный архив Могилевской области» (далее – ГАМОг) – Ф. 11. Оп. 3. Д. 1. 377 л.

8. ГАМОг. – Ф. 814. Оп. 1. Д.1. 19 л.

9. ГАМОг. – Ф. 814. Оп. 1. Д.4. 51 л.

В. А. Пілецкі

ПРА ГІСТАРЫЯГРАФІЮ ХІХ–ХХІ СТАГОДДЗЯЎ АБРАДУ “АБВЯШЧЭННЯ” У ГІСТОРЫІ ХРЫСЦІЯНСТВА

Праблемы гісторыі хрысціянства актуальныя для любой еўрапейскай краіны, у тым ліку і для Беларусі. Асабліва гэта бачна, на прыкладзе росту цікавасці грамадства да агульначалавечых хрысціянскіх

каштоўнасцей у выніку разбурэння атэістычнай парадыгмы ідэалогіі савецкай дзяржавы, пасля 90-х гадоў XX ст., які працягваецца і зараз.

Старажытны абрад “абвяшчэння” (інакш: “катэхізацыі”) існаваў пачынаючы з самых першых стагоддзяў распаўсюджвання хрысціянскай рэлігіі. І з’яўляўся асноўным спосабам папаўнення шэрагаў веруючых за кошт дарослага насельніцтва, прадстаўнікоў язычніцкага асяроддзя. Гэта быў працяглы перыяд, падчас якога хрысціянскія ідэалогі (“катэхізатары”) ператваралі звычайнага язычніка ў хрысціяніна.

Неафіт ведаў асновы веры (дагматычныя пастулаты сфармуляваныя ў “сімвале веры” [1]), а таксама дзесяць Біблейскіх заповедзяў. Ён павінен быў весці хрысціянскі вобраз жыцця (малітоўная дзейнасць, пост, страх Божы, пакорлівасць і пакаянне). Меў элементарныя веды аб сакраментнах. Спавядаў хрысціянскія маральныя каштоўнасці. Валодаў “вучэннем” пра грахоўнасць чалавека ў хрысціянстве. Знаў патрабаванні царквы пра сем “смертных грахоў”, ды іншыя вядомыя шэраговым хрысціяніну ўстаноўкі.

Важнейшымі крыніцамі для даследавання гісторыі абраду “абвяшчэння” з’яўляюцца найперш катэхізічныя тэксты, што існуюць з самых старажытных часоў узнікнення хрысціянства [2; 3; 4], складаліся ў перыяд сярэднявечча [5] і актуальныя ажно да нашых дзён [6]. Яны ўяўляюць цікавасць не толькі з крыніцазнаўчага, але і з гістарыяграфічнага пункту гледжання. Дэманструюць адрозненне зместу праграмы катэхізацыі, спецыфіку фармулёвак асобных палажэнняў, варыятыўнасць працягласці працэсу катэхізацыі, яго насычанасць патрабаваннямі і пералікам перадхрышчэнскіх выпрабаванняў для новаабвешчаных, ды інш.

У XIX–XXI стст., праблема гісторыі старажытнага абраду катэхізацыі ў хрысціянскай царкве прыцягнула ўвагу некалькіх вядомых даследчыкаў. Адной з першых была праца царкоўнага гісторыка XIX ст. А. І. Алмазава [7]. Яго кніга “Гісторыя чынапаследаванняў: хрышчэння і мірапамазання”, выдадзеная ў Казанскім універсітэце ў 1884 г. была першай буйной працай прысвечанай заяўленай праблеме. Яна ўяўляе сабой фундаментальнае выданне выкананае па ўсіх канонах навуковай літаратуры XIX ст. Яе аб’ём 782 старонкі на якіх размешчана 25 глаў тэксту, Уводзіны, Заключэнне і Дадаткі.

У тэксце працы падрабязна разгледжаны розныя аспекты старажытнага перыяду гісторыі абраду “абвяшчэння”, хрышчэння і мірапамазання, што відно ўжо ў змесце кнігі. Выдатная якасць даследавання, кароткі рэфератыўны пералік праблематыкі якая разгледжана ў асобных главах. Гэта значна аблягчае працу з тэкстам. Кніга карысная насычанасцю спасылак на крыніцы і літаратуру.

Сам абрад “абвяшчэння” разглядаецца аўтарам як “навучанне” (у *арыг.*: “наставление”) тых, хто рыхтуецца да хрышчэння. Ён не звяртае ўвагу на тое, што сярод значэнняў дзеяслова “катэхізаваць” (*грэч.*: “*κατηχῶ*”), у пачатковай яго форме, першымі ў сэнсавым радзе ўтрымліваюцца тэрміны “абвяшчаць”, “паведамляць навіны”, а толькі потым “настаўляць” (у сэнсе “навучаць” – В. П.) кагосці ў чымсці.

Ён тлумачыць тэрмін выключна, як: “оглашение=наставление в вере” і зусім не заўважае яго “грамадска-абвяшчальніцкі” характар. Пры якім хрысціянская царква найперш публічна (і як мага гучней) абвяшчала аб жаданні таго ці іншага язычніка прыняць хрышчэнне і адрачыся ад свайго ранейшага “паганага” жыцця. З мэтай звярнуць увагу мясцовай грамадскасці, каб вызваць цікавасць у астатніх прадстаўнікоў язычніцкай супольнасці перайсці пад абарону Хрыста Збавіцеля.

Праблеме абраду “абвяшчэння” (у тым ці іншым ракурсе) у кнізе прысвечаны першыя дзесяць глаў. Тут аўтар спыняецца на характарыстыцы “абвешчаных”, як на спецыяльнай катэгорыі тагачаснага насельніцтва, і падрабязна асвятляе іх лад жыцця ў адпаведнасці з патрабаваннямі якія сфармулявала для іх царква. Разглядаецца абрадавы бок абвяшчэння, з пункту гледжання гістарычнага агляду факта прыняцця ў шэрагі абвешчаных.

Паказаны асобныя этапы працэсу катэхізацыі і хрышчэння. Сярод іх: “адрачэнне ад Сатаны”; “прыняцце новага імені” пры ўступленні ў хрысціянскую супольнасць; “навучанне Сімвалу веры”, “абмыванне вадою” падчас хрышчэння, ды інш. Усе гэтыя формы хрышчэнскай практыкі аўтар разглядае вельмі падрабязна, у гістарычным кантэксце, зыходзячы з прынцыпу гістарызму і з апорай на вялікую колькасць крынічных і гістарыяграфічных матэрыялаў.

Самым значным сучасным (XXI ст.) выданнем манаграфічнага характару, адносна прадмета нашага даследавання, з’ўляецца кніга доктара філасофіі, прафесара багаслоўскай кафедры ўніверсітэта святога Фамы (штат Мінесота), амерыканскага праваслаўнага багаслова, ды гісторыка рэлігіі, уладжэнца г.Кіеў, выпускніка Маскоўскага фізіка-тэхнічнага інстытута Паўла Леанідавіча Гаўрылюка “Гісторыя катэхізацыі ў старажытнай царкве” [8].

Гэта глыбокае фундаментальнае даследаванне старажытнага перыяду катэхізацыі дзе падрабязна разгледжана абвяшчальніцкая практыка хрысціянскай царквы ў першыя стагоддзі яе існавання.

Кніга складаецца з сямі глаў, Уводзін, Заключэння, Спіса літаратуры, Дадаткаў, Прадметна-імяннага паказальніка, а таксама пэўнай колькасці ілюстрацый да тэкста (у тым ліку каляровых). Першая глава носіць у вядомай ступені ўступны характар. Тут прыводзіцца апісанне

найбольш важнай тэрміналогіі, якая адносіцца ў цэлым да прадмета даследавання (без указкі на тэрыторыю ці гістарычны перыяд).

Спецыфічнай рысай кнігі з’яўляецца тое, што асноўны змест глаў прывязаны да канкрэтных мясцовасцей (памесных цэркваў) ранняга перыяду хрысціянства. Падрабязна паказаны асаблівасці працэсу катэхізацыі ў цэрквах: Рымскай і Паўночна-афрыканскай II–III стст. (гл. 2); Александрыйскай (гл. 3); Іерусалімскай (гл. 4); Антыяхійскай (гл. 5); Міланскай і Паўночна-афрыканскай IV–V стст. (гл. 6). Апошняя, сёмая глава прысвечана “Закату” катэхізацыі ў перыяд Цёмных стагоддзяў.

У гісторыі кожнай з памесных цэркваў аўтар асабліва акцэнтуюе ўвагу на: этапы і структуры катэхізацыі; змесце катэхізісаў, той ці іншай тэрыторыі, ці гістарычнага перыяду (альбо на дайшоўшых да нашага часу катэхізічных тэкстах, якія яшчэ не называліся катэхізісамі ў поўным сэнсе); праблеме ўдзелу катэхуменаў у царкоўным жыцці; на спецыфіцы некаторых абрадаў звязаных з катэхізацыяй (выгнанне дэманаў, адрачэнне ад сатаны, хрышчэнне, ды інш.); на адносінах царквы і мясцовай палітычнай улады (у некаторых главах); аб стаўленні царквы да мясцовай масавай і інтэлектуальнай культуры.

Назву першай главы аўтар сфармуляваў у абстрактна-філасофскім (можа нават “публіцыстычным”) выглядзе: “*Врата новозаветной церкви*”. Маючы на ўвазе, відаць, што гэтыя працэсы і паняцці (ахарактарызаваныя ў главе) як бы ўяўляюць сабой: пачатак, уступную сферу, “вароты” якія павінны прывесці язычнікаў ў царкоўнае асяроддзе. І ў гэтым з аўтарам нельга не пагадзіцца.

Спачатку ён спыняецца на характарыстыцы паняцця “катэхізацыя” (назва параграфа: “*Катехизация как встреча с Иисусом*”). Ва ўступным слове да главы, а потым і ў першым параграфі, ён робіць важныя заўвагі пра тэрмін “катэхізацыя” і асабліва пра яго вытокі: “*Слово “катехизация” происходит от греческого глагола $\kappa \alpha \tau \eta \chi \acute{\epsilon} \omega$, основным значением которого в доновозаветном греческом было “оглашать”, или “сообщать широкой аудитории”*”.

Для характарыстыкі гэтага значэння аўтар нават прыводзіць цытату з адной з ранехрысціянскіх крыніц: “*Древнегреческие поэты “катехизировали” публику, декламируя в театре свои стихи*”. Гаворка тут, напэўна, вядзецца пра вершы хрысціянска-рэлігійнага зместу якія маглі абуджаць цікавасць язычнікага асяроддзя да знаёмства з хрысціянскай дагматыкай.

Інакш, гэнэзісныя вытокі гэтага тэрміна, яго першае старажытнае значэнне (у сэнсе: “*абвяшчаць*”; рус.: “*оглашать*”), не толькі не замоўчваюцца аўтарам, але на іх нават робіцца акцэнт. Падкрэсліваецца яго важнасць і першапачатковасць. Далей прыводзіцца другое

значэнне грэчаскага дзеяслова што пазней атрымала: “...широкое хождение в христианской практике, ... “учить”, или “наставлять...” [8, с.15].

Далей аўтар, як бы з жалем, заўважае, што “*Наша славянская терминология – “оглашать”, “оглашаемый”, “оглашение”, соответствующая греческим κατηχέω, κατηχοῦμενος, κατήχησις (выдзелена мною – В.П.) – является малоудачным переводом, ориентирующим скорее на более древнее употребление греческих слов, чем на то, которое продиктовано христианской практикой. Ведь христианский катехизатор является не столько огласителем или глашатаем, т.е. оратором или проповедником, сколько в первую очередь наставником, учителем христианского пути и духовным руководителем” [8, с. 15].*

Гаворачы інакш, на наш погляд, аўтар дапускае, што ў царкоўнай практыцы “абвяшчэння”, на самым раннім этапе гісторыі хрысціянства відаць было нешта іншае (а не толькі “навучанне”, ці “настаўленне”), што адпавядала слову “абвяшчаць” (“κατηχέω”).

Ранні катэхізатар, відаць, сапраўды быў “*глашатаем*”, “*оратором*” і “*проповедником*”. Нездарма П. Л. Гаўрылюк заўважыў “...христианский катехизатор является не столько огласителем или глашатаем, т. е. оратором или проповедником...” (надрэслена мною – В. П.). Значыць, усё-такі, быў “огласителем или глашатаем”. Не столькі як “...наставником, учителем христианского пути...” (лічыць аўтар), але ўсё ж быў.

У якасці важнейшай задачы, на самым раннім этапе, перад ім стаяла прыцягненне ўвагі суграмадзян да факта згоды кагосці з язычнікаў стаць членам хрысціянскай царквы. З мэтай зацікавіць, пашырыць колькасны склад прыхільнікаў. Ва ўмовах малалікасці абшчын, жорсткіх пераследаў палітычнай улады (ганенняў) што суправаджалі жыццё ранніх хрысціян, гэтая задача стаяла ў пераліку самых важных і першаступенных.

“*Навучанне*” і “*настаўленне*” як задачы катэхізатара выйшлі наперад намнога пазней. Тады, калі працэс пераходу язычнікаў у хрысціянства стаў масавым. Калі патрэбна было выбіраць сярод жадаючых. І спачатку высветліць сапраўнасць (ісцінасць) намераў кандыдатаў у абвешчаныя.

Наступнае, на чым спыняецца П. Л. Гаўрылюк у першай главе, гэта характарыстыка праблемы празелітызму ў іудаізме і апостальскай місіі сярод язычнікаў, дзе заўважае што: “...активно прозелитизирующей религией иудаизм не стал...” [8, с.22]. Аўтарскае тлумачэнне гэтаму, што кіраўніцтва сінагог зусім не патрабавала ад радавых габрэяў нейкіх дзеянняў у накірунку распаўсюджвання Торы. Адзінай рэкамендацыяй, падкрэслівае аўтар, было патрабаванне царквы самім

іудзеям не паддавацца традыцыйнасці паганства і не спавядаць язычніцкія абрады. Ён прыводзіць цытату з рэкамендацыі кіраўніцтва іерусалімскай абшчыны антыяхійскім братам аб тым, што: “...угодно Святому Духу и нам, не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда...” [8, с.24]. ...

Потым, ён спыняецца на праблеме “*Катэхізацыя і хрышчэнне*”. Дзе разглядае самы старажытны этап катэхізацыі. Ад таго часу калі яшчэ жыў Ісус Хрыстос, а таксама пры жыцці апостала Паўла, евангеліста Лукі ды інш. Звяртаючы ўвагу на характар, працягласць катэхізацыі, як практычна ажыццяўляўся абрад хрышчэння, ды інш. Далей у главе разгледжаны “*Этапы катэхізацыі*”, “*Змест апостальскага катэхізіса*”, “*Памесныя абвяшчальніцкія традыцыі*”. Звяршаецца тэкст першай главы аповядам пра “*Перших катэхізатараў*”. Імі на думку аўтара былі тыя, блізкія да Хрыста людзі якім ён сказаў: “*Идите и научите народы...*” [9, гл.28, п.19].

У якасці заключэння, да кароткага аповяду пра гістарыяграфію XIX–XXI стст., абраду “абвяшчэння” у гісторыі хрысціянства, заўважым:

– мы не ставілі задачу зрабіць максімальна поўны гістарыяграфічны аналіз названых вышэй прац, і не імкнуліся да фарміравання крытычных заўваг;

– у артыкуле паказана панарама гістарычных твораў прысвечаных абраду “абвяшчэння” у названых стагоддзі;

– выдзелены найбольш значныя асаблівасці аўтарскіх падыходаў і важнейшыя меркаванні адносна заяўленай тэматыкі;

– тэксты прац разглядаліся таксама з нагоды прысутнасці звестак пра грамадска-абвяшчальніцкую (сацыяльна-палітычную) дзейнасць царквы, якая, на наш погляд адыгрывала не апошнюю ролю ў паспяховым распаўсюджванні хрысціянства;

– звярталася ўвага на аўтарскае бачанне спецыфікі прымянення, зместавага напаўнення абраду “абвяшчэння” і яго ролі ў гісторыі хрысціянства на самым раннім этапе яго станаўлення.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Молитва “Символ веры” на русском языке // [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.krestim-detok.ru/blogs/blog/simvol-very-etu-molitvu-nado-vyuchit>. – Дата доступа: 29.08.2023.

2. Ирней Лионский Доказательство апостольской проповеди // [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Irnej_Lionskij/apostolic_preaching/. – Дата доступа: 03.09.2023.

3. Большое огласительное слово сятителя Григория Нисского // [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/bolshoe-oglasitelnoe-slovo/. – Дата доступа: 08.09.2023.

4. Кирилл Иерусалимский Поучения огласительные и тайноводственные // [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Ierusalimskij/oglasit/. – Дата доступа: 03.09.2023.

5. Катехизис // [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/2052643. – Дата доступа: 12.09.2023.

6. Святитель Сербский Николай. Православный катехизис / Николай Сербский. – Клин: изд. Христианская жизнь, 2009. – 160 с. // [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: svyatitel-nikolay-serbskiy-pravoslavnyu-katehizis-2009. – Дата доступа: 21.09.2023.

7. Алмазов А. И. История чинопоследований: крещения и миропомазания / А. Алмазов. – Казань : тип. Императорского Университета, 1884. – 782 с.

8. Гаврилюк, П. Л. История катехизации в древней церкви / П. Л. Гаврилюк / Под ред. свящ. Георгия Кочеткова – М. : Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2001. – 320 с.

9. Евангелие от Матфея (гл.28; п.19) // [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://bibleonline.ru/bible/rst-jbl/mat-28.19-20/>. – Дата доступа: 26.09.2023.

В. В. Репин

ЧЕШСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ В 1860-Е ГОДЫ

Чешское переселенческое движение как часть славянско-немецкой колонизации с территории Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской) империи Габсбургов в конце 1850-х – начале 1860-х годов распространилось и на территорию современной Беларуси. Уже в 1855 г. чехи стали обосновываться на землях, расположенных к юго-востоку от Мозыря в Минской губернии, где нанимались на работу батраками и получали по пяти десятин земли на семью, сохраняя за собой австрийское подданство [2, с. 154]. Большинство чешских колонистов

прибыло для сельскохозяйственных работ из Чехии в Беларусь в течение 1862 г., согласно условиям контрактов с помещиками польского происхождения Станиславом Горваттом (имение Головчицы – 22 семьи и единоличника) и Александром Горваттом (имение Барбаров – 26 семей и единоличников) в Речицком уезде Минской губернии. Об этом свидетельствует рапорт от 30 июня 1862 г. речицкого земского исправника минскому гражданскому губернатору А. Л. Кожевникову о предоставлении сведений об австрийских подданных, прибывших для работы в имениях помещиков Горваттов [1, с. 131–136]. Контракты были подписаны на шесть, семь или восемь лет, причем некоторые из переселенцев по истечению срока контракта вернулись на родину. Именно из этой группы колонистов и сформировалась компактная и культурно связанная община чехов на территории Беларуси.

Еще одна значимая группа чешских колонистов оказалась наемными рабочими в имении Липово, принадлежавшем наиболее известному представителю рода Горваттов, старшему брату вышеупомянутых помещиков Оттону Горватту. Занимая влиятельные посты в структурах Минской губернии и проводя активную общественную деятельность, он передавал ведение дел на своем поместье управляющим, у одного из которых отношения с группой чешских поселенцев по итогу не заладились. В начале 1860-х гг. в имение Липово Карповичской волости Речицкого уезда прибыли более 10 семей чехов, заявивших, что они являются ткачами из Праги. Намереваясь прочно осесть на новом месте, в июле 1864 г. они ходатайствуют «о присоединении их к православной церкви» и «зачислении в Российские подданные». Прошение от имени 93 человек за фамилиями Почижский, Паначек, Ундрачек, Моравек, Субботка, Гаек, Ружичка (самый старший – 55 лет), Леничко, Карлик, Слезак, Смейкаль, переданное священником Липовской церкви Корженевского прихода А. Фирасевичем, было удовлетворено, сделав возможным получение тех же льгот, что предоставлялись русским поселенцам в северо-западных губерниях [1, с. 309–311]. Следующим шагом 17 семей австрийских подданных ходатайствовали о предоставлении им российского гражданства и «поселении их на казенных Каленковицких или фермерных землях с отпуском леса на хозяйственное устройство и денежного пособия». В итоге постановлением Минской духовной консистории вся группа была принята в православие 24 марта 1865 г. [1, с. 312]. Гражданство было предоставлено поселенцам уже 11 июня 1865 г. На основании решения Мин-

ской Палаты Государственных Имуществ и с санкции высших губернских властей поселенцам было позволено «поселить на фермерных землях, образованных при имении Каленковичах и дерев. Щирице, Груский Мох, Корчаге и Циоске».

Что же сыграло такую роль в столь быстром переходе данной группы в российское гражданство и переходе в православие «в подкреплении верноподданства России», в то время, как некоторые колонисты из имений Головчицы и Барбаров сохраняли австрийские паспорта вплоть до Первой мировой войны.

Важную посредническую роль сыграл, предоставив доказательства необходимости предоставления чехам помощи протоирей Адам Фирасевич, в донесении о бедственном положении проживающих экономии помещиков Горваттов в Липове колонистов и «о делаемых им Липовскою экономией притеснениях за принятие православия». На основании этих свидетельств было поручено помощнику Военного Начальника Мозырского и Речицкого уездов «провести секретно дознание, по коему оказалось, что эти чехи действительно бедны, землю для засевов получили от Липовской экономии недоброкачественную, с принятием православия заметно появилось нерасположение к ним управляющего имением Рымашевского, который стал давать им менее заработков и производить расчет с ними недобросовестно, менее против прежнего за работы им выдается хлеб, по дорогой цене и худого качества, для обработки наделенных им полей не дается скота, и они не имея средств к найму оставили свои земли без засева, поведения же они похвального, трудолюбивы, честны и кроткого характера».

На основании рассмотренной информации 27 августа 1865 г. было принято Постановление Минского губернского правления о принятии мер по улучшению положения австрийских подданных, поселившихся в имении Липове Речицкого уезда с решением об удовлетворении прошений чешских колонистов, и назначении дополнительного разбирательства, возложенного на Речицкого уездного исправника с целью выяснения «насколько они действительно обижены и принять меры к немедленному удовлетворению их помянутой Экономией» [1, с. 140–141].

Однако земельные участки для чешских поселенцев были определены лишь к 1867 г. Дождавшиеся предоставления участков земли бывшие арендаторы-чехи, как свидетельствуют Ведомости уроженцев Австрии, поселенных на казенных землях, предоставленных мировым посредником 3-го участка Речицкого уезда, в июне 1867 г. оказались поселены на территории вновь образованной на территории Шиичского общества Дудичской волости Речицкого уезда деревни

Горохово (всего – 21 фамилии) [1, с. 144–145]. Тогда же были выделены участки земли для 5 семей (16 душ мужского пола) в деревне Волчья гора Ровенско-Слободской волости [1, с. 146–147]. Все новоселы были православного вероисповедования.

Параллельно с делом чешских колонистов, минские губернские структуры рассматривали и другие дела, касающиеся бедственного положения немецких колонистов, также оказавшихся на территории белорусских губерний после отмены крепостного права вследствие того, что «помещики Виленской, Минской, Гродненской и Ковенской губерний, нуждаясь сильно в работниках, приезжали в Германию, или отправляли туда своих агентов, которые обещая им только одно счастье и благоденствие в своих селениях на Литве, успели привлечь сюда несколько сот немецких работников и земледельцев» [1, с. 137]. Примечательно, что в качестве варианта для переезда данной группы из 136 семей немецких колонистов Минская палата государственных имуществ предлагала переселить их на казенные земли в Речицкий уезд в соседние с чешскими поселениями имения Загалье, Настолье и Шиичи. Данные обстоятельства позволяют нам более точно определить предпосылки появления чешских колонистов, как арендаторов на землях польских помещиков Горваттов, очевидно, что столь организованное переселение могло произойти только в результате большой подготовительной работе с участием агентов со стороны приглашающей стороны, а также с соблюдением необходимых паспортных и уведомительных процедур. В свою очередь, заметно, что власти рассматривали мероприятия по предоставлению колонистам земель и принятие их в российское подданство в контексте цели «ослабления польского элемента» [1, с. 139].

Рассмотрение дел о переводе других чешских поселенцев в российское подданство часто было делом нескорым. Так 18 семей чешских колонистов-арендаторов, проживающие в Бобруйском уезде подали прошение о принятии их в подданство России в мае 1865 г., надеясь на одновременное удовлетворение их прошения о переселении на казенные земли, к моменту завершения бюрократических процедур в марте 1866 г. выяснило, что четверо поселенцев от принятия гражданства отказались, а один отправился в отечество. К июлю 1867 г. вернуть свои национальные (австрийские) паспорта пожелали и другие чешские семьи, по причине крайней нищеты, в которой они оказались после истечения контрактов с прежними арендаторами [1, с. 142–143].

Белорусский вектор чешской колонизации в Российской империи несколько опережал масштабную колонизационную волну, случившуюся во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. на территорию Вольни.

Первые чешские колонисты на территории Российской империи относятся еще к периоду правления Екатерины II, когда первые 170 семей поселились на территории присоединенной Таврической губернии. Появление чешских колонистов в белорусских губерниях было обусловлено целым спектром факторов, главным из которых стала массовая эмиграция граждан Габсбургской монархии на территорию Волыни, откуда одна из волн дотянулась и до близкой к территории современной Беларуси Киевской губернии.

Интерес к привлечению чешских колонистов властями юго-западных губерний был обусловлен как стремлением заселить и эффективно вернуть в хозяйственный оборот обширные земельные территории, конфискованные у нелояльных представителей польской шляхты в результате подавления восстания 1863–1864 гг., так и желанием ослабить польское влияние посредством более лояльно настроенных иноэтничных переселенцев.

С другой стороны, трудности социальной модернизации, которое переживало чешское общество в середине XIX в. также способствовало оттоку рабочей силы, из отдельных, приходящих в упадок регионов Северной Чехии и Моравии, где аграрное переселение и кризис традиционных промыслов и ремесел, конкуренция со стороны немецких землевладельцев, усугубилось последствиями Австро-Прусской войны 1866 г.

Свою роль в активизации переселенческих процессов сыграли и отзвуки либеральных реформ, начавшихся в Российской империи, а также распространение идей славянской взаимности, донесшихся до славян габсбургской империи после Первого славянского съезда в 1867 г. в Москве и Санкт-Петербурге, где чешская делегация во главе с Ф. Палацким и Ф. Л. Ригером, помимо прочего, договорилась о возможности переселения чешских колонистов на Волынь, где можно было приобрести земельные наделы на выгодных условиях.

С целью стимулирования экономической миграции 10 июля 1870 г. император Александр II подписал указ, который, закрепив юридически принципы переселения, предоставил чехам в Российской империи значительные льготы. Переселенцы освобождались на пять лет от уплаты налогов, от обязательной военной службы, получали право приобретать земли в частную собственность и получать российское подданство.

Отметим, что интенсивный рост чешского населения на Волыни произошел вплоть до конца XIX в., в 1875 г. количество чешских переселенцев в этом регионе превысило 19 тыс., а по результатам Всерос-

сийской переписи населения 1897 г. их число превысило 27 тыс. человек, что составляло около две трети всех чехов, проживавших в Российской империи, что более чем в 30 раз превышало количество чешских поселенцев в белорусских губерниях. В соседней с Беларусью Киевской губернии проживало 3294 чеха, из них в городах 1083 [3, с. 102].

Нельзя не отметить, что описанные выше две разные по масштабу волны (и две модели) появления чешских переселенцев на Западе Российской империи, несмотря на территориальную и хронологическую близость, оказываются не настолько связанными. Основная масса чехов в Беларуси оказалась еще до того момента, как это стало трендом на Волыни, и когда социально-политический контекст российской правительственной политики в отношении иностранных переселенцев не был так четко определен. В то время, как на Волыни переселенцы в ряде уездов, став значительным меньшинством, активно перешли к обустройству своей общественно-культурной жизни, в Речицком и Мозырском уезде чехи были более заняты решением вопросов экономической выживаемости.

Список использованных источников и литературы

1. Иностранные подданные в Беларуси: (конец XVIII – начало XX в.) / сост. И. Л. Вернер ; редкол.: И. Л. Адамушко [и др.]. – Минск : Тип. Макарова и К°, 2012. – 528 с.
2. Ambrož, V. Češi a Slováci v Rusku – II. Současný stav zemědělských kolonií českých a jich budoucí význam národohospodářský / V. Ambrož // Naše zahraničí. – 1922. – 153 s.
3. Muchina, L. Dějiny Čechů na Ukrajině [Історія чехів в Україні] / L. Muchina, J. Vaculík. – Kyjev : NAU, 2013. – 598 s.

Б. І. Садоўская

ДЗЕЙНАСЦЬ ПЕДАГАГІЧНЫХ КУРСАЎ ПА ПАДРЫХОЎЦЫ НАСТАЎНІКАЎ-ГРАМАДАЗНАЎЦАЎ У БССР У 1920-Я ГАДЫ

Задача падрыхтоўкі выкладчыкаў з'яўлялася адной з галоўных у працэсе станаўлення новай савецкай дзяржавы і сістэмы савецкай школы. На думку дзяржаўных дзеячаў таго перыяду, толькі настаўнік, які засвоіў пралетарскую ідэалогію, здольны “несці адказнасць за выхаванне камуністычнага пакалення” [13, с. 21]. У адпаведнасці з гэтым, неўзабаве пасля перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі быў распачаты працэс стварэння новай сістэмы падрыхтоўкі настаўнікаў [3, с. 107].

У 1919–1920 гг. у Беларускай ССР назіраўся востры недахоп не толькі адукацыйных навучальных устаноў, але і ўстаноў, якія адказваюць за падрыхтоўку выкладчыцкага складу [6, арк. 1]. Да 1919 г. на тэрыторыі БССР функцыянавалі 11 настаўніцкіх семінарыяў, дзейнасць якіх была накіравана на адукацыю настаўнікаў для першай ступені. З наступнага года падрыхтоўка педагогаў аб'ядноўвала ўсе галіны адукацыі: дашкольную, школьную, пасляшкольную. Структура навучальных устаноў таксама зведала змены: семінарыяў былі рэарганізаваны або ў педагогічныя курсы, або ў інстытуты народнай адукацыі [11, с. 277]. У сваю чаргу, пасля 1921 г. на аснове курсаў ствараюцца педагогічныя тэхнікумы з чатырохгадовым тэрмінам навучання [3, с. 107]. Іх у 1926 г. налічвалася шэсць: Мінскі, Віцебскі, Рагачоўскі, Барысаўскі, Полацкі [7, арк. 1]. Да 1928 г. педагогічныя курсы адкрыліся ў Слоніме, а сетка тэхнікумаў папоўнілася навучальнымі ўстановамі ў Оршы, Гомелі, Магілёве, Мсцістаўлі [8, арк. 98].

Паралельна з ліквідацыяй непісьменнасці ў 1922/1923 навучальным годзе назіраўся стыхійны рост культурна-асветніцкіх устаноў у БССР. Але ўжо, з 1922/1923 гг., работа па ўдасканаленні сістэмы народнай адукацыі прыняла планавы і сістэмны характар [9, арк. 97].

Дзейнасць усіх устаноў адукацыі была накіравана на падрыхтоўку выкладчыкаў, здольных даць веды па ўсіх асноўных дысцыплінах школьнай праграмы, уключаючы грамадазнаўства. З прычыны неабходнасці ў кваліфікаваных кадрах была распачата работа па арганізацыі спецыяльных адукацыйных курсаў па перападрыхтоўцы настаўнікаў. Першыя такія летнія курсы былі адкрыты ў 1923 годзе ў г. Мінску і ў шэрагу іншых гарадоў Беларусі для настаўнікаў, якія падтрымалі савецкую ўладу. Перападрыхтоўка ўспрымалася як работа па павышэнні кваліфікацыі, галоўнай умовай якой было ўдасканаленне метадычнага ўзроўню педагога. Форма перападрыхтоўкі выкладчыкаў гарадскіх і сельскіх школ адрознівалася. Выкладчыкі гарадскіх сямігодак для павышэння ўзроўню свайго педагогічнага майстэрства выкарыстоўвалі гурткі, канферэнцыі, групавыя зборы, дыскусіі [13, с. 21]. Больш складаным было пытанне аб перападрыхтоўцы выкладчыкаў сельскіх школ з-за адсутнасці спецыяльнай літаратуры і метадычных дапаможнікаў. Наладзіць калектыўную працу з настаўнікамі ў сельскай мясцовасці ўдавалася з цяжкасцю [13, с. 22].

У некаторых раёнах практыкаваўся іншы варыянт: на лета кожнаму гуртку давалі план працы. Да вызначанага тэрміна на канферэнцыі выкладчыкаў неабходна падрыхтаваць справаздачу аб праведзенай працы. Да кожнага пасяджэння гуртка рыхтавалі два даклады: з палітычным і педагогічным зместам.

Сярод пытанняў, пастаўленых перад сельскімі педагогамі, былі:

1. «Версальская дамова і яе высновы».
2. «Сучаснае становішча галоўных капіталістычных краін. Вялікая і малая Антанта, Ліга Нацый».
3. «Новыя метады пісьмовай работы вучняў».
4. «Метады працы з дарослымі» [1, с. 86].

Разам з тым узровень кваліфікацыі настаўнікаў у сельскай мясцовасці ацэньваўся значна ніжэйшым, чым іх калег з гарадскіх школ [12, с. 117].

Навучальны план двухтыднёвых педагагічных курсаў–канферэнцый выкладчыкаў грамадазнаўства прадугледжваў разгляд наступных тэм: «Феадалізм»; «Вялікая Французская Рэвалюцыя»; «1905 год у Расіі і Беларусі»; «Эпоха імперыялізму»; «Рэвалюцыйны рух у заходняй Еўропе ў 1848 гг.»; «Чартызм»; «Кастрычніцкая рэвалюцыя» [10, арк. 159].

Штогод у летніх выкладчыцкіх курсах прымалі больш за 100 настаўнікаў з сельскай мясцовасці. На думку І. Мазура працу курсаў прапаноўвалася падзяляць на два этапы. Пачатковы этап ахопліваў першыя гады савецкай улады (да 1923 г.). Галоўная мэта іх заключалася ў павышэнні палітычнага ўзроўню настаўнікаў, ліквідацыя непісьменнасці, пашырэнне ўзроўню ведаў па беларускай мове і літаратуры. Другі – 1923–1925 гг., асноўнай мэтай якога было сфарміраваць у настаўнікаў разуменне марксісцкага светапогляду, азнаёміць з тэорыяй і практыкай комплекснай сістэмы выкладання, паглыбленне ведаў пра Беларусь [5, с. 127].

На падставе захаваных статыстычных дадзеных можна адзначыць тое, што большасць курсантаў мелі сярэдняю адукацыю. Аднак у Барысаўскай акрузе большасць настаўнікаў скончылі пачатковую школу, а ў Мінскай – пераважалі педагогі са спецыяльнай педагагічнай адукацыяй. У асобных выпадках на курсах прысутнічалі педагогі, якія раней ужо з’яўляліся слухачамі (у Магілёве іх колькасць дасягала 65 % са 127 чалавек). У цэлым найбольш шматлюднымі былі курсы ў Магілёве, Мінску (118 чалавек), Оршы (103 чалавекі) [4, с. 145].

Курсы па перападрыхтоўцы ацэньваліся як карысны і неабходны сродак павышэння кваліфікацыі настаўнікаў, але абмежаванае фінансаванне не дазваляла арганізоўваць іх штогод. А кароткачасовасць тэрмінаў праходжання не спрыяла засваенню зместу вучэбнай праграмы. Такім чынам, найбольш аптымальным сродкам павышэння кваліфікацыі настаўнікаў была індывідуальная форма падрыхтоўкі. Праверку эфектыўнасці самастойнай працы настаўнікаў прапаноўвалася праводзіць у

фармаце канферэнцый. Дзякуючы педагагічным часопісам у выкладчыкаў з'яўлялася магчымасць азнаёміцца з інфармацыяй аб новай метадычнай літаратуры і новых метадах вядзення ўрока [12, с. 118].

Апроч адкрыцця новых адукацыйных устаноў, педагагічныя курсы працягвалі функцыянаваць і ў 1930-я г., займаючыся падрыхтоўкай ужо выкладчыкаў гісторыі. Аднак, дадзеная форма навучання зжывала сябе і не была распаўсюджанай, у параўнанні з ранейшым перыядам. Першыя дні працы курсаў для выкладчыкаў гісторыі і геаграфіі пры Мінскім педінстытуце ў 1934/1935 нав. г. былі адэнены нездавальняюча. Загадам НКП БССР Начальніку Упраўлення падрыхтоўкі кадраў, рэктару БДУ і дырэктарам педінстытутаў сумесна з Інстытутам гісторыі партыі і Інстытутам гісторыі акадэміі навук было даручана распрацаваць праект і план сістэматычных кансультацый для выкладчыкаў гісторыі і геаграфіі. У дадатку быў арганізаваны цыкл лекцый па гісторыі ад вопытных педагогаў і план выданняў асобных лекцый па гісторыі прафесараў БДУ і педінстытутаў [2, арк. 27].

Станаўленне савецкай сістэмы адукацыі ў Беларускай ССР суправаджалася распрацоўкай новых форм падрыхтоўкі выкладчыцкіх кадраў. Першапачатковай задачай курсаў было забеспячэнне слухачоў ведамі па асноўных прадметах, якія ўваходзілі ў навучальны план савецкай працоўнай школы, тым самым саступаючы ва ўзроўні падрыхтоўкі педагогам, якія мелі пэўную спецыялізацыю. З прычыны дадзеных устаноў, найбольшае распаўсюджванне педагагічныя курсы атрымалі ў 1920-я г., пасля былі зменены больш прафесійнымі падходамі падрыхтоўкі выкладчыцкіх кадраў.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Васілеўскі, Д. Аб мэтодах перападрыхтоўкі настаўніцтва вёскі / Д. Васілеўскі // Асвета : часоп. Нар. камісарыяту асветы і Саюзу працаўнікоў асветы. – Мінск : Нар. камісарыят асветы БССР, 1924. – № 3. – С. 86–88. [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.nlb.by/files/original/3037251fe55945abb70f8891b2359c45.pdf>. – Дата доступа: 02.02.2022.

2. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці – Ф. 590. Оп. 1. Д. 25.

3. Дейнеко, М. М. 40 лет народного образования в СССР / М. М. Дейнеко ; под ред. М. Ф. Шабаровой. – М. : Учпедгиз, 1957. – 276 с.

4. Жарыноў, Зьм. Праца летніх настаўніцкіх курсаў па перападрыхтоўцы ў 1926 г. / Зьм. Жарыноў // Асвета : часоп. Нар. камісарыяту асветы і Саюзу працаўнікоў асветы. – Мінск : Нар. камісарыят асветы

БССР, 1926. – № 6. – С. 145–150. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.nlb.by/files/original/51ef34baad0a796f8855343e0a37a900.pdf>. – Дата доступа: 02.02.2022.

5. Мазур, І. Сёлетнія курсы па перападрахтоўцы вясковага настаўніцтва / І. Мазур // Асвета : часоп. Нар. камісарыяту асветы і Саюзу працаўнікоў асветы. – Мінск : Нар. камісарыят асветы БССР, 1926. – № 3. – С. 127–130. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.nlb.by/files/original/3f87a9768c551ac7d5227cc34aa13aeb.pdf>. – Дата доступа: 02.02.2022.

6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 232. Оп. 1. Д. 1.

7. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 326.

8. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1679.

9. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 1685.

10. НАРБ. – Ф. 42. Оп. 1. Д. 2087.

11. Народная адукацыя і педагагічная навука ў Беларусі (1917–1945) / пад рэд. Г. Р.Сянькевіч [і інш.]. – Мінск : Нар. асвета, 1993. – 495 с.

12. Хайтун, Д. Аб перападрахтоўцы настаўніцтва / Д. Хайтун // Асвета : часоп. Нар. камісарыяту асветы і Саюзу працаўнікоў асветы. – Мінск : Нар. камісарыят асветы БССР, 1926. – № 4. – С. 117–119. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.nlb.by/files/original/46a41ba31ad1b146903126a26d83ea05.pdf>. – Дата доступа: 02.02.2022.

13. Шабашов, М. Формы и методы переподготовки просвещенцев / М. Шабашов // Асвета : часоп. Нар. камісарыяту асветы і Саюзу працаўнікоў асветы. – Мінск : Нар. камісарыят асветы БССР, 1924. – № 1. – С. 21–22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.nlb.by/files/original/3ec3260cccba683816a6bd71e2b4b064.pdf>. – Дата доступа: 02.02.2022.

А. А. Селях

**МОЛАДЗЬ І СЕЛЬСКАЯ ГРАМАДА:
СПЕЦЫФІКА ДАЧЫНЕННЯЎ
У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХХ СТАГОДДЗЯ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ЗАХОДНЕПАЛЕСКАЙ ВЁСКИ)**

Вывучэнне спецыфікі грамадскіх дачыненняў з’яўляецца адной са значных праблем сацыяльнай гісторыі беларусаў. Мадэль зносін, якая

складвалася паміж рознымі полаўзроставымі групамі, адлюстроўвала логіку выбудоўвання сацыяльнай структуры вёскі. Традыцыйна моладзь з’яўлялася ключавым звяном у грамадстве, праз якое ажыццяўлялася спадкаемства і ўзнаўленне традыцый, што забяспечвала яго стабільнае развіццё [1]. Грамадой, у сваю чаргу, выпрацоўваліся і перадаваліся пэўныя імператывы светагляду і паводзін. Паняцце “грамада” выкарыстоўваецца ў значэнні традыцыйнай формы сацыяльнай (грамадскай) арганізацыі людзей, супольнасці жыхароў вёскі [2, с. 18 ; 3]. Такім чынам, грамада ўяўляла сабой малы сацыяльны арганізм, які забяспечваў стабільнасць і парадак. Другая палова XX стагоддзя – час найбольш заўважных у заходнепалескай вёсцы сацыякультурных трансфармацый, якія ўплывалі на дынаміку сацыяльнай арганізацыі вясковага соцыума, а таксама тыпу ўзнаўлення культуры ў ім. У артыкуле паспрабуем разгледзець, як трансфармацыйныя працэсы адлюстроўваліся на дачыненнях паміж моладдзю і старэйшым пакаленнем.

У традыцыйнай заходнепалескай вёсцы паміж моладдзю і грамадой гістарычна складваліся пэўныя прынцыпы ўзаемадзеяння. Даследчыца Н. М. Карбалевіч зазначыла: “Традыцыйныя мадэлі паводзінаў уяўлялі сабой сацыякультурна зададзены пажаданы алгарытм дзеяння ў канкрэтных сацыяльных абставінах і таксама з’яўляліся свайго роду сацыяльна значнай інфармацыяй, якая перадавалася з пакалення ў пакаленне” [3]. Галоўным прынцыпам, па якім будаваліся сувязі паміж пакаленнямі быў прынцып падпарадкавання малодшых старэйшым і прызнанне за апошнімі аўтарытэту. Ключавым для разумення спецыфікі сацыяльных адносінаў з’яўляецца разуменне таго, што камунікатыўныя практыкі разгортваліся ў межах адзінай культурна-кодавай прасторы. Таму расхістанне замацаваных культурных норм, падрыў монакультурнасці вясковай супольнасці безумоўна ўплывалі на трываласць сувязі паміж пакаленнямі.

Моладзь вёскі ўяўляла сабой не проста дэмаграфічную групу, аб’яднаную па ўзроставым прынцыпе, а больш складаную сацыяльную страту. Даволі ёміста дала вызначэнне паняцця “сельская моладзь” сацыёлаг А. А. Іванова: “Сельская моладзь – гэта сукупнасць людзей пэўнага ўзросту, якая ўваходзіць у склад тэрытарыяльнай групы насельніцтва, аб’яднаных падобнымі сацыяльна-эканамічнымі ўмовамі жыцця, якія характарызуюць іх становішча ў сацыяльнай структуры грамадства, а таксама вызначаюць магчымасць задавальнення членамі групы сваіх інтарэсаў у межах адпаведнай сельскай сацыяльнай супольнасці” [4, с. 230]. Даследчыца акцэнтуюе ўвагу на агульнасці тэрыторыі і сацыяльна-эканамічнага становішча, якія былі падставай для аб’яднання і цэласнасці моладзі.

Важнейшым кансалідуемым фактарам вясковага соцыума была культура. Штодзённае жыццё жыхароў вёскі разгортвалася ў пэўнай, да некаторага часу стабільнай культурнай парадыгме. Можна казаць аб тым, што ў кожнай сацыяўзроставай групы была сфарміравана свая культура шодзённасці. “Культура штодзённасці моладзі вёскі, – па вызначэнню М. У. Камоцкага, – частка агульнай культуры моладзі, якая пражывае ў сельскай мясцовасці, абумоўленая яе інтарэсамі, жыццёвым, сацыяльным, гістарычным і рэгіянальным вопытам, якая характарызуецца пэўнымі ладамі жыцця (асаблівасцямі побыту, сферы вольнага часу, матывацыяй прафесійнай дзейнасці), які фарміруе спосаб мыслення, каштоўнасці арыенціры і камунікацыі асобы” [5, с. 7]. Рэтраспектыўны разгляд праблемы дачыненняў моладзі і грамады ў заходнепалескай вёсцы ў другой палове ХХ стагоддзя дазваляе зрабіць выснову аб тым, што менавіта адыход маладога пакалення ад традыцыйнай народнай культуры і перайманне ўзораў масавай культуры былі адной з прычын дэстабілізацыі міжпакаленнай сувязі. Такім чынам, культура з’яўлялася не толькі фактарам аб’яднання, але і, наадварот, выступала сродкам раз’яднання людзей. Як падкрэсліваў Ю. У. Брамлей: “Культура – не толькі ўстойлівая, атрыманая ў спадчыну ад мінулага кампаненты, але і часовыя настроі тыпу настрояў моды і г. д. Наяўнасць розначасовых слаёў культуры адлюстроўвае дыялектыку яе развіцця: з аднаго боку, атрыманне ў спадчыну, выкарыстанне назапашаных ранейшымі пакаленнямі культурных каштоўнасцяў, з другога – адмаўленне састарэлых формаў культуры, замена іх іншымі, тымі, якія больш адпавядаюць новым, сучасным умовам” [6, с. 67].

Эканамічныя, сацыякультурныя, дэмаграфічныя працэсы, якія адбываліся ў заходнепалескай вёсцы ў другой палове ХХ стагоддзя, безумоўна выклікалі дэстабілізацыю былога сацыяльнага парадку і зніжэнне аўтарытэтай пазіцыі сельскай супольнасці, яе рэгламентуючай ролі ў жыцці маладога пакалення. Міграцыя вясковай моладзі ў горад спрыяла з’яўленню такога феномена як сацыяльная мабільнасць. Сацыяльная мабільнасць – сацыяльнае парамяшчэнне чалавека ў грамадстве, змяненне яго статуса. Выдзяляюцца ўнутры- і міжпакаленны тыпы мабільнасцей. Міжпакаленная мабільнасць азначала змяненне статуса дзяцей у параўнанні са статусам іх бацькоў. Агульная скіраванасць міжпакаленнай мабільнасці – з групы фізічнай ў групу работнікаў інтэлектуальнай працы. Калі ў статусным дачыненні парознаму размяркоўваліся прадстаўнікі аднаго пакалення, гаворка ідзе пра ўнутрыпакаленную мабільнасць [7, с. 424–425]. Нягледзячы на

агульную тэндэнцыю актывізацыі міграцыйных працэсаў з вёскі ў горад у 1970–1980-х гг., вясковую моладзевую супольнасць нельга ахарактарызаваць як мабільную ў статусным дачыненні. Міжпакаленняя і ўнутрыпакаленняя мабільнасць для заходнепалескага соцыума былі ўласцівы ў нязначнай ступені ў гэты перыяд часу. Пераважала маятнікавая міграцыя, якая мела ў першую чаргу эканамічны характар. Атрыманне адукацыі не было галоўным матывам каб з’ехаць у горад. Такім чынам, падставай для міграцыйных працэсаў служыў пошук працаўладкавання (пераважала фізічная праца), а не заклапочанасць павышэннем сацыяльнага статусу. Разам з тым, частцы вясковай моладзі (асабліва гэта тычылася дзяўчат), аб чым сведчаць палявыя матэрыялы, удавалася павысіць свой сацыяльны статус праз атрыманне адукацыі, прафесійную рэалізацыю, замужжа. Нягледзячы на агульную слабасць дынамікі ўнутры- і міжпакаленняй мабільнасці ў заходнепалескай супольнасці ў другой палове ХХ ст., міграцыйныя працэсы выклікалі зруйнаванне тэрытарыяльнага і сацыяльна-эканамічнага адзінства вясковага соцыума, якія служылі фундаментам яго аб’яднання.

Найбольш заўважны ўплыў на змены ў міжпакаленних дачыненнях аказвала распаўсюджванне масавай культуры як прынцыпова іншай культуралагічнай парадыгмы. Калі асновай традыцыйнай культуры былі пераемнасць агульнапрынятых традыцый, то ідэалам масавай культуры былі разнастайнасць і сінкрэтызм [8, с. 8]. Стварэнне культурна-адукацыйнай інфраструктуры ў вёсцы у перыяд 50–90-х гг. ХХ стагоддзя (бібліятэкі, дамы культуры), урбанізацыя (эскалацыя гарадскіх культурных узораў, каштоўнасцей), выезд на “сезон”, вучобу спрыялі пашырэнню масавай культуры ў моладзевых колах, што было грунтам для канфлікту ў міжпакаленних зносінах. З перанятых праз СМІ узораў моды, музыкі, манер у вёсцы паступова фарміравалася асобная моладзевая субкультура, якая была маргінальнай у дачыненні да традыцыйнай народнай культуры. Разрыў шчыльнай сувязі моладзі і вясковай грамады ў культурнай плоскасці садзейнічаў маргіналізацыі моладзі ў вёсцы. Маргінальная група характарызуецца “адмаўленнем ад каштоўнасцей і традыцый той культуры, у якой яна ўзнікае, і зацвярджае асабістую сістэму норм і каштоўнасцей” [7, с. 392]. Традыцыйная культура па ацэнках маладога пакалення паступова страчвала актуальнасць і не лічылася эфектыўнай для рэгулявання ўсіх бакоў сацыяльнага жыцця.

Такім чынам, спецыфіка дачыненняў паміж моладдзю і грамадой у заходнепалескай вёсцы ў другой палове ХХ стагоддзя вызначалася сацыякультурнымі трансфармацыямі, якія адбываліся ў рэгіёне. Далучэнне моладзі да масавай культуры, узрастанне ролі макрасацыяльнага асяроддзя ў пытаннях выхавання і сацыялізацыі, тэрытарыяльная ма-

більнасць моладзі спрыялі паслабленню сувязі паміж пакаленнямі. Разам з тым матэрыялы інтэрв'ю, сабраныя аўтарам у вёсках Берас-цейшчыны, сведчаць аб тым, што нягледзячы на змены традыцыйнай сацыяльнай структуры заходнепалескай вёскі, паніжэнне рэгламентуючай пазіцыі грамады ў пытаннях выхавання і сацыялізацыі моладзі адбывалася адносна запаволенымі тэмпамі, а роля сельскай супольнасці ў пытаннях кантролю за нормамі паводзін не была цалкам страчана і ў апошняй трэці XX стагоддзя.

На штодзённае жыццё вясковай моладзі значны ўплыў аказваў высокі ўзровень рэлігійнасці, які захоўваўся сярод заходнепалескага насельніцтва на працягу ўсяго савецкага перыяду [9, с. 109–225]. Не знікла пераемнасць ад старэйшага да малодшага пакалення светапогляднай сістэмы, заснаванай на хрысціянскіх каштоўнасцях. Адным з галоўных выхаваўчых кірункаў у сялянскіх сем'ях па-ранейшаму заставаўся рэлігійны. Аналіз матэрыялаў даследаванняў І. І. Акінчыца, сабраных у заходніх раёнах БССР паказвае, што “асноўным каналам узнаўлення рэлігійных вераванняў сярод моладзі з’яўляецца рэлігійнае выхаванне”. Даследчык зазначаў, што “ступень рэлігійнасці моладзі залежыць ад яе сацыяльнага становішча. Так, найбольш высокі працэнт вернікаў налічваўся сярод калгаснай моладзі” [10, с. 7–9]. Значная колькасць маладых людзей уладкоўвала сваё жыццё ў роднай вёсцы, дзе заставаліся трывалымі кантакты паміж родзічамі і сваякамі, з кола якіх ўтваралася выхаваўчае асяроддзе для малодшага пакалення. Такім чынам, апошняя трэць XX стагоддзя – перыяд, калі яшчэ не адбыўся карэнны злом былога сацыяльнага парадку ў заходнепалескай вёсцы, але быў закладзены яго падмурак.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Селях, А. А. Дзяўчына ў сацыяльнай структуры заходнепалескай традыцыйнай вёскі / А. А. Селях // 79-я навучная конференцыя студэнтаў і аспірантаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта [Электронны рэсурс] : матэрыялы конф., Мінск, 10–21 мая 2022 г. В 3 ч. Ч. 3 / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Сафонов (гл. ред.) [і др.]. – Мінск : БГУ, 2023. – С. 193–196. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/295081>.

2. Піліпенка, М. Ф. Абшчына / М. Ф. Піліпенка, І. У. Чаквін // Этнаграфія Беларусі / БелСЭ; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 575 с.

3. Карбалевіч, Н. М. Камунікацыя і інфармацыя ў традыцыйным грамадстве (на прыкладзе грамады беларускіх сялян у другой палове

XIX – пачатку XX стагоддзя) / Н. М. Карбалевіч [Электронны рэсурс] / Н. М. Карбалевіч. Рэжым доступу: <https://rep.bntu.by/handle/data/97801>. – Дата доступу: 23.09.2022.

4. Иванова, О. А. Сельская молодёжь как территориально-демографическая группа населения: теоретические основы социологического исследования / О. А. Иванова // Изв. АГУ. – 2013. – № 2. – С. 230–233.

5. Камоцкий, М. В. Формирование культуры повседневности молодежи села средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / М. В. Камоцкий. – Минск, 2017. – 24 с.

6. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1973. – 283 с.

7. Добреньков, В. И., Кравченко, А. И. Социология: в 3 т. – М.: ИНФРА-М, 2000. – Т. 2: Социальная структура и стратификация. – 536 с.

8. Калач, О. А. Массовая культура как новая историческая парадигма культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / О. А. Калач; БГУ. – Минск, 1995. – 19 с.

9. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; науч. ред. А. Викт. Гурко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр. исслед. белорус. культуры. языка и лит. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 621 с.

10. Акинчиц, И. И. Анализ религиозности молодежи и некоторые аспекты ее атеистического воспитания: (по материалам конкретно-социологических исследований в западных районах Белорусской ССР): автореф. дис. ...канд. философ. наук: 09.625 / И. И. Акинчиц. – Минск, 1971. – 22 с.

А. С. Соколов

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТА В. КАЛИНОВСКОГО В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Культ В. Калиновского начал создаваться достаточно поздно, только со второй половины 1910-х гг. Упоминания о нём нет ни в газете «Наша ніва» (1906–1915 гг.), ни в «Кароткай гісторыі Беларусі» В. Ластовского (1910 г.), в которой автор называл восстание 1863–1864 гг. не иначе как «вторым польским», более того, писал, что «российское правительство рассчитывало в его подавлении опереться на белорусское население».

Впервые Калиновского, как белорусского героя, упомянул В. Ластовский в 1916 г. в газете «Гоман», издаваемой в условиях немецкой

оккупации, когда сложившаяся конъюнктура обуславливала необходимость поддержки немцами антироссийской пропаганды, в том числе финансирования националистических организаций, прессы и т. д. [1], занимавшихся конструированием идеологической модели полностью отдельного от русских белорусского этноса, имеющего извечного экзистенциального врага в виде России и русских.

Такое конструирование требовало решения ряда методологических проблем, одной из которых является поиск исторических персонажей, которых можно было бы объявить «национальными героями» и логически связать их деятельность с текущими политическими задачами, и которые имели бы соответствующие текущей политической конъюнктуре признаки (в первую очередь, ярко выраженный антирусский характер деятельности).

Исходя из этого на роль «главного белорусского героя» был назначен один из региональных руководителей восстания 1863–1864 гг. Винцент Константы Калиновский. При этом В. Ластовский сразу прибегнул к мифологизации Калиновского, ставящей целью его «обелорусить»: Во-первых, он придумал ему имя «Кастюк» (которое в 1921 г. трансформировал в «Кастуся» М. Горецкий), во-вторых стал фальсифицировать тексты Калиновского, добавляя в них этноним «белорусы», отсутствовавший у последнего, в-третьих, обильно снабдил статью полностью выдуманскими примерами деятельности В. Калиновского, например о руководстве им переводами революционных песен на белорусский язык, о том, что он закладывал «начальные школки с обучением по-белорусски» и т. д. [2]. Необходимо отметить, что на тот момент миф о «Кастусе Калиновском» не получил большого распространения.

Расцвет популярности мифа пришёлся на 1920-е гг. уже в Советской Беларуси, также по вполне конъюнктурным причинам – советская власть, разрабатывающая собственную концепцию истории, согласно которой на протяжении многих веков у всех народов шла классовая борьба, апофеозом которой стала Октябрьская революция, воплотившая, таким образом, многовековую мечту угнетённых классов всего человечества, нуждалась в том, чтобы у каждого народа СССР был собственный герой, который вёл свой народ к борьбе за те цели, на достижение которых была направлена Октябрьская революция и ставший, таким образом, предтечей большевиков у данного народа. На роль такого персонажа для белорусов вполне подходил В. Калиновский, из образа которого убрали антирусскую направленность и акцентуализировали «белорусскость», классовые аспекты и борьбу против царизма [3].

В БССР началась обширная государственная идеологическая кампания по популяризации «Кастуся Калиновского», как белорусского революционера – непосредственного предшественника большевиков. Были написаны пьеса Е. А. Мировича «Кастусь Каліноўскі», рассказ А. Александровича «Палёт у мінулае (ад Каліноўскага да нашых дзён)», поэма А. Вольного «Кастусь Каліноўскі», фильм «Кастусь Каліноўскі», многочисленные стихи – А. Гурло («К. Каліноўскі»), А. Дударя («Кастусь Каліноўскі») Я. Подобеда («Ён спіць») и т. д.

Хоть многие историки отмечали несоответствие реального прототипа его мифологизированному персонажу, мифический образ «Кастуся Калиновского – белорусского борца за народное счастье» стал распространяться в общественном сознании. Главную роль в этом сыграла пьеса Е.А. Мировича, закрепившая мифологизированный белорусоморфный образ В. Калиновского (в том числе имя «Кастусь») в качестве официального канона, отступление от которого даже профессиональными историками вызывало негативную реакцию властей и партийных органов (например, критику со стороны ЦК КП(б)Б В. И. Пичеты за высказывание, что В. Калиновский был польским революционером, борющимся за интересы Польши).

Так художественный вымысел пьесы Е. А. Мировича стал рассматриваться как непреложные исторические факты, которыми в обязательном порядке должны руководствоваться историки и литераторы. Из этой пьесы стали также черпать «факты» многие писатель и поэты, создававшие впоследствии образ «Кастуся Калиновского» в своих произведениях. Во многих произведениях Калиновского, исходя из новых политических задач в свете польской оккупации Западной Беларуси, также наделяли ещё и статусом «борца с польскими панями».

Таким образом, основную роль в создании канонизированного облика мифа о «Кастусе Калиновском» принадлежала не науке, а искусству, которое не ограничено строгими рамками научной методологии и с помощью которого значительно легче применять средства эмоционального воздействия на аудиторию. Созданный канон стал частью официальной идеологии БССР, поэтому под его содержание вынуждены были подстраивать свои работы даже профессиональные историки, включая тех, которые ещё за несколько лет до этого не находили в восстании 1863-1864 гг. никаких белорусских черт.

Так, например, В. Игнатовский в 1921 г. в книге «Краткий очерк национально-культурного возрождения Беларуси», а также во 2 и 3 изданиях «Очерков истории Беларуси» вообще не упоминает В. Калиновского, называет восстание 1863 г. польским и пишет, что *«польские повстанцы обратили внимание на белорусский элемент края»*, так как

«в Беларуси польский элемент не был крепким», в связи с чем «повстанцам нужно было привлечь к своему делу белорусского мужика. В этом направлении и идёт пропаганда, рассылаются и прокламации. Чтобы создать большее влияние на крестьянина, прокламации печатаются на белорусском языке». Повстанцы издали ряд произведений на белорусском языке лишь с целью *«присоединить к своему делу мужиков белорусов»*, видя, таким образом, в белорусах лишь объект для польской агитации. Основное идеологическое наполнение данных произведений, пишет Игнатовский, заключается в том, что *«все войны, которая вела Речь Посполитая с Москвою, объясняются как то, “что народу поляк хотел дать свободу”. Мужики, как станут поляками, “станут равными с панями”. Только поляки есть “действительные друзья белорусского мужика, только они дадут ему свободную и счастливую жизнь в Польше, независимой от России”».* Далее Игнатовский указывает, что *«мужики-белорусы не пошли за повстанцами»*, так как *«поняли, что восстание было не социальным, не мужицким делом, а делом только политическим той самой Польши».* Однако уже в 4 издании «Очерков...» в 1926 г., исходя из новой идеологической установки, он радикально поменял содержание данного раздела и стал утверждать, что крестьяне *«принимали активное участие в восстании»*, что на территории Беларуси оно носит характер движения за независимость, называть В. Калиновского стоящим во главе восстания в Беларуси *«красным диктатором»*, ставящим целью *«создание независимой от России и Польши Белорусской республики»*, писать, что *«белая часть повстанцев открыто перешла на сторону вешателя Муравьёва» (!).* Аналогичная трансформация содержания произошла в «История белорусской литературы» М. Горещкого.

После объявления независимости Беларуси в условиях, когда большинство её граждан не поддерживало идею отделения от СССР, актуальной задачей стала идеологическая легитимизация независимости. Это требовало конструирования новой модели истории, которая бы провозглашала «древние корни» белорусской государственности, наличие исторической субъектности Беларуси, наличие «борьбы за независимость» на протяжении всей истории.

Исходя из этого, созданный миф подвергся очередной реконструкции, и в его постсоветском варианте «Кастусь Калиновский» предстаёт в образе «эталонного белоруса», «героического борца за независимость Беларуси». Личности и деятельности Калиновского придают идеологические характеристики, которые являются актуальными для современного национализма [4].

Создание и укрепление идеализированного образа «Кастуся Калиновского» как «главного белорусского героя» в постсоветской Беларуси носило заметно выраженные черты культа личности, к главным из которых относятся [5] слепое преклонение, чрезмерное преувеличение действительных заслуг, фетишизация, приписывание высочайшей государственной мудрости, многочисленных талантов и высоких гуманистических человеческих качеств. Сконструированный постсоветский вариант образа «Кастуся Калиновского» вполне соответствовал этим параметрам – в это образе он предстаёт как белорусский национальный лидер, моральный эталон, человек, не имеющих отрицательных черт характера и деятельности, в его отношении с 1990-х гг. применялись такие эпитеты, как «мыслитель», «борец за независимость Беларуси», «пламенный публицист и поэт», «пламенный революционер», «пламенный борец», «выдающийся лидер белорусского национально-освободительного движения XIX в.», «благородная натура», «символ мужества и патриотизма белорусов», «сторонник эмансипации женщин», «исследователь истории Беларуси», «политический гений», «рыцарь свободы», «апостол свободы и независимости» и вообще *«харизматичный лидер с яркой индивидуальностью, неповторимыми чертами, разносторонними талантами, высокими человеческими качествами»* [6] и даже «отец-основатель белорусской нации».

Основания для присвоения В. Калиновскому подобных и многих других глорифицированных характеристик порой были довольно комичны. Так, одного-единственного его стихотворения стало достаточным для утверждения в «Энциклопедии истории Беларуси», что *«Калиновский известен как поэт»*, его участие в руководстве восстанием интерпретируется как то, что *«Калиновским были созданы вооруженные силы Белорусско-литовского государства»* [6]. Яркими примерами гротескной идеализации В. Калиновского являются такие утверждения, как «Калиновский оказал больше влияние на всю последующую белорусскую литературу и культуру, содействовал углублению в литературе и культуре принципов реализма и народничества», имел «твёрдые убеждения о необходимости и целесообразности предоставления Литве и Беларуси статуса самостоятельных государств», «ясно и выразительно, первым сформулировал политическую цель национально-освободительной борьбы белорусского народа, над чем мучительно билась вся прогрессивная общественная мысль первой половины XIX века», «говорил о том, что в будущем школа должна формировать у детей высокие общественные качества, готовить их всесторонне развитыми, хорошо образованными, способными к борьбе за

высокие гуманистические идеалы», «сформулировал программу построения суверенной демократической Беларуси на основе конституционного и парламентского опыта западноевропейских стран», «дал глубокую, политически заостренную критику педагогики, которая существовала в современном ему обществе», «первый в новое время взглянул на белорусов как на субъект самостоятельного исторического действия», «внес значительный, самобытный вклад в разработку белорусского литературного языка нового времени» и многие другие.

Таким образом, миф о «Кастусе Калиновском» за время своего существования претерпел ряд изменений, призванных отразить в его содержании политико-идеологические запросы каждого конкретного исторического периода.

Список использованных источников и литературы

1. Западные окраины Российской империи / под ред. М. Д. Долбилова. – М. : НЛО, 2006. – 608 с.
2. Гронский, А. Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя / А. Д. Гронский // Беларуская думка. – № 2. – 2008. – С. 82–87.
3. Гронский, А. Д. Формирование белорусского политического мифа о Константине (Кастусе) Калиновском / А. Д. Гронский // Язык и идентичность. Язык, литература и славянские идентичности в XVIII–XXI веках. – Белград, 2020. – С. 50–78.
4. Гронский, А. Д. Жертвы, герои и враги в мифологии белорусского национализма / А. Д. Гронский // Университетский вестник. – 2016. – Спец. выпуск. – С. 112–139.
5. Орлов, А. С. Исторический словарь / А. С. Орлов, Н. Г. Георгиева, В. А. Георгиев. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2012. – 592 с.
6. Шалькевич, В. Ф. Общественно-политическая и философская мысль Беларуси в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Минск, 1993. – 66 с.

М. И. Старовойтов

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА ГОМЕЛЬЩИНЫ И МОЗЫРЩИНЫ В 1920-Е – 1930-Е ГОДЫ

Первые два десятилетия Советской власти ознаменовались трансформацией всех сторон жизни общества. В значительной мере эти процессы затронули БССР и ее регионы. С учетом возможного объема публикации рассмотрим изменения в профессиональном составе сельского населения Гомельщины и Мозырщины, которое в условиях начавшейся в межвоенный период советской модернизации коренным образом изменило свой социокультурный облик. Таблицы составлены и подсчеты сделаны автором.

После почти семилетних военно-революционных потрясений население БССР в 1921 г. приступило к восстановлению экономики. К этому времени «Беларуская грамада складалася з 75 % малазямельных сялян, зруйнаваных к таму ж імперыялістычнай вайной, эвакуацыямі і акупацыямі, і з 14 % беззямельных сялян-парабкаў і невялічкай колькастці рабочых фабрычна-завадскіх прадпрыемстваў вёскі і гораду» [1, с. 42]. Существенных изменений в экономике не произошло и в 1920-е годы. Комиссия Коммунистической академии по изучению национального вопроса на основании материалов переписи 1926 г. установила, что СССР являлась аграрной страной, т. к. в сельском хозяйстве работало 86,7 % населения, в РСФСР – 86,6 %, в УССР – 87,3 %, а в БССР – 91,2 % [4, с. 43]. Это был самый высокий показатель в СССР, т. е. республика была самой аграрной.

Эти показатели несколько отличаются по округам БССР. По данным переписи 1926 г. в Гомельском округе в сельском хозяйстве было занято более 80 % населения, в Речицком – более 90 % и Мозырском – более 91 % [2, с.8, 11, 14]. Данные переписи дают информацию о положении населения в занятиях и отраслях народного хозяйства. Сельское население в профессиональном плане классифицировать затруднительно. Можно выделить небольшое количество рабочих, служащих, работников торговли, системы просвещения и др. Однако это больше социально-отраслевая структура. Профессиональная структура выступает своеобразным индикатором определенного этапа экономического развития страны, региона.

Среди сельского социума в до колхозный период в большинстве своем были хозяева и помогающие им члены семьи, члены артелей, что не позволяет выделить профессиональную структуру полностью.

В профессиональном плане, например, в конце 1920-х годов в союзной и республиканской статистике выделялись сельские жители по такой классификации. Наемные рабочие в единоличных крестьянских хозяйствах, у групп домохозяев и в сельских обществах. В 1929 г. в БССР по данным официальной статистики к таким годовым, сроком и помесечным наемным рабочим было отнесено 22,8 тыс. пастухов и подпасков, 12,5 тыс. полевых рабочих, 1,1 тыс. кустарей, 3,2 тыс. нянь. Число поденных рабочих в индивидуальных хозяйствах увеличилось с 146 тыс. в 1927 г. до 208 тыс. в 1929 г. [6, с. 75].

Индустриализация и коллективизация коренным образом изменили отраслевую структуру народного хозяйства БССР, что в свою очередь привело к изменению социального облика сельских поселений Гомельщины и Мозырщины, как и других регионов республики. Это хорошо видно из данных таблицы 1 [3, л. 45; 5, л. 42].

Более низкий уровень грамотности и образования сельских женщин, традиционное деление сфер занятости по гендерному признаку обусловили значительное (в 3–4 раза) преобладание мужчин среди служащих села. Вовлечение женщин в овладение мужскими профессиями на селе (трактористы, комбайнеры и другие технические специальности) привело к тому, что женщин-трактористов было примерно столько или даже больше, сколько агрономов и бригадиров полеводческих бригад вместе взятых. Например, в Гомельской области соответственно 174 и 153 женщин. В указанных областях агрономов мужчин было в 3–5 раз больше, чем агрономов женщин, а бригадиров полеводческих бригад в 30–40 раз больше мужчин, чем женщин. Зато среди занятых сельскохозяйственным трудом без обозначения специальности (так в документах переписи 1939 г.) женщин было в 2 раза больше, чем мужчин [3, л. 18; 5, л. 19].

Таблица 1 – Отраслевой состав занятого сельского населения в 1939 г. (абс. и %)

Пол	Гомельская область (все сельское население)										Итого:	
	Лесное хозяйство	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкоммухоз	Госучреждения	Здравоохранение	Просвещение, наука, искусство, печать		Не распределено по отраслям народного хозяйства
Абс.	3 201	248 839	18 143	9 391	7 867	3 638	533	6 378	1 719	2 444	22 509	324 662
%%	1,0	76,6	5,6	2,9	2,4	1,1	0,2	2,0	0,5	0,8	6,9	100,0
Гомельская область (белорусы в составе сельского населения, %%)												
м	1,9	73,4	7,9	4,8	4,4	1,6	0,2	1,3	0,3	2,3	1,9	100
ж	0,1	92,3	3,1	0,3	0,7	0,5	0,1	0,2	0,7	1,7	0,3	100
Полеская область (все сельское население)												
Абс.	8 261	246 678	9 553	6 316	4 347	3 699	444	5 713	1 199	2 610	21 680	310 400
%%	2,7	79,5	3,1	2,0	1,4	1,2	0,1	1,8	0,4	0,8	7,0	100,0
Полеская область (белорусы в составе сельского населения, %%)												
м	5,45	76,26	4,47	3,67	2,55	1,66	0,15	1,45	0,22	2,21	1,91	100
ж	0,18	94,77	1,35	0,23	0,37	0,44	0,11	0,18	0,53	1,37	0,47	100

В таблице 2 [3, л. 15–18; 5, л. 16–19] нами представлены данные о наиболее распространенных профессиях среди жителей села в конце 1930-х годов.

Таблица 2 – Профессиональный состав сельского населения в 1939 г.

Профессии	Гомельская область			Полесская область		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
1	2	3	4	5	6	7
Инженеры	27	2	29	36	4	40
Агрономы	117	33	150	112	25	137
Ветеринарные врачи	24	5	29	19	2	21
Землемеры, землеустроители	31	1	32	30	1	31
Техники	170	19	189	124	7	131
Зоотехники	99	28	127	94	35	129
Агротехники	22	1	23	33	9	42
Ветфельдшеры, веттехники	289	17	306	234	8	242
Кинемеханики	63	1	64	61	–	61
Врачи	32	29	61	14	39	53
Зубные врачи	2	26	28	5	31	36
Фельдшера и акушерки	141	246	387	145	233	378
Сестры медицинские	1	168	169	2	83	85
Санитары, сиделки, няни	35	398	433	12	456	468
Учителя и зав. начшколами	2 326	1 771	4 097	2139	1438	3577
Зав. и библиотекарки	8	22	30	24	31	55
Зав. ДК, клубами, избачи	192	42	234	216	38	254
Работники связи	695	344	1 039	693	384	1 077
Продавцы	1 125	308	1 433	544	193	737
Экономисты	21	4	25	20	4	24
Бухгалтера	771	90	861	730	96	826
Счетоводы колхозов	1 148	118	1 266	1 301	145	1 446
Прочие счетоводы	291	154	445	371	112	483
Статистики	71	22	93	76	25	101
Кассиры	175	81	256	120	52	172

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7
Кладовщики, приемщики	1 661	114	1 775	1 458	57	1515
Пожарные	1 393	1	1 394	801	3	804
Заведующие фермами	1 009	137	1 146	1 024	86	1 110
Бригадиры*	4 173	134	4 307	3 691	64	3 755
Звеньевые	5	38	43	39	326	365
Трактористы	1 658	160	1813	1 166	102	1 268
Комбайнеры	82	23	105	36	12	48
Работники машин*	72	1	73	72	–	72
Скотники, конюхи, доярки	8 400	4 756	13 153	9 222	5 281	14 503
Садовники, огородники	191	49	240	140	58	198
Гуртоправы, пастухи, чабаны	2 091	119	2 210	3 003	240	3 243
Без специальности, абс.	72 507	135 053	207 560	71 563	133 526	205 089
Лесное хозяйство	1 913	146	2 059	2 754	107	2 861
Рыбоводство	160	10	170	194	1	195
Примечание: *) – тракторных, полеводческих, животноводческих бригад и прочие; **) – работники по обслуживанию сельхозмашин и силовых установок.						

Из документов переписи нами выявлено, что городское, сельское и все население распределялось по занятиям и общественным группам. Мы обозначили это как профессии и условно выделили три основные группы. Очевидным являлось то, что специалистов в сельском хозяйстве явно не хватало. Их расчета на 1 000 работников занятых в сельском хозяйстве Гомельской и Полесской областей приходилось 6 человек специалистов 9 механизаторов (трактористов, комбайнеров, работников по обслуживанию сельхозмашин и силовых установок). Лиц, занятых селекционной работой в животноводстве, огородничестве и с зерновыми культурами, в Гомельской и Полесской областях вообще не было. На наш взгляд, о широкомасштабной технической модернизации в аграрном секторе экономики региона нет основания говорить.

Перепись установила, что абсолютное большинство занятых в сельском хозяйстве указали в качестве занятия «сельское хозяйство» без

обозначения специальности (так в документах). Подсчеты по таблице 2 показали, что в Гомельской области на это указали 67,6 % мужчин и 95,4 % женщин, а в Полесской – соответственно 79,4 % и 95,5 %. Образно выражаясь, основной крестьянской профессией была «куда пошлют», а остальные профессии – это начало модернизации.

Помимо профессионального состава распределено по общественным группам и отраслям в архивных документах выявлены две группы профессии среди занятого городского и сельского населения. Первая – это «прочие занятия служащих». В эту группу включены: 1) управдомами; 2) кладовщики, приемщики, раздатчики, весовщики; 3) парикмахеры, фотографы; 4) агенты и экспедиторы; 5) пожарные. В Гомельской области среди жителей села таких служащих насчитывалось 3 551 человек, из которых 50 % составляли кладовщики, 39,3 % – пожарные и 9,6 % – экспедиторы [3, л. 17]. Функциональные обязанности многих служащих села не следует относить к руководящему / чиновничьему аппарату, а, следовательно, отказаться от стереотипа засилья или большого числа бюрократического аппарата.

Вторая группа – это «прочие занятия рабочих». В этой группе оказались: браковщики, сортировщики, фасовщики, упаковщики, смазчики, мойщики, подносчики, прачки, вахтеры, сторожа, дворники, уборщицы помещений, истопники, курьеры, домработницы и др. (порядок перечисления сохранен по документам). В Гомельской области таких рабочих оказалось 11 324 чел., но абсолютное большинство среди них составляли вахтеры и сторожа – 65,6 %, уборщицы – 14,4 %, подносчики – 4,1 %, сортировщики – 3,3 %, домработницы – 3,0 %) [3, л. 22]. Как видим, вахтеры, сторожа и уборщицы составляли до 80 % таких рабочих.

Эта категория рабочих указана и в составе городского населения, но общая их численность было в 1,5–2 раза меньше, из-за значительно большего количества (в 3–4 раза) сторожей на селе. Отнесение/причисление лиц с этими занятиями к категории рабочих искусственно увеличивала численность рабочего класса, особенно среди жителей деревни. Большинство из групп прочие служащие и рабочие, на наш взгляд, являлись обслуживающим персоналом.

Социально-профессиональный состав сельского населения в этнокультурном и демографическом измерении требует специального исследования. В национальном разрезе выявлены данные только по белорусам по всему занятому населению, без разделения на городское и сельское. Так, нами установлено, что доля белорусов среди руководящего состава

Гомельской области составляла 56,7 %, агрономов соответственно – 67,7 % инженеров – 32,0 %, техников – 54,0 %, врачей – 30,3 %, медсестер – 59,1 % культпросветработников – 71,8 %, учителей – 76,3 %, библиотекарей – 38,5 %, работников торговли – 42,1 %, бухгалтеры – 54,0 %, экономисты 40,0 %, работников делопроизводства – 55,5 %, а среди работников сельского хозяйства – 96,4 % [3, л. 35–37].

В 20–30-е годы XX в. экономика региона оставалась преимущественно аграрной. На наш взгляд, говорить о широкомасштабной модернизации отраслей аграрного сектора экономики нет оснований. В 1939 г. абсолютное большинство сельского населения было занято в аграрном секторе экономики и лесном хозяйстве. Более 80 % из них выполняли работы, которые не требовали специальной и профессиональной подготовки, т.е. связанные с тяжелым физическим трудом. Это свидетельствует о том, что модернизационные процессы в аграрном секторе экономики только получали развитие как в обозначенном регионе, так и во всей республике, которая оставалась аграрной, вступала на путь индустриального развития. Механизация в сельском хозяйстве оставалась еще очень низкой. Установлено, что в сельском социуме увеличивалось количество лиц, получившие профессии и специальности, связанные с культурно-просветительной деятельностью, работой в здравоохранении, сферой обслуживания и др. В пересчете на 1 000 населения потребность на селе в агрономических, ветеринарных, экономических, инженерно-технических, механизаторских кадрах, специалистах системы здравоохранения, просвещения, обслуживания еще требовала значительного увеличения.

Список использованных источников и литературы

1. Беларусізацыя. 1920-я гады: Дак. і мат. / Пад агульн. рэд. Р. П. Платонава і У. К. Коршука. – Мінск : БДУ, 2001. – 270 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. XXVII. БССР. Отд. II. Занятия. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 156 с.
3. Гомельская область / Российский государственный архив экономики (РГАЭ).– Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376.
4. Национальная политика ВКП (б) в цифрах. – М. : Изд-во Комкадемии, 1930. – 407с.
5. Полесская область / РГАЭ / – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 380.
6. Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг. / Под ред. Я. М. Бинемана. – М. : Планхозгиз, 1930. – 214 с.

А. О. Степура

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ И ПОИСКОВЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНТОВ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Гражданско-патриотическое воспитание молодого поколения было и остается важной актуальной проблемой для нашей республики. Формирования чувства патриотизма и причастности к родному государству происходит на пути всего процесса социализации личности.

Наличие нормативно-правового обеспечения – важнейшее условие организации патриотического воспитания детей и учащейся молодежи, основу которого составляют: Конституция Республики Беларусь, Законы «Об образовании», «Об основах государственной молодежной политики», президентские программы «Молодежь Беларуси», «Дети Беларуси», Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 гг., Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. и др.

Одной из ключевых задач, сформированной нормативно-правовой документацией Республики Беларусь, является осознание обучающимися ответственности за судьбу страны, гордости за сопричастность к деяниям своих предков, формированию ценностного отношения к Родине, понимания важности сохранности исторической памяти, особенно о событиях Великой Отечественной войны, жертвах и героизме соотечественников [2].

Основополагающей частью патриотического воспитания современного поколения является коллективная память белорусского народа, неотъемлемой составляющей которой является память о Великой Отечественной войне [3].

Данная проблематика находит отражение в деятельности краеведческих и поисковых объединений учащихся и студентов по увековечению памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь. Поисково-исследовательская работа является одним из важнейших инструментов патриотического воспитания молодежи. Она помогает нам почувствовать неразрывную связь с предшествующими поколениями, изучить свои корни, осознать причастность каждой семьи к историческим событиям страны.

Во всех регионах нашей страны функционируют поисковые отряды, клубы, группы, которые создаются на базе музеев учреждений образований, научных объединений учащихся по изучению истории Великой Отечественной войны.

Примеры активных поисковых объединений можно выделить в каждом регионе. Поисковый отряд «Обелиск» Центра туризма, краеведения и экскурсий детей и молодёжи г. Бобруйска в Могилевской области проводит для учащихся ежегодные Вахты Памяти. Руководители объединений «Следопыт» и «Поиск» СШ № 1 г. Полоцка систематически проводят работу по поиску захоронений и установлению имен погибших солдат периода Великой Отечественной войны. Комплексную поисковую работу проводят поисковой клуб Гомельского кадетского училища «Алые погоны» и клуб военно-исторической реконструкции «Память» и музей «Воинской доблести» Гомельского автомеханического колледжа. Масштабную поисковую деятельность организует Витебское молодежное общественное объединение военно-патриотический клуб «ПОИСК», входящий в состав Международной ассоциации поисковых общественных объединений «Народная Память о защитниках Отечества» [1, 4].

В рамках поисковых работ учащимся удастся поработать с архивами учреждений Республики Беларусь и зарубежья, со сведениями, представленными на сайте ОБД «Мемориал», «Подвиг народа», тематическими сайтами и другими информационными ресурсами, проводить поисковые экспедиции и походы.

Результаты проделанной деятельности таких поисковых объединений вносят значительный вклад в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Все собранные данные: выявленные неучтенные захоронения, установленные имена погибших и другая информация передается в районные военные комиссариаты.

Стоит отметить, что приобщению детей и молодёжи к работе краеведческих и поисковых объединений способствуют и долгосрочные республиканские проекты, имеющие патриотическую направленность.

«Собери Беларусь в своём сердце» - значимый, долгосрочный, республиканский проект патриотической направленности, который реализуется в нашей стране еще с 2016 года, или краеведческий проект «Я гэты край Радзімаю заву», проводимый в учреждениях образования с 2019 года.

Мероприятия республиканской акции «Их подвиг в памяти потомков сохраним» составляют основу патриотического воспитания нового поколения.

Большую активность вызвал проект «Звездочка на карте районе», начатый в рамках акции «Великой победе – 75!». Результатом проекта стало создание более 250 интерактивных карт, которые позволяют в онлайн-режиме установить местоположение объекта на территории конкретного региона, его описание, с указанием численности и списка захороненных.

Использование потенциала музейной педагогики является важной составляющей по патриотическому воспитанию в учреждениях образования. 7 % из общего количества музеев учреждений образования являются музеи военно-исторического профиля. Также стоит отметить, что практически каждый музей имеет постоянную экспозицию, которая отражает события периода Великой Отечественной войны.

Огромным ресурсом патриотического воспитания подрастающего поколения являются республиканские профильные лагеря и слеты военно-патриотической, краеведческой и поисковой направленности. На протяжении более 20 лет в межведомственном сотрудничестве с Министерством обороны Республики Беларусь проводятся республиканские лагеря и слеты военно-патриотического направления, в том числе на базе воинских частей. Проведение тематических конкурсов, конференций, мастер-классов, обучающих тренингов, встреч с ветеранами войны – лишь часть практической составляющей лагерей и слетов.

Таким образом, поисково-краеведческая работа – это не просто эффективный способ воспитания чувства гордости и патриотизма у современного поколения, а возможность практического приобщения обучающегося к становлению истории своей страны и своего будущего.

Список использованных источников и литературы

1. «Пошук» і патрыятычнае выхаванне : метаад. дапам. / Аб'яд-не па арг. пазашк. выхав. работы Упр. адукацыі Магілёўс. аблвыканкама, Магілёўс. абл. цэнтр турызму, краязнаўства і экскурсій ; распрац., склаў і падрыхт. да друку М. Барысенка. – Магілёў, 2000. – 87 с.

2. Об утверждении Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи : Постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., No 82 // Документы Министерства образования Республики Беларусь. Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» [Электронный ресурс]. –2011–2021. – Режим доступа: <http://www.brsu.by/div/dokumenty-ministerstva-obrazovaniya-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 31.05.2021.

3. Об утверждении Программы непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. : Постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 31 декабря 2020 г., № 312 // Минский городской методический портал [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://mp.minsk.edu.by/main.aspx?guid=6581>. – Дата доступа: 31.05.2021.

4. Савчук, Т. П. Увековечение памяти о событиях Великой Отечественной войны на территории Витебской области (втор. пол. 1940-х – 1980-е гг.) / Т. П. Савчук // Віцебшчына ў 1941–1944 гг. : супраціў, вызваленне, памяць : матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 18–19 чэрвеня 2009 г. / рэдкал.: В. У. Акуневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск, 2009. – С. 269–273.

С. И. Тыкун

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКИХ И ПИОНЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГОМЕЛЯ В ПРЕДДВЕРИИ 30-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Изучение деятельности пионерских и комсомольских организаций, является важным направлением в осмыслении, как истории самого Советского Союза, так и тех идеологических установок, которые были актуальны для государственной политики на тот момент. С точки зрения социокультурного анализа, изучение пионерского и комсомольского движений позволяет понять, какие формы социальной организации были созданы для молодежи, как они влияли на социализацию, формирование и поддержание идеологических и моральных норм, а также какие основные направления деятельности в работе с молодежью выделяло для себя государство. Республике Беларусь досталось довольно серьезное документальное наследие, в виде отчетов, докладов, планов идеологической работы и т. д. о деятельности данных структур, которые ждут еще своего осмысления.

Если говорить о комсомольских и пионерских структурах, которые также были широко представлены в г. Гомель, то на них возлагалась серьезная ответственность за патриотическое воспитание детей и молодежи. Одним из ключевых событий, к которому коммунистическая партия пыталась приурочить деятельность этих организаций и максимально активизировать, становились юбилеи победы в Великой Отечественной войне. Подготовка к празднику 9 мая 1975 г. занимала

особое место в плане работы секции по идейно-политическому воспитанию районных комсомольских и пионерских организаций. Так пунктом 5 годового плана работы пионерских организаций подразумевалось «организовать в пионерских дружинах митинги, встречи с ветеранами войны в честь 30-летия Победы Советского народа над фашистской Германией», а пунктом 6 «организовать пионерские посты в праздник Победы у священных мест Советского народа». Однако такой деятельности предшествовала серьезная работа по другим направлениям, которые являлись не менее значимыми [1, л. 3].

Так, во всех учреждениях образования проводились месячники оборонно-массовой работы, посвященные 57-й годовщине Советской армии, без которой не было бы никакой Победы, сами месячники включали в себя лекционные курсы, подготовку индивидуальных проектов о героях Советской армии и т. д. Из этого месячника, который проходил обычно в январе – феврале, вытекала и деятельность по проведению недели памяти юного героя антифашиста [1, л. 3].

Одним из ключевых направлений деятельности оставалась адресная помощь ветеранам, людям пострадавшим от войны или семьям погибших, героев. 42 тимуровских команды насчитывающие 841 участника только в Железнодорожном районе г. Гомель оказали шефскую помощь 51 семье инвалидов и погибших в Великой Отечественной войне. Помощь оказывалась как финансовая, так и физическая (мылись полы, убирались огороды и т. д.). Например, тимуровская команда СШ №12 7 «В» класса помогла Подкопаевой Прасковье Ивановне, Подкопаевой Марии Андреевне, которая потеряла мужа и сына на войне, добились ей пенсии в 29 рублей, также помощь оказана Подкопаевой Александре Андреевне, которая потеряла троих сыновей в годы войны [2, л. 15–16]. Штаб тимуровской команды СШ № 5 действовал в районе ул. Победы, Ветковская, Артиллерийская, Сазонова, помощь оказана Анапрейчик П. Г., Азаровой Е.Ф., Алексеевой А.А., семьям Сибирак и Зинович, тимуровская команда СШ № 25 4 «А» класса, была закреплена за Мартинайтес Марией Никифоровной [1, л. 37–40]. Вместе с тем наблюдался и отклик в работе с молодежью от ветеранов, так к данной деятельности было привлечено более 70 ветеранов войны и труда, деятельность которых координировал Совет ветеранов г. Гомеля. Участники Великой Отечественной войны выступали перед молодежью с лекциями, на пионерских и комсомольских собраниях, а также с наказами во время проводов в Советскую армию на предприятиях [1, л. 30–32].

Была организована деятельность красных следопытов, работу которых на юбилейных год регламентировали постановления Советов

пионерских организаций, например для НСШ-9 и НСШ-14 от 30 января 1975 г., а для комсомольских структур постановлениями районных комсомольских организаций. В их обязанности входило: поиск участников Великой Отечественной войны в рамках операции «Долг», запись их воспоминаний и создание фотокарточек, шефство над инвалидами [3, с. 351]. В этот год проводилась совместная деятельность с музеем Советской армии по установлению имен девушек-зенитчиц служивших в Гомеле, сбор информации о деятельности партизанского отряда Ильи Павловича Кожара на Гомельщине, а СШ №25 вела деятельность по поиску материала о Герое Советского Союза Б. Царикове. В результате поисковой деятельности было найдено 385 ветеранов войны, а в школе № 37 создан зал боевой славы, который постоянно пополнялся новыми героями, созданы стенды в учреждениях образования о героях Советского Союза уроженцев Гомельщины, о пионерах-героях оформлены альбомы «Герои пламенных лет», «Советская армия – освободительница», «Слава героям Ленинграда», «Слава героям Сталинграда», создан альбом о местах увековечивания всех жертв фашизма, отдельно создан альбом о Галине Докутович – штурмане 46-го гвардейского легкобомбардировочного ночного авиационного полка, а в школе-интернат №2 была написана большая рукописная книга о истории Советской армии, участие в написании которой принимали многие комсомольские и пионерские отряды города, сама книга писалась по разделам: армия-верна ленинизму, этим гордится флот, Советская армия и военно-морской флот в годы Великой Отечественной войны, герои Гражданской войны, герои Отечественной войны, боевые награды Родины [2, л. 4].

Отдельно необходимо отметить туристическую деятельность, которая в первую очередь связана с местами боевой и трудовой славы Гомельщины, посещенные мемориалов в данных населенных пунктах стало обязательным. Можно выделить два основных направления это:

- 1) г. п. Костюковка – д. Октябрь – г. п. Корма – д. Литвиновичи – д. Довск – г. Рогачев – г. Жлобин – г. Речица – г. Гомель – г. п. Костюковка;
- 2) г. п. Костюковка – г. Гомель – г. Речица – г. п. Костюковка.

Деятельность комсомольских организация сосредотачивалась в основном вокруг увековечивания памяти о погибших героях, так например, комсомольской организацией завода «Гомсельмаш» было решено воздвигнуть памятник ста погибшим сельмашевцам, за средства заработанные в нерабочее время [4, с. 376].

Особую значимость имело принятие клятвы на верность делу отцов, которую принимали пионеры и комсомольцы:

«Отсюда с Гомельщины, уходили наши отцы на смертный бой.
К подножию Мавзолея были брошены знамена поверженного фашизма.

Святостью братских могил
сединами матерей и бабушек наших
радостью победы
КЛЯНЕМСЯ
Быть достойными бессмертия отцов
и по первой тревоге
под овеянными славой знаменами
пойти в бой и победить» [2, л. 7].

Продолжалось активное вовлечение учащих в олимпиадное движение, в том числе по темам связанных с Великой Отечественной войной, организовывались научные семинары, а также уголки по интересам.

Таким образом, подготовка комсомольских и пионерских организация к 30-летней годовщине победы в Великой Отечественной войне в г. Гомель шла довольно активна, продолжали действовать стандартные формы патриотического воспитания молодежи, но к юбилею появились новые направления работы, связанные в первую очередь с адресной помощью ветеранам войны. 70 % пионеров было охвачено пионерскими поручениями [1, л. 36]. Данная практика свидетельствует о активном вовлечении детей и молодежи в общественно полезный труд по увековечиванию памяти о подвиге Советского солдата и труженика тыла во времена Великой Отечественной войны.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 12. Оп. 24. Д. 12. Л. 3–40.
2. ГАООГО. – Ф. 12. Оп. 24. Д. 16. Л. 4–16.
3. Белорусская ССР. Краткая энциклопедия : в 5 т. / редкол. П. Бровка (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Главная редакция Белорусской советской энциклопедии, 1979–1982. – Т. 1 : История. Общественный и государственный строй. Законодательство и право. Административно-территориальное устройство. Населенные пункты. Международные связи / П. Бровка (гл. ред.) [и др.]. – 1979. – 767 с.
4. Очерки истории Ленинского комсомола Белоруссии / Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Фил. ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1975. – 534 с.

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГУБЕРНСКОГО ГРОДНО В XIX ВЕКЕ

Город Гродно как административно-территориальная единица исторически складывался постепенно, начиная с XII века. Но только в XIX в. Гродненская губерния начинает выделяться своими внутренними региональными особенностями. Длительное господство католической церкви и ополячивание местного населения, популярность униатской церкви как компромисса католической и православной церквей, борьба белорусов за сохранение своей православной веры, многочисленное еврейское население – все это предопределило своеобразие культурного развития Гродно в XIX веке.

Культурные возможности городов Российской империи в XIX в. зависели от культурно-образовательных учреждений. В обычных губернских городах, к числу которых принадлежал и Гродно, были начальные школы, гимназия, несколько частных учебных заведений, библиотека, театр.

Учебные заведения составляли образовательную основу культурного пространства Гродно. После 1812 г. в западных губерниях вопросами образования ведал А. Чарторыйский. Все обучение велось на польском языке. Что касается русского языка, то он изучался как иностранный и по желанию учащихся, в результате чего молодежь после окончания учебных заведений его почти не знала.

В 1817 г. в Гродно существовало две начальные школы, которые находились под контролем Виленского университета. Одна из них размещалась при евангельско-лютеранской церкви, а другая – при костеле, где образование занималось католическое духовенство. В гродненском народном училище, которое находилось под руководством монахов доминиканцев, получали образование 302 учащихся [1, с. 182–183].

В 1800 г. в Гродно из Шклова был переведен кадетский корпус, основанный генералом Зоричем еще в 1788 г. Гродненский кадетский корпус оказался одним из пяти военных училищ России начала XIX в., дававших воспитанникам общеобразовательную и военную подготовку [2].

Далеко не сразу губернский Гродно обзавелся гимназией. Только в 1825 году здесь была создана Доминиканская мужская гимназия [3, с. 287]. После польского восстания 1830-1831 г. и ликвидации Виленского учебного округа в ее здании была открыта мужская гимназия, которая постепенно превращается в главное учебное заве-

дение города с богатой библиотекой. Но, как и прежде, основу учеников гимназии составляли дети священников, высших чиновников, офицеров польского и русского происхождения.

Российские власти особое внимание обратили на язык обучения. В 1838 г. преподавание на польском языке было запрещено, а главное внимание обращалось непосредственно на изучение русского языка, чистописания и словесности [4, с. 193]. После подавления восстания 1863–1864 гг. школы Гродно, входившие в состав Гродненской дирекции народных училищ, работали на основании особых положений, которые не распространялись на остальные губернии России.

Более того, многолетнее доминирование в начальной школе польского языка заставило царскую администрацию в 60-е годы XIX в. пойти на эксперимент по введению в практику преподавания местных «наречий», которые в то время не имели, естественно, никакой кодификации. Была даже сделана попытка печатания учебных книг на «белорусском наречии», дающих весьма наглядное представление о явном признании и даже подчеркивании этнических особенностей белорусов [5, с. 52]

С целью «доставить лицам среднего сословия ... средства давать дочерям своим образование, соответственное их быту и способствующее развитию понятий о назначении женщины» в 1862 г. была открыта Гродненская женская гимназия на базе женского семиклассного училища [6, с. 37]. Гродненская мужская гимназия в 1865 г. была переведена на Устав 1864 г. и преобразована в классическую с двумя древними языками. Гимназия стала и научно-методическим центром города.

17 апреля 1890 г. в Гродно было торжественно открыто Александровское ремесленное училище. В 1892 г. в Гродно открылась женская воскресная школа, курс обучения в которой был схож с программой начальных народных училищ.

Отдельно следует отметить существование в Гродно еврейских учебных заведений (хедеры, талмуд-торы и иешивы), так как численность евреев в Гродно была большая. В 1865 г. еврейские школы были преобразованы в русские еврейские народные школы. Часть еврейской молодежи, особенно выходцев из зажиточных кругов, стремясь получить светское среднее образование, поступала в гимназии города. В гродненской мужской гимназии в 1876 г. обучалось 104 еврея (36,36 %). Эта была самая значительная после православных (106 чел.) религиозная группа. Таким образом, школа была первым и важнейшим фактором создания городской культурной среды.

Из привычных средств культурной информации значительная роль в формировании культурной среды Гродно принадлежала периодическим изданиям и новым типам книжной продукции. Мода на все

«национальное» в первой половине XIX в. вызвала повышенный интерес к «вестям с мест». Местная периодическая печать внесла значительный вклад в просветительство и воспитание вкуса к общественной деятельности. С 1820 по 1915 годы в Гродно действовала губернская типография, в которой в первую очередь издавались официальные материалы правительства и губернских учреждений. В типографии печатались: газета «Гродненские губернские ведомости» (1838–1915 гг.), периодические издания губернского статистического комитета «Памятная книжка Гродненской губернии» (1857–1914 гг.), «Обзор Гродненской губернии» (1880–1914 гг.), научная, церковная и художественная литература [7, с. 146]. К началу XX в. издательское дело в Гродно приобретало черты бизнеса, не потеряв при этом своих просветительских функций.

Общественная активность, сформированная эпохой либеральных реформ, требовала публичности, т. е. возможности обсуждать государственные вопросы в печати, в открытых дискуссиях, общественных собраниях. В 1882 г. в Гродно стала издаваться газета «Торговый Вестник Западного края», которая выходила 3 раза в неделю. Издание просуществовало всего 5 месяцев, но привлекло внимание гродненской общественности, оно затрагивало повседневные стороны городской жизни и края, и даже вступило в полемику с журналом «Новое время», уделявшим ей подчас внимание.

В инфраструктуре местного культурного мира особое место принадлежит первой публичной библиотеке (ныне областная библиотека им. Е. Ф. Карского), открытой в 1830 году и сыгравшей значительную роль в формировании культурной среды Гродно. Основу городской библиотеки составили добровольные пожертвования дворян города. Библиотека получала и журналы, которые были разрешены Министерством народного просвещения России.

Каждая эпоха культуры имеет собственную характеристику и, следовательно, определенный тип личности, который служит эталонным поведением. Понятие «культурный герой» или «культурный тип» впервые использовал В. О. Ключевский для классификации постпросвещенческого общества. Выдающийся историк особо выделял образованного человека «новиковского направления», т. е. убежденного просветителя по типу поведения, который готов начать дело, с черновых, вспомогательных средств просвещения. Благодаря таким людям губернский Гродно к концу XIX в. стал своего рода центром развития белорусской истории, этнографии и фольклористики.

В 1867–1873 гг. в Гродно жил и работал собиратель и исследователь белорусского фольклора М. А. Дмитриев. В 1894 г. в «Гродненских губернских ведомостях» была напечатана одна из первых рецензий на сборник Ф. Богушевича «Дудка белорусская» этнографом и фольклористом Е. Ф. Романовым, который жил и в Гродно с 1890 г. В губернском Гродно раскрылся талант ученого-историка и педагога Е. Ф. Орловского. Его перу принадлежат более 20 научных работ по истории Гродненщины, и каждая из них проникнута стремлением донести историю родного края потомкам. Труды историка ценны тем, что в них содержится не только богатейший фактический материал, но и с позиции своего времени даются анализ и оценки событий и фактов из истории Гродненщины. С Гродненской публичной библиотекой были тесно связаны жизнь и деятельность отца знаменитого белорусского поэта Максима Богдановича Адама Егоровича.

Несмотря на жесткие цензурные правила, в культурном и просветительском движении уже участвовала местная общественность, в первую очередь интеллигенция. Это повышало общий «уровень цивилизованности», увеличивало аудиторию потребителей культуры, изменяло целое поколение людей.

В июне 1802 г. Гродно получил устойчивую антрепризу – первый постоянный польский театр. Соломея Дэшнер добилась от городских властей разрешения на право 10-летней аренды здания гродненского театра. У С. Дэшнер был опыт работы на столичной и провинциальных сценах, богатый репертуар [8].

После распада театра С. Дэшнер в 1809 г. в Гродно выступали многочисленные и небольшие по составу театральные коллективы. Гастроли труппы витебского дворянина актера Викентия Вержбицкого (97 пьес) пришлось на период после восстания 1830–1831 гг. во время усиления цензурных преград [9].

В 30-е годы XIX в. театральные вкусы и пристрастия гродненцев формировали австрийцы, а также итальянцы. В памяти гродненских зрителей осталась танцовщица Мануэли. В 1840 г. Гродно навестила труппа Гурской из Украины. Известно также, что в 1842 г. город посетили первые испанские танцовщики Королевского театра в Мадриде Г. Камруби и Мануэли. Среди театральных коллективов, выступавших в Гродно в первой половине XIX в., особое место принадлежит труппе Карла Вильгельма фон Шмидгафа. Известный деятель немецкого, а потом польского, а позже и русского театра, К. Шмидгаф был родоначальником многочисленной семьи русских актеров Шмидгаф (Шмиткау) [10].

Если в первой половине XIX в. пьесы заграничных авторов составляли основу репертуара, то в второй половине XIX в. они становятся интересным дополнением к разнообразному русскому репертуару. Сценическое искусство известных русских, а также польских, украинских и других театральных трупп в Гродно содействовало повышению профессионального мастерства местных театральных коллективов. Исчезали привычные психологические и моральные границы, ставились под сомнение сословные нормы. Театр пробуждал и развивал у зрителя социально-активное отношение к действительности.

Общий результат культурного развития Гродно в XIX веке можно определить как создание необходимой духовной атмосферы для полноценной жизни рядового жителя губернского города. Постоянный «культурный водоворот» между социальными слоями, регионами, национальностями на примере губернского Гродно не только не растворил белорусскую национальную культуру в общероссийской, но и содействовал ее обогащению и дальнейшему развитию.

Список использованных источников и литературы

1. Бобровский, П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба / П. Бобровский. Гродненская губерния : В 2 ч. – СПб., 1863. – Часть 2. – 493 с.

2. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ г. Гродно). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 340. Л. 1.

3. Швед, В. В. Роля адукацыі ў русіфікацыі і паланізацыі моладзі зямель Беларусі ў 1772–1863 гг. / В. В. Швед // Шлях да ўзаемнасці. Матэрыялы VIII міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Гродна : ГрДУ, 2001. – С. 287–298.

4. Орловский, Е. Ф. Гродненская старина / Е. Ф. Орловский. – Гродно : Гродненская губернская типография, 1910. – 238 с., 344 с.

5. Улейчик, Н. Л. Этногенез и этническая история Гродненского Понеманья / Н. Л. Улейчик // Этнокультурные процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем / А.Вл. Гурко [и др.]; редкол.: А. Викт. Гурко, Л. В. Ракова, А. Вл. Гурко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и лит. – Минск : Беларус. навука, 2014. – С. 8–101.

6. Орловский, Е. Ф. К истории народного образования в Гродненской губернии / Е. Ф. Орловский. – Гродно, 1899. – 57 с.

7. Гродно : Энциклопедический справочник. – Минск : БСЭ, 1988. – 440 с.

8. Храброва, Ф. Из прошлого театральной жизни г. Гродно: по материалам гродненского филиала ЦГИА БССР // Гродненская правда. – 1956. – 9 марта. – С. 13 – 15.

9. НИАБ г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 23. Д. 420. Л. 8; Ф. 1. Оп. 10 Д. 514. Л. 32.

10. НИАБ г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 20. Д. 879. Л. 57–59.

С. В. Хамутовская

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В «ЗЕРКАЛЕ» ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Государственность как государственное устройство общества подразумевает наличие ряда признаков, к главным из которых относятся: «использование официального государственного языка (языков), государственной символики (герб, гимн, флаг), наличие определенной системы органов власти (государственного аппарата), формы правления (монархия, президентская республика, парламентская республика), формы территориального устройства (унитарное государство, федерация, конфедерация), формы политического режима (демократический, авторитарный, военный, гражданский, теократический и др.)» [1, с. 69]. С учетом многовековой истории развития белорусской государственности, Конституция Республики Беларусь закрепляет статус страны как унитарного демократического социального правового государства, которое обладает «верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику» [2], «защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок» [2]. При этом является актуальным выявление того, каким образом в восприятии населения как единственного источника государственной власти отражаются основные из вышеперечисленных признаков белорусской государственности как выражения способности не только обеспечивать суверенитет, права и свободы граждан, но, прежде всего, осуществлять консолидацию общества.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного государственным научным учреждением «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (Институт социологии НАН Беларуси) в июле-августе 2023 года (исследование осуществлялось в пределах республики; объем выборки, необходимый для достижения

целей исследования, составил 1863 респондента), среди опрошенных не наблюдалось единства взглядов относительно периода, который можно считать началом истории белорусской государственности: 17 % в качестве такового указали «Белорусская Народная Республика (БНР) (1918 г.)», 15,7 % – «Республика Беларусь (1991 г. – наст. время)», 12,4 % – «Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) (1919–1991 гг.)», 11,6 % – «Период раннесредневековых княжеств (Полоцкого, Туровского и т.д.) (IX–XIII вв.)», 10,8 % – «Великое Княжество Литовское (ВКЛ) (XIII–XVI вв.)». Всего лишь 2,6 % и 2,3 % выбрали соответственно варианты ответов «Речь Посполитая (1569–1795 гг.)» и «Российская империя (1772–1917 гг.)». Примерно одна четвертая часть респондентов (25,5 %) ответить на данный вопрос затруднились.

В качестве ключевых атрибутов белорусской государственности более половины опрошенных назвали Конституцию Республики Беларусь (51,9 %) и герб (50,2 %), немногим менее половины – гимн (43,5 %) и флаг (43,2 %) Республики Беларусь. Важное значение имел также Президент нашей страны как символ белорусской государственности. Кроме того, были отмечены: Всебелорусское народное собрание, Национальное собрание Республики Беларусь и Совет министров Республики Беларусь.

Ответы респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, является главным национальным символом Беларуси?» распределились следующим образом (по мере убывания):

- государственная символика Республики Беларусь (герб, гимн, флаг) (68,3);
- народные символы (аист, зубр, василек и т. д.) (46,1);
- объекты культурного наследия страны (дворцы и замки, Слуцкие пояса, Беловежская пуца и т. д.) (40,7);
- белорусский язык и литература (28,6);
- памятники Великой Отечественной войны (25,2);
- историческая символика (геральдические символы, флаги и т. д.) (15,7);
- религиозные святыни (8,5);
- другое (0,4).

Традиционно важными для белорусов являлись семейные ценности, сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, природного богатства, уважительное отношение к государственному суверенитету и символикe, культурным памятникам и религиозным святыням, белорусскому языку и литературе (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Важны ли для Вас:...?», июль–август 2023 г., в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Семья и преемственность поколений	93,3	1,6	4,1
Природные достояния Республики Беларусь	91,4	2,0	5,1
Памятники Великой Отечественной войны	91,0	3,4	4,2
Культурно-исторические памятники Республики Беларусь	90,8	4,0	6,3
Государственный суверенитет	90,3	3,2	5,2
Государственная символика Республики Беларусь	86,7	6,6	5,6
Народные символы	86,2	6,4	4,1
Религиозные святыни	83,0	8,1	7,5
Белорусский язык и литература	81,6	9,8	7,6

Также следует отметить, что для опрошенных были значимыми государственные праздники, в той или иной степени отражающие особенности становления и развития белорусской государственности (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие государственные праздники Беларуси являются для Вас наиболее значимыми?», июль–август 2023 г., в % от числа опрошенных

Вариант ответа	%
День Победы (9 мая)	83,2
День Независимости Республики Беларусь (3 июля)	60,6
День Конституции Республики Беларусь (15 марта)	18,7
День единения народов Беларуси и России (2 апреля)	13,6
День народного единства (17 сентября)	9,6
День Государственного флага, Государственного герба и Государственного гимна Республики Беларусь (второе воскресенье мая)	8,1

При этом, позитивно можно оценивать тот факт, что большинство респондентов, по их собственному мнению, разделяли идейный смысл, вложенный в следующие государственные праздники: День Победы (90,6 %), День Независимости Республики Беларусь (84,1 %), День Конституции Республики Беларусь (73,5 %), День народного единства (71,5 %), День единения народов Беларуси и России (69,6 %), День Государственного флага, Государственного герба и Государственного гимна Республики Беларусь (68,4 %).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в целом для населения Республики Беларусь основные признаки белорусской государственности являются, с одной стороны, социально значимыми, а с другой субъективно важными, ценностями. При этом наибольшее внимание уделяется государственной символике (гербу, гимну, флагу) как главному национальному символу страны и атрибуту белорусской государственности. В будущем представляется целесообразным сохранять преемственность исторических и культурных традиций, учитывать национальные особенности, укреплять суверенитет с целью поддержания условий, необходимых для дальнейшей консолидации белорусского народа и обеспечения эффективного развития белорусской государственности как на современном этапе, так и в перспективе.

Список использованных источников и литературы

1. Дубенецкий, С. Ф. Государственность / С. Ф. Дубенецкий // Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Н. Данилова – Минск, 2003. – С. 69.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Пресс-служба Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа: 28.09.2023.

А. В. Худяков

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА БЕЛОРУССКОЙ ССР: ЦИКЛИЧЕСКИ-ВОЛНОВОЙ ПОДХОД

В 1938 году состоялись первые выборы в Верховный Совет Белорусской ССР. За прошедшее время его деятельность, как правило, представляла интерес для юристов и историков. Вместе с тем вопросы развития белорусского парламентаризма предполагают анализ процесса формирования и функционирования высшего законодательного органа через призму политической науки.

Конституция Белорусской ССР 1937 года определила Верховный Совет как высший орган государственной власти республики, наделенный законодательными и контрольно-распорядительными функциями. Ключевым этапом в его деятельности являлась выборная кампания, в ходе которой происходило выдвижение и избрание кан-

дидатов в депутаты. В свою очередь выборная кампания являлась одним из элементов электорального цикла, события которое повторялось с периодичностью в четыре года, а с 1975 года – пять лет.

Электоральный цикл включал четыре, разные по длительности, фазы: подъем в предвыборный период – ажиотаж (во время выборов) – постепенный спад интереса к событию – депрессия (минимальная политическая активность). Наибольшая активность избирателей приходилась на первую и, особенно, на вторую фазу цикла.

Правом на выдвижение кандидатов в депутаты наделялись партийные организации, а также профсоюзные, молодежные, творческие и иные общественные организации, зарегистрированными в установленном законом порядке.

Порядок формирования высшего органа государственной власти в целом соответствовал основным демократическим требованиям, которые предполагали периодичность, свободу волеизъявления, тайное голосование, конкуренцию. Выборы в Верховный Совет, с одной стороны, содержали элементы демократии, с другой стороны, жестко контролировались со стороны правящей партии. Только в 1989 году на основе нового закона о выборах народных депутатов СССР были проведены выборы, которые в наибольшей степени отвечали понятию «демократические».

Структура Верховного Совета воплощала собой модель белорусского общества в миниатюре, также отражала основные политические, экономические и социальные изменения. Основным принципом формирования парламента являлось квотирование: депутаты являлись представителями различных социальных групп и слоев белорусского общества.

Так, увеличение представителей рабочего класса в сравнении с колхозниками от выборов 1951 года к выборам 1985 года демонстрировало формирование индустриального уклада Белорусской ССР. После XX съезда КПСС, на котором был развенчан сталинизм, среди депутатов Верховного Совета, значительно уменьшилось число лиц, чьи зрелые годы пришлись на вторую половину 1930-х годов.

О возрастании значимости в жизни общества интеллигенции должно было свидетельствовать не только увеличение со II по XI созыв ее численного состава и удельного веса до с 4,8 % до 7,2 %, но и избрание ее представителей на высший государственный пост в республике – Председателя Верховного Совета. На протяжении одиннадцати созывов (1947–1990 гг.) на этой должности периодически друг друга сменяли представители Гомельского, Минского и Витебского регионов. Принадлежность формально первого лица Белорусской ССР к интеллигенции также предполагало его членство в рядах коммунистической партии.

В 1960-х годах на фоне «перехода» поста Председателя Верховного Совета от представителей партийной номенклатуры к интеллигенции, произошло усиление роли Президиума Верховного Совета, в ведении которого находилось решение наиболее значимых социальных и экономических вопросы.

В назначениях на пост председателя Президиума Верховного Совета можно увидеть циркуляцию секретарей ЦК КПБ и секретарей Минского горкома (обкома) КПБ, а также чередование уроженцев трех регионов: Гомельского, земель, входивших в состав довоенной Польши, Витебского.

Циркуляция партийной элиты в Верховном Совете имела ряд особенностей. Если в первых послевоенных созывах (1947 и 1951 гг.) ее основу составляли партизаны и ответственные работники, присланные из Москвы, то в последующих шести созывах доминирование первых стало превалирующим.

С развитием индустриализации республики наличие партизанского прошлого уже не являлось определяющим фактором при выдвижении в кандидаты депутатов, на передний план вышли хозяйственники. Именно они и возглавляли постоянные комиссии Верховного Совета, число которых неуклонно росло.

Ротация депутатского корпуса была значительна: от 76 % до 83,2 %. Это свидетельствовало, с одной стороны, о способности высшего органа государственной власти своевременно реагировать на динамичные изменения в белорусском обществе, с другой – демонстрации широкого представительства народных масс в парламенте, с третьей – неоправданно избыточной численности депутатов.

Невысокий уровень относительно стабильного состава парламента позволял обеспечить динамизм и преемственность в деятельности высшего законодательного органа власти. Граждане, неоднократно становившиеся депутатами Верховного Совета, как правило, принадлежали к двум различным по численности социальным группам: представители интеллигенции, чье творчество или достижения были известны и за пределами БССР; лица, занимавшие определенные должности в партийной, советской и хозяйственной номенклатуре.

Верховный Совет своеобразно формировался и по возрастному признаку. На его примере прослеживается концепция смены поколений. В первых созывах Верховного Совета (1938, 1947, 1951 год) доминировали депутаты, которые участвовали в установлении в республике советской власти и боролись с интервентами. В IV и V созывах (1955, 1959 год) на авансцену вышло поколение «комсомольцев-добровольцев».

В трех следующих созывах (1963, 1967, 1971 год) доминирует «молчаливое поколение», на чью жизнь оказало влияние репрессии, война, лишения, цензура. Его представители будут определять послевоенное развитие республики.

В X и XI созывах (1980, 1985 год) им на смену приходит «сломанное поколение», которое не познало ужасов войны, но пережившие реформы, внутри- и внешнеполитические кризисы 1960-х годов.

В трех созывах (1975, 1980, 1985 год) при изменениях, происходивших в возрастных группах «30–40 лет» и «40–50 лет», удельный вес категории «50 и старше» оставался практически неизменным. Объяснение феномена заключается в составе ее представителей: значительная часть из них, представлявших партийную номенклатуру, в большей степени и задавали ритм развития Белорусской ССР на очередной электоральный цикл.

Исследование возрастной группы «20–30 лет» депутатов Верховного Совета свидетельствует о наличии в ней волнообразных изменений: максимальная численность пришлась на первый созыв Верховного Совета, второй всплеск пришел на хрущевскую «оттепель» и третий – на горбачевскую перестройку. Если последние два связаны с изменениями в господствующей идеологии, то в основании первого всплеска лежит иная, идеологическая причина: демонстрация возрастающей роли белорусской молодежи в жизни довоенного общества, не причастной к «врагам» народа. Именно они после войны заняли доминирующие позиции в экономике и взяли политическую власть в республике до середины 1980-х годов.

Таким образом, депутатский корпус Верховного Совета Белорусской ССР отвечал статусу представительного органа власти, вместе с тем ключевые позиции в его составе отводились народным избранникам, занимавшим руководящие посты. Значительный удельный вес представителей КПСС среди них являлся свидетельством определяющей роли принадлежности к ней в изменении социального статуса гражданина.

Процесс формирования и функционирования высшего законодательного органа республики является примером проявления ряда циклически-волновых концепций («смена поколений», «циркуляция элит», «электоральный цикл»), которые отражали социальные и политические изменения, происходившие в жизни белорусского общества.

Список использованных источников и литературы

1. Ляхович-Петракова, Н. В. Трансформация политической элиты Беларуси в советский период / Н. В. Ляхович-Петракова // Бе-

лорусская государственность и развитие правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции: материалы респ. научн.-практ. конф. (Минск, 11–12 марта 2008 г.) / редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – С. 112–113.

2. Курьянович, А. В. Верховный Совет Белорусской ССР как парламент советского типа (1938–1990) / А. В. Курьянович // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Сер.: Истор. науки / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2014. – Вып. 14. – Ч. 1. – С. 160–167.

3. Худяков, А. В. Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: вторая половина XX в. / А. В. Худяков // Вес. Гродз. дзярж. ўн-та. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2022. – Т. 14. – № 3. – С.109–119.

В. У. Цацарын

ПАДРЫХТОЎКА ФАРМАЦЭЎТАЎ У ГОМЕЛІ НАПАЧАТКУ 1920-Х ГАДОЎ

Неабходнасць клопатаў пра здароўе насельніцтва – важная частка сацыяльнай палітыкі дзяржавы. Для савецкай улады гэта таксама было неабходна, тым больш, напачатку яе існавання, ва ўмовах грамадзянскай вайны, іншых падзей, выкліканых бурлівым часам. Добра падрыхтаваны медыцынскі работнік – важны складальнік у гэтым працэсе. І акрамя ўрачоў забяспечыць падтрыманне здароўя насельніцтва павінны былі фармацэўты.

У 1920-ых гадах у Гомелі дзейнічала прафесійна-адукацыйная ўстанова – Школа фармацэўтаў. Яе асноўнае займаемае памяшканне знаходзілася на куце вуліц Сялянскай і Замкавай.

8 студзеня 1924 года кіруючая арганізацыя прафесійнай адукацыі РСФСР (“Главпрофобр”) даслала ў Гомель “Палажэнне аб фармацэўтычнай школе”. Накірунак дзейнасці ў ім абазначаўся як падрыхтоўка кваліфікаваных работнікаў аптэк і сярэдняга фармацэўтычнага персанала для фармацэўтычных лабараторый і заводаў. Бюджэт школ павінен быў фарміравацца з наступных крыніц: дзяржаўныя асігнаванні, сродкі мясцовых выканкамаў (з губернскіх бюджэтаў), адлічэнні мясцовых аптэк і іншых зацікаўленых устаноў, даходы ад вытворчай дзейнасці школы, плата за навучанне.

Фармацэўтычныя школы павінны былі мець дапаможныя ўстановы (хутчэй за ўсё, маецца на ўвазе, лабараторны фонд, дзе навучэнцы маглі б удасканалваць свае практычныя навыкі).

Навучанне праходзіла два гады. На першы курс маглі быць залічаны асобы, не маладзейшыя за 16 гадоў, меўшыя ўзровень падрыхтоўкі не ніжэй за “курс перагого концэнтэра тэудовой школы второй ступени (семилетка)”. Паспяхова скончыўшыя фармшколы атрымлівалі адпаведнае пасведчанне. Тых, хто не выконваў вучэбны план, маглі па рашэнні Савета Фармшколы і з зацвярджэннем Прафадуку адлічыць (ці па тэрміналогіі тых часоў – звольніць) [1, арк. 7].

Не пазней за 1 студзеня 1925 года пры фармшколах павінны былі адкрывацца дадатковыя кароткатэрміновыя курсы. Адпаведны загад народны камісарыят аховы здароўя РСФСР распаўсюдзіў даволі загадзя – у кастрычніку 1923 года. Праводзіўся маніторынг аптэк на прадмет наяўнасці кваліфікаваных работнікаў (аптэчных памочнікаў, правізараў, фармацэўтаў). Даследванні паказалі, што падобных супрацоўнікаў яўна не хапае. Затое ёсць шмат асістэнтаў, аптэчных вучняў, практыкантаў і іншых людзей без прафесійнай кваліфікацыі, якія працавалі ў аптэках даўно, мелі добрую практычную падрыхтаванасць, дзякуючы саліднаму стажу. Згодна з уводзіўшыміся пастановамі такіх работнікаў патрэбна было звальняць, ці пераводзіць выключна на некваліфікаваную работу. Разуменячы, што гэта сур’ёзна ўдарыць па аптэчнай сферы, наркамат і прапанаваў для падобных катэгорый варыянт атрымання хуткіх пасведчанняў пасля заканчэння ўказаных курсаў. Падтрымаў прапанову і прафсаюз “Всемедикосантруд”. Прапаноўвалася прымаць на кароткатэрміновыя курсы тых супрацоўнікаў, хто меў стаж не менш, чым тры гады і працаваў пры гэтым на кваліфікаваных аптэчных пасадах. Кандыдат павінен быў атрымаць камандзіраванне ад мясцовага аддзела “Всемедикосантруд”. Акрамя гэтага, прэтэндэнт павінен быў прадэманстраваць пэўны ўзровень адукацыі – ў межах школы-семігодкі. Курсы планавалася арганізоўваць за кошт мясцовых бюджэтаў (з чым у Гомельскай губерні былі вялікія праблемы, асабліва пасля далучэнні значнай яе часткі да БССР) [1, арк. 1].

З 1923/1924 навучальнага года савецкія школы, у тым ліку і прафесійныя, сталі актыўна пераходзіць на новыя метады навучання і выкладання. У Гомельскай фармшколе таксама атрымалі Цыркулярны ліст № 2, у якім асвятляліся асновы новага падыходу. Адзначалася, у прыватнасці, што “навучэнец – гэта не аб’ект навучання і выхавання, а актыўная асоба, самастойна даследуючая, назіраючая і пазнаючая навуку”. Важна яго не вывучыць, а дапамагчы спасцігнуць метады навучання. Упор выкладчыкі павінны былі рабіць не столькі на “пазнаванне і распазнаванне матэрыяла”, а на сістэматычнасць і метадычнасць прапрацоўкі матэрыяла з навучэнцамі. Уводзіліся так званыя ўліковыя сесіі, якіх магло быць некалькі за год “па групах роднасных прадметаў”. Навучэнцаў прапаноўвалася ўключаць у такія віды

дзеинасці, як кружковая і клубная работы, выкананне пэўных творчых заданняў. Іх вынікі дэманстраваць на школьных выставах, прычым не рыхтавацца да іх спецыяльна, а выстаўляць работы, якія выконваліся “ў працэсе прапрацоўкі вучэбнага матэрыялу” [1, арк. 10–11].

7 красавіка 1923 года адбылося паседжанне Губернскага аддзела народнай адукацыі. На ім даволі эмацыйна выступіў загадчык Гомельскай фармшколы М. Быхоўскі. Ён адзначыў, што з-за недахопа фінансаў школу фармацэўтаў нават хацелі закрыць. Выратавала сітуацыю пастанова Галоўпрафадук і Наркамата аховы здароўя аб 1 %-ным адлічэнні для патрэб падобных навучальных устаноў ад даходаў мясцовых аптэк. Выкладчыцкі склад школы яе кіраўнік ацаніў высока. Былі ў школы фізічная і хімічная лабараторыі. Навучалася 105 чалавек. Наконт кароткатэрміновых курсаў Быхоўскі выказаўся адназначна: на маючайся базе іх адкрываць нельга, бо не хапае абсталявання і добрага хімічнага кабінету. Выказаў ён і просьбу павялічыць заробкі выкладчыкам. На гэта загадчык Губпрафаддзелу таварыш Макоўскі зазначыў, што прафсаюзы вылучаюць на заробкі дадатковыя грошы (гэты факт пацвярджаецца штомесячнымі пераводамі – В. Ц.), але самастойна гэтую праблему вырашыць не можа. На папрок аднаго з ўдзельнікаў, што школа амаль цалкам складаецца з “непралетарскага элементу”, Быхоўскі адзначыў, што гэта з’яўляецца вынікам таго, што навучэнцы вымушаны знаходзіцца на самазабеспячэнні [1, арк. 37].

Агучваў праблемы школы М. Быхоўскі і на паседжанні Губаддзела 17 красавіка 1923 года. Ён адзначыў, што фармацэўтаў Губернскі аддзел народнай адукацыі падтрымлівае слабей, чым астатнія прафшколы – асноўныя фінансы прадастаўляе прафсаюз, фармупраўленне і Губпрафадук. Хадайнічаў загадчык і пра прадастаўленне адзінага памяшкання, таму што праводзіць заняткі ў розных больш складана. Пры пэўнай дапамозе з набыццём абсталявання для лабараторый і кабінетаў выказаў гатоўнасць адкрыць кароткатэрміновыя курсы да восені [1, арк. 36].

Пэўную дапамогу школе ў красавіку аказалі. Хаця адзінага памяшкання не вылучылі, але дадаткова прадаставілі класы ў доме на куце Траецкай і Ліпавай вуліц. Праўда, там жа размяшчаліся інтэрнаты і класы школ друкароў і дрэваапрацоўшчыкаў [1, арк. 46].

Нягледзячы на цяжкасці, Гомельская школа фармацэўтаў існавала і давала пэўныя вынікі. Залічваліся навучэнцамі і потым размяркоўваліся выпускнікі ў асноўным з прымацаванай тэрыторыі (а з лета 1923 года гэта акрамя Гомельскай губерні РСФСР была і Беларусь [1, арк. 26]): Холмеч, Жлобін, Тураў, Чавусы, Клімавічы, Шклоў, Гомель, Рагачоў, Уваравічы, Чэрыкаў, Клінцы, Злынка, Горкі, Чачэрск,

Ветка, Навазыбкаў і інш. Адпраўляліся выпускнікі і ў больш аддаленыя ад Гомеля гарады – Курск, Ленінград, Кацярынаслаўль. Цікава адзначыць, што выпускніца Чарнякова выказвала жаданне ехаць у Амерыку, але ўсё ж адправілася ў Клінцы [2, арк. 1–104]. Выпускнікі, выказваўшыя пажаданні працягнуць навучанне далей у вышэйшых навучальных установах, атрымлівалі пасведчанні аб здадзеных прадметах у Гомельскай школе фармацэўтаў. Так, напрыклад, М. Л. Будзянская атрымала даведку для хімічнага факультэта Маскоўскага ўніверсітэта. Прычым, акрамя пераліку навучальных дысцыплін, даведка ўтрымлівала хадайніцтва да кіраўніцтва факультэта: “Гомельская Фармацэўтычная Школа просіць аб адтэрміноўцы экзамена для скончыўшай вышэйназваную школу з кваліфікацыяй “фармацэўта” т. Будзянскай М. Л., якая камандзіравана Гомельскім РСПС і Губаддзелам Саюза Усемедыкасанпраца на Хімічны факультэт. Спазнілася яна да экзамену з-за таго, што выпуск Школы скончыўся толькі 7 верасня” [3, арк. 32].

Адпраўляліся выпускнікі з Гомельскай фармшколы таксама ў вышэйшыя навучальныя ўстановы Кіева і Ленінграда.

Навучальны працэс у школе быў арганізаваны паводле правіл таго часу. Усе прадметы аб’ядноўваліся ў тры цыклавыя камісіі: прыродазнаўча-медыцынскую, хіміка-фармакалагічную і грамадскіх навук [2, арк. 112]. Самі ж прадметы вывучаліся як агульнаадукацыйныя, так і спецыяльныя. Да першых могуць быць аднесены руская мова (тут спалучаліся пісьмовыя работы з вывучэннем літаратурных твораў рускіх пісьменнікаў і паэтаў), алгебра, геаметрыя, трыганометрыя, гісторыя, палітэканомія, грамадазнаўства і фізіка. Да спецыяльных – хімія (неарганічная, арганічная, аналітычная і фармакалагічная), батаніка, заалогія, анатомія, фізіялогія, гігіена, лацінская мова, фармакалогія, фармакагнозія, фармацыя, аптэчная тэхніка і падача хуткай дапамогі ў няшчасных выпадках.

Калі прааналізаваць атрыманыя навучэнцамі адзнакі, то па-першае, агульная паспяховасць здачы экзаменаў складала каля 80 %. Перадчы былі, прычым, паспяховыя. Пакуль выпадкаў звальнення (адлічэння) не зафіксавана. З іншага боку, вельмі высокай паспяховасць не была. Ставілася дзве адзнакі: “здавальняюча” і “цалкам здавальняюча”. Здавальняючых адзнак было нашмат больш. “Круглых” выдатнікаў не было. А накіраванне на далейшае навучанне ў вышэйшыя навучальныя ўстановы ад якасці атрыманых адзнак, нават так бы мовіць, профільных дысцыплін, не залежала.

Такім чынам, нягледзячы на цяжкасці матэрыяльнага характару, гомельская школа фармацэўтаў працавала на добрым узроўні. Не ма-

ючы ўласнага трывалага памяшкання для вядзення заняткаў, сутыкаючыся з недахопам рэчываў для хімічнай лабараторыі, выкладчыкі (большасць з іх была прафесійнымі медыкамі, таму адносілася да сумяшчальнікаў) рыхтавалі кадры для аптэк не толькі Гомельскай губерні, але і для БССР. А некаторыя выпускнікі школы імкнуліся і да вышэйшай медыцынскай адукацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 40. Воп. 1. Спр. 3.
2. ДАГВ. – Ф. 40. Воп. 1. Спр. 1.
3. ДАГВ. – Ф. 40. Воп. 2. Спр. 1.

А. С. Чекулаева

ДУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ И КИТАЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Важной частью белорусско-китайских отношений является взаимодействие в сфере культуры. На современном этапе развития Республика Беларусь (далее – Беларусь) и Китайская Народная Республика (далее – КНР) рассматривают друг друга как «приоритетных и надежных стратегических партнеров во всех сферах международного сотрудничества, включая культурное сотрудничество» [1, с. 1]. При этом успех дальнейшего сотрудничества между странами зависит не только от уровня дипломатических и экономических отношений, но также и взаимодействия народов двух стран. Представление о Беларуси в Китае формируется не только в сфере «высокой» политики, но и на основании концепций китайских исследователей, изучение которых и обуславливает актуальность настоящей работы.

Обращаясь к истории белорусско-китайского сотрудничества в сфере культуры, китайские исследователи выделяют несколько этапов становления и развития.

На *первом этапе* (1992–2000 гг.) деятельность двух стран была направлена на создание договорно-правовой базы. Определяющую роль в сотрудничестве китайские авторы [2, с. 120] отводят визитам на высшем и высоком уровне. Президент Республики Беларусь А. Г. Лу-

кашенко в этот период посещал КНР с визитами в 1995, 1997 гг. В ноябре 1992 г. в Пекине было подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве в сфере культуры, которое стало основополагающим документом для последующих двусторонних соглашений в гуманитарной сфере. В сентябре 1998 г. в Минске между министерствами культуры Беларуси и КНР, в ходе официального визита китайской стороны, был подписан Протокол о сотрудничестве на период 1998–2000 гг.; в дальнейшем Протоколы о сотрудничестве подписываются на регулярной основе на следующий период. Основными формами культурного сотрудничества в этот период определены [3] взаимные гастроли художественных коллективов, выставки произведений изобразительного искусства и народного творчества. Так, Государственный академический ансамбль танца Беларуси гастролировал в КНР в 1996, 1997, 1998, 2000 гг. а труппа Пекинской оперы выступала в 1999 г. во время празднования 50-летия образования КНР.

На *втором этапе* (2001–2005 гг.) постепенно усиливается «культурное взаимодействие между Беларусью и Китаем» [3, с. 4]. При этом важную роль продолжают играть визиты на высшем и высоком уровне; многие китайские авторы отмечают, что плодотворные результаты сотрудничества в сфере культуры были связаны с развитием дипломатических отношений двух стран [4]. В апреле 2001 г. в ходе государственного визита Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в КНР были подписаны несколько соглашений, в том числе Соглашение о сотрудничестве между Белорусским обществом дружбы и культурной связи с зарубежными странами и Китайским народным обществом дружбы с границей. В июле 2001 г. состоялся официальный визит в Беларусь Главы КНР Цзян Цзэмина. Культурное сотрудничество в этот период выражается в подписании межведомственных договоров о сотрудничестве, в организации фестивалей национальных культур, в налаживании побратимских связей между городами и регионами двух стран. Так, Национальный художественный музей Беларуси в 2002 г. заключил Договор о сотрудничестве с Всекитайским союзом художников, а в 2003 г. – Соглашение о сотрудничестве с Национальным художественным музеем Китая. Важным шагом в укреплении культурного взаимодействия, по мнению китайских специалистов [4], стало поочередное – один раз в два года – проведение дней культуры на взаимной основе: с 1999 г. в КНР – Дней культуры Беларуси, с 2000 г. в Беларуси – Дней культуры КНР.

На *следующем этапе* (2006–2012 гг.) происходит активизация и постепенный переход от «формальных дипломатических отношений

к стратегическому партнерству» [3, с. 5]. В ходе государственного визита в КНР Президента Беларуси А. Г. Лукашенко в декабре 2005 г. была принята Совместная декларация, одним из пунктов которой являлась готовность сторон к расширению связей в сфере культуры путем увеличения взаимных контактов деятелей литературы и искусства, взаимного проведения Дней национальной культуры и выставок искусства. Китайскими авторами [5, с. 36] отмечается, что культурная дипломатия становится важной частью внешней политики КНР: Китай активно развивает стратегию «культурной мягкой силы». Культурное взаимодействие в 2006–2012 гг. стало более содержательным: была дополнена договорно-правовая база, культурные мероприятия стали проводиться чаще, были реализованы новые виды сотрудничества: взаимное проведение кинофестивалей, участие китайских исполнителей в «Славянском базаре» в Витебске [6] и т.д.

На *четвертом этапе* (2013 г.– настоящее время) между Беларусью и Китаем установлено стратегическое партнерство по основным направлениям сотрудничества, в том числе в сфере культуры. В июле 2013 г. по итогам официального визита А. Г. Лукашенко в КНР была подписана Совместная декларация об установлении всестороннего стратегического партнерства, в которой в качестве приоритетов было отмечено, в том числе, сотрудничество в культурной сфере. В ходе официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь в мае 2015 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, в котором уделялось внимание развитию сотрудничества в области культуры, и был решен вопрос о взаимном создании Центров культуры Беларуси и Китая. Китайскими авторами отмечается, что с 2014 г. также началась «институционализация отношений» [5] – был создан Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству, в составе которого была организована комиссия по образованию и культурному сотрудничеству. Важную роль в распространении культуры исследователи [7] отводят Белорусско-китайским центрам межкультурной коммуникации, созданным на базе Института иностранных языков в г. Далянь (КНР) и филологических факультетов БГУ, БГПУ им. М. Танка, Китайскому центру культуры, открывшемуся в Минске в 2016 г., и Белорусскому культурному центру в Пекине – в 2017 г.

В то же время китайские авторы видят и возможные проблемы культурного взаимодействия, такие как: существенная разница в мировоззрении и обычаях, отсутствие общей культурной основы между народами двух стран; различия в культурных ценностях китайской и белорусской молодежи; нехватка специалистов в сфере организации меж-

культурных проектов; недостаточная подготовка преподавателей китайского языка [8, с. 44]. Кроме того, китайские специалисты отмечают негативное влияние западного мнения, когда отдельные западные силы распространяют так называемую «теорию китайской угрозы» [8, с. 43]. Китайские авторы уверены в необходимости развития культурных контактов РБ и КНР с целью смягчения этих возможных противоречий, и предлагают «методы и стратегии» [8] по преодолению межкультурных различий и развитию двусторонних гуманитарных связей.

Таким образом, в культурном сотрудничестве Беларуси и Китая китайские исследователи выделяют четыре периода развития: 1992–2000 гг., 2001–2005 гг., 2006–2012 гг. 2013 г. – по настоящее время. Развитие сотрудничества на первом и втором этапах китайскими авторами определяется политической волей лидеров стран и взаимной заинтересованностью сторон; на третьем этапе – активизацией «культурной мягкой силы» во внешней политике КНР и взаимным стремлением обеих стран к сотрудничеству; на современном этапе – продвижением Китаем инициативы «Один пояс, один путь» и позитивным участием в ней Беларуси.

На всех этапах сотрудничество в сфере культуры определено динамичным развитием белорусского общества и белорусской культуры; активным продвижением на мировой арене культуры Китая; развитием дипломатических отношений между странами и формированием научно-обоснованной культурной политики обеих сторон. Кроме того, китайскими исследователями отмечается, что вначале 1990-х гг. белорусская культура воспринималась международным сообществом как часть советской и русской. Культурная политика белорусского государства, ориентированная на налаживание межкультурного сотрудничества с другими странами, активизация дипломатических отношений способствовали включению белорусской культуры в полноправный межкультурный диалог.

Список использованных источников и литературы

1. Лэй, С. Формы презентации искусства Китая и Беларуси в процессе двустороннего сотрудничества : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.09 / С. Лэй. – Минск, 2018. – 23 с.
2. 赵会荣. 对中国与白俄罗斯关系的分析与思考 / 赵会荣 // 国外理论动态. – 2017年. – 第11期. – 第 120–127 页 (Хуэйжун, Ч. Анализ

отношений Китая и Беларуси / Ч. Хуэйжун // Зарубежные теоретические разработки. – 2017. – № 11. – С. 120–127).

3. Юй, В. Взаимодействие Беларуси и Китая в сфере культуры на современном этапе: детерминанты, направления и перспективы : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / В. Юй. – Минск, 2018. – 23 с.

4. 赵会荣. 中白教育合作的现状与前景 / 赵会荣 // 俄罗斯学刊. – 2017年. – 第5期. – 第54–60页 (Чжао Хуэйжун. Состояние и перспективы сотрудничества Китая и Беларуси в области образования / Ч. Хуэйжун // Академический журнал исследований России. – 2017. – № 5. – С. 54–60.

5. Инцзе, С. Китайско-белорусское взаимодействие в области культуры (1992–2018 гг.) / С. Инцзе // Журнал международного права и международных отношений. – 2018. – № 3–4 (86–87). – С. 33–40.

6. 文化领域合作 [Электронный ресурс] (на кит. яз.) // Белорусско-китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. – Режим доступа: http://www.belaruschina.by/cn/belarus_china/relations/present/humanitarian/sotrudnichestvo-v-oblasti-kultury.html. – Дата доступа: 29.09.2023.

7. Фэй, Л. Диверсификация социокультурной коммуникации государственных и общественных институций Республики Беларусь и КНР : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Л. Фэй. – Минск, 2021. – 23 с.

8. 吴荣兰. “一带一路”背景下的中白文化交流与合作 / 吴荣兰, 章 // 浙江树人大学学报. – 2018年. – 第6期. – 第41–46页 (Жунлань, У. Белорусско-китайские культурные связи и сотрудничество в контексте инициативы «Один пояс – один путь» / У Жунлань, Ч. Цин // Вестник Чжэцзянского университета Шужэнь. – 2018. – № 6. – С. 41–46).

О. Г. Яценко

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОЖАН БССР

«Железный занавес» как явление политической жизни, оказавший огромное воздействие на все сферы развития советского общества, стал также фактором, повлиявшим на быт населения СССР. Ученые, изучающие политические системы, международные отношения,

экономику и другие аспекты всемирной истории XX века уделили «железному занавесу» надлежащее внимание, это отразилось в ряде солидных публикаций, широком обсуждении в научных кругах. Однако сюжет, связанный с показом последствий «железного занавеса» для повседневности затрагивался крайне не достаточно и не выступал самостоятельным для исследования на материалах культурно-бытовых процессов в городах БССР.

Характеристика влияния «железного занавеса» на повседневность горожан БССР возможна с привлечением различных источников – архивных, фотодокументов и пр., в их числе следует особо выделить воспоминания современников.

Одним из важных способов привлечения внимания общественности к теме на современном этапе стали радио- и телепередачи, в которых в игровой, диалоговой форме затрагивается история советской повседневности. На страницах периодики, в разговорных передачах и программах, посвященных советскому прошлому, ведущие прибегают к актуализации проблемы дефицита и пополнению быта изделиями, произведенными и/или ввезенными в Советский Союз из-за рубежа. В этих случаях популяризация темы в обществе и обращение к любопытным бытовым деталям минувшей эпохи также придает важность научному анализу материалов с целью избежать искажения исторической действительности.

Особого профессионального изучения требует сложившийся в советском обществе стереотип о высоком качестве, почти идеальном изготовлении предметов в зарубежных, особенно капиталистических странах. К этому же ряду относятся и представления советских людей о повседневности за пределами советской страны, формировавшиеся у них на основе просмотра зарубежных и советских кинофильмов, ознакомления с «глянцевыми» журналами. Большую роль в формировании исключительно позитивного представления о культуре и повседневной жизни в далеких странах имели устные свидетельства современников, выезжавших в зарубежные командировки или на отдых, в порядке исключения посещавшие родственников в других государствах. Вместе с тем известно, что на эту оценку повлиял ряд не только объективных обстоятельств, но также и меры, которые принимались при проведении закупок товаров за рубежом. При выборе товароведы для поставки в СССР должны были руководствоваться высокими требованиями, отдавая предпочтение только самым лучшим вещам и пр. После доставки импорта на распределительные базы в Советский Союз проводилась их экспертная оценка, выявление малейшего брака,

как отдельные изделия, так и целые партии возвращались поставщикам. В 1982 г. на Минской торговой базе оказались шляпы из ГДР, югославские женские велюровые пальто с мехом, польские детские пальто, индийские джинсы. Было достаточно выпадения нескольких кнопок на мужских пальто из Польской Народной Республики, некачественной обметки петель и пятен красителя на румынских сорочках, чтобы товар был выбракован [1, л. 8–9, 11, 28, 34, 47, 48, 53 и др.]. Но горожане БССР, выступавшие в качестве потребителей, видели в системе торговли только отсортированные лучшие образцы, это также способствовало созданию превратного представления о бытовой культуре за «железным занавесом».

Однако «железный занавес» не был абсолютно непроницаемым. Государством поддерживались культурные контакты, обмены делегациями, которые в крайне малых масштабах, но все же содействовали разрушению барьеров в общении, а также параллельно давали скромные возможности для знакомства с бытовыми условиями жизни за рубежом.

Включение в бытовую обиход импортных вещей и приобщение к достижениям бытовой культуры мирового сообщества происходило и в процессе поставок в Советский Союз изделий из стран социалистического содружества и других государств. Такие вещи систематически поступали в торговую сеть, но их количество было ограничено, а ассортимент менялся в зависимости от общей картины международного сотрудничества и зависел от множества причин. Из стран афро-азиатского мира поставлялись бананы и грейпфруты, апельсины. Горожане время от времени получали возможность приобретать в ограниченных объемах как дефицитный товар болгарские и венгерские консервированные фрукты и овощи, соки и вина из разных стран и многое другое. Товары, изготовленные не только в странах социалистического содружества, но и в капиталистических странах были знакомы советскому покупателю: итальянская и финская обувь, японские куртки, французские духи, немецкая фотоаппаратура. Довольно разнообразным был поток вещей из Китая до момента складывания напряженных отношений на межгосударственном уровне. Это были китайские термосы, полотенца, сумки, зонтики и другие вещи, которые пополняли гардероб и использовались в повседневной жизни. По воспоминаниям горожан старших поколений, китайская продукция прежних десятилетий отличалась привлекательным внешним видом и высоким качеством [2, с. 786–787].

В своих воспоминаниях жителей бывшего СССР отмечали конкретные факты присутствия в их быту предметов, привезенных из-за рубежа, импортных вещей, приобретенных по знакомству, «по благу»,

«из-под прилавка» (в терминологии названной эпохи). Распространением предметов зарубежного производства занимались фарцовщики [3, с. 361–362]. Эти лица нелегально покупали товары у иностранцев и затем перепродавали их. Сеть магазинов «Березка» предназначалась для реализации товаров за валюту, имевшую ограниченное хождение.

Постоянной темой высказываний опрошенных горожан о мире вещей является описание способов «доставания» предметов, огромный интерес к зарубежной кинопродукции, музыкальным пластинкам, спортивным атрибутам, инструментарию, бытовой технике, а также фото и видеопродукции. Во многом схожи по содержанию рассказы о длинных очередях, записях на очередь для приобретения товара, приобретении товаров на «черном рынке», привозе вещей знакомыми и родственниками, выезжавшими за рубеж, поездках в крупные города СССР, столицы союзных республик, а также Ленинград и Москву за покупками.

Наличие «железного занавеса» в совокупности с недостаточными масштабами производства в союзных республиках предметов первой необходимости и часто их невысоким качеством, неполной компенсацией дефицита за счет закупок импорта обусловили распространенность и популярность изготовления вещей своими руками. Различные кружки «Умелые руки», любительский пошив на дому, вязание и пр. в некоторой степени восполняли отсутствие предметов гардероба, домашней утвари и предметов интерьера.

После Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 г., знакового события как проведение Олимпиады в 1980 г. и других происходила корректировка представлений о зарубежье, в том числе и о бытовой культуре за пределами Советского Союза. В нескольких высших учебных заведениях БССР (например, в Минском государственном педагогическом институте иностранных языков) обучался ограниченный контингент иностранных студентов, более близкий контакт молодежи приводил к узнаванию традиций и обычаев других народов, часть общения происходила на бытовом уровне.

Редкие туры за границу по линии «Интуриста» также выступали связующим звеном горожан БССР и жителей зарубежных стран. Хотя программы деловых встреч, посещения достопримечательностей строились для группового общения и экскурсий, как и короткие визиты в торговые сети для приобретения сувенирной продукции и вещей, все же у жителей БССР появлялось собственное представление о повседневности иностранных граждан.

Также стало модным подражание образцам массовой культуры, стремление быть похожим в манере одеваться, иметь в целом внешний вид, взяв за основу образцы западной моды. В опросах горожане

отмечали, что делали прически, шили платья и другие элементы костюма, хотели стать похожими на образы героев и героинь из знаменитых зарубежных кинофильмов.

Таким образом, жители городов БССР испытывали воздействие «железного занавеса» в бытовой сфере. Его наличие влияло на недоступность ряда предметов, которые не производила промышленность в СССР, предопределило попытки подражания лучшим образцам товаров на мировом рынке. Следствием отсутствия широкого и открытого доступа к импортной продукции стала выработка компенсаторных форм – создание вещей собственными руками. Однако ознакомление с бытовой культурой населения за пределами Советского Союза содействовало и само государство, организуя поставки определенного ассортимента продукции из-за рубежа, закупая для показа киноленты, приглашая для выступлений иностранных исполнителей на концерты, а также развивая индустрию туризма.

Список использованных источников и литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 117. Оп. 8а. Д. 20.
2. Яшчанка, А. Р. Добраўпарадкаванне і сфера паслуг у гарадах Беларусі ў савецкі перыяд і на сучасным этапе / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 4. Культура XX – пачатку XXI ст. / А. І. Лакотка [і інш.] ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Беларус. навука, 2017. – С. 750–797.
3. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей : Советская повседневность : Контуры, символы, знаки / Н. Б. Лебина. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2006. – 444 с.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Абраменко Елена Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета.

Аксёнаў Аляксандр Мікалаевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры права і эканамічных тэорый «Беларускі гандлёва-эканамічны ўніверсітэт спажывецкай кааперацыі».

Бачыла Ірына Генадзьеўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры этналогіі, музеалогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Бодрыкаў Яўгеній Аляксандравіч, магістр, аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Боярчук Татьяна Николаевна, заместитель декана по воспитательной работе факультета истории, коммуникации и туризма, старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Везарко Владислав Андреевич, магистр исторических наук, младший научный сотрудник отдела археологии и охраны историко-культурного наследия ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль».

Головач Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова».

Грищенко Ирина Адамовна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого».

Даўгач Таццяна Валянцінаўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, старшы навуковы супрацоўнік ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі».

Дзянісаў Максім Мікалаевіч, магістр, аспірант ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі».

Длугаш Дмитрий Александрович, магистр по специальности «Государственное управление и право», заместитель начальника ИУ «Исправительная колония №8» Управления ДИН МВД по Витебской области.

Друзенюк Ольга Владимировна, магистр, ассистент кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Дубінін Дзмітрый Уладзіміравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка».

Елизаров Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор УО «Гомельский государственный университет имени П. О. Сухого».

Ерашэвіч Аляксандр Уладзіміравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры эканамічнай гісторыі УА «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт».

Зенченко Сергей Валентинович, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин исторического факультета УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка».

Калачова Ирына Іванаўна, доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры сацыяльнай камунікацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Корникова Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Куксо Аркадий Михайлович, магистр технических наук, проректор по безопасности, режиму и кадрам УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Кулевич Инна Расціславаўна, кандыдат гістарычных навук (г. Гродна).

Купрэева Юлія Святаславаўна, дырэктар ДУ «Музей гісторыі горада Гомеля».

Кухаронак Таццяна Іванаўна, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, старшы навуковы супрацоўнік філіяла «Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора імя Кандрата Крапівы» ГНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі».

Лішай Дзмітрый Уладзіміравіч, магистр гістарычных навук, навуковы супрацоўнік аддзела гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX стагоддзяў ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі».

Мельникова Алесья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова».

Мігун Дзмітрый Адамавіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі ДУА «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы».

Міхайлец Міхаіл Анато́льевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Міхедзька Валянцін Аляксеевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны».

Моторова Надежда Сергеевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурного наследия УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Навагродскі Тадэвуш Анто́навіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Петухов Александр Васильевич, магистр исторических наук, ведущий архивист отдела научного использования документов и информации «Государственный архив Могилевской области».

Пилецкий Виктор Александрович, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра науки и архивного дела ГНУ «Институт истории НАН Беларуси».

Репин Виталий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета.

Садоўская Бажэна Іванаўна, магістр, аспірант кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы».

Селях Аксана Аляксандраўна, магістр, аспірантка кафедры этналогіі, музеалогіі і гісторыі мастацтва гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Соколов Александр Сергеевич, старший преподаватель кафедры экологии УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Старовойтов Михаил Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», доцент.

Степура Алина Олеговна, методист Национального детского образовательно-оздоровительного центра «Зубренок».

Тыкун Станислав Игоревич, магистр, ассистент кафедры истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

Улейчик Наталья Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и славянской истории УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Хамутовская Светлана Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом социологии государственного управления ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси».

Худяков Андрей Валерьевич, кандидат политических наук, главный специалист ГУ «Научно-практического центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Цацарын Вячаслаў Уладзіміравіч, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны».

Чекулаева Анастасия Сергеевна, магистр, аспирантка исторического факультета Белорусского государственного университета.

Юрис Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела довузовской подготовки УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого».

Ященко Оксана Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

ЗМЕСТ

Абраменко Е. Г. Трансформация института парламентаризма в Республике Беларусь на рубеже XX – XXI веков....	3
Аксёнаў А. М. Гісторыя спажывецкай кааперацыі ў кантэксце нацыятворчых і дзяржаўна-палітычных працэсаў беларускага грамадства (канец XIX – першая палова XX стагоддзя).....	8
Бодрыкаў Я. А. Дабрачынная дзейнасць прадстаўнікоў мясцовай арыстакратыі і дваранства па падтрымцы пацярпелых ад вайны на тэрыторыі беларускіх губерняў у 1914–1917 гадах..	12
Боярчук Т. Н. Предпосылки и формы объективации межэтнической толерантности в современном социокультурном пространстве Республики Беларусь.....	17
Везарко В. А. Детская преступность в Гомеле в начале XX века: масштаб, причины и способы противодействия (по материалам газетных изданий).....	22
Головач Е. И. Рассмотрение вопроса о введении всеобщего обучения в Государственной думе Российской империи.....	27
Грищенко И. А., Юрис С. А. Священномученик Митрофан (Краснопольский): некоторые страницы Архипастырского служения в Беларуси.....	30
Даўгач Т. В. Беларускі горад XIX стагоддзя ў святле эга-дакументаў.....	35
Дзянісаў М. М. Навукова-тэхнічныя сувязі аддзела механікі палімераў АН БССР і прадпрыемстваў БССР і СССР у 1960-я гады.....	41
Длугаш Д. А. О нелегитимности деятельности «Армии Крайовой» на территории БССР во время Великой Отечественной Войны и после ее окончания.....	44
Друзенюк О. В. Старообрядцы в БССР: к вопросу о взаимодействии с местным населением (середина 1940-х – середина 1960-х годов).....	49
Дубінін Д. У. Этнаграфічныя музеі пад адкрытым небам як сродак дэманстрацыі і вывучэння нацыянальнай культуры беларусаў.....	54
Елизаров С. А. Административно-территориальное деление Гомельщины (1944–1991 гады).....	58
Ерашэвіч А. У. Урадавая грашовая дапамога службоўцам грамадзянскага ведамства ў беларускіх губернях Расійскай імперыі ў 1830–1850-х гадах	62

Зенченко С. В. Трансформация национальной идентичности в контексте миграции.....	68
Калачева И. И. Основные направления формирования исторической памяти студенческой молодёжи в коммуникативных практиках.....	74
Корникова Н. В. Посещение памятников и мемориалов Беларуси, посвященных Великой Отечественной войне, представителями интеллигенции Гомельщины в XXI веке...	79
Куксо А. М. Первые дни Великой Отечественной войны в истории советской авиации: из хроники событий на территории Западного особого военного округа.....	83
Кулевіч І. Р. Вытокі беларускага нацыянальнага руху ў польскай гістарыяграфіі.....	88
Купрэва Ю. С. Выставачныя фотапраекты Музея гісторыі горада Гомеля як крыніцы для вывучэння і папулярызацыі традыцыйнай культуры беларусаў.....	93
Кухаронак Т. І. Роля сямейна-радавой памяці ў захаванні і трансляцыі святочна-абрадавых традыцый на Гомельшчыне..	97
Лішай Д. У. Выкарыстанне беларускай мовы ў брашурах Польскай сацыялістычнай партыі ў 1902–1903 гадах.....	103
Мельникова А. С. Народные социалисты и эсеры в общественно-политической жизни белорусских губерний весной – летом 1917 года.....	107
Мигун Д. А. Командировки белорусских ученых в Германию в 1920-е годы.....	111
Міхайлец М. А. Асаблівасці захавання этнакультурнай спадчыны ў рамках канвенцыі 2003 года.....	115
Міхедзька В. А. Праблема вызначэння нацыянальнай прыналежнасці беларускага насельніцтва Паўночна-Заходняга края ў кантэксце ўрадавай палітыкі 60-х гадоў XIX – пачатку XX стагоддзя.....	122
Моторова Н. С. Развитие социального страхования в белорусских губерниях в начале XX века.....	127
Наваградскі Т. А., Бачыла І. Г. Уклад Ганны Мікалаеўны Курьловіч у этнаграфічнае вывучэнне Беларусі.....	132
Петухов А. В. Участие Министерства трудовых резервов СССР в решении кадровых проблем промышленности БССР в 1944 – 1950 годы.....	136
Пілецкі В. А. Пра гістарыяграфію XIX–XXI стагоддзяў абраду “Абвяшчэння” у гісторыі хрысціянства.....	140

Репин В. В. Чешские переселенцы на территории юго-восточной Беларуси в 1860-е годы.....	146
Садоўская Б. І. Дзейнасць педагагічных курсаў па падрыхтоўцы настаўнікаў-грамадазнаўцаў у БССР у 1920-я гады.....	151
Селях А. А. Моладзь і сельская грамада: спецыфіка дачыненняў у другой палове ХХ стагоддзя (на прыкладзе заходне-палескай вёскі).....	155
Соколов А. С. Формирование и развитие культа В. Калиновского в советский и постсоветский периоды.....	160
Старовойтов М. И. Изменения в профессиональной структуре сельского социума Гомельщины и Мозырщины в 1920-е – 1930-е годы.....	166
Степура А. О. Деятельность краеведческих и поисковых объединений учащихся и студентов по увековечению памяти о Великой Отечественной войне в Республике Беларусь.....	173
Тыкун С. И. Деятельность комсомольских и пионерских организаций Гомеля в преддверии 30-летнего юбилея победы в Великой Отечественной войне.....	176
Улейчик Н. Л. Культурная среда губернского Гродно в XIX веке.....	180
Хамутовская С. В. Основные признаки белорусской государственности в «зеркале» общественного мнения населения Республики Беларусь.....	185
Худяков А. В. Формирование и функционирование Верховного Совета Белорусской ССР: циклически-волновой подход.....	188
Цацарын В. У. Падрыхтоўка фармацэўтаў у Гомелі напачатку 1920-х гадоў.....	192
Чекулаева А. С. Двустороннее сотрудничество Беларуси и Китая в сфере культуры: по материалам китайских исследователей.....	196
Ященко О. Г. «Железный занавес» как фактор развития бытовой культуры горожан БССР.....	200
Звесткі пра аўтараў	205

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ У ГІСТАРЫЧНАЙ РЭТРАСПЕКТЫВЕ
XIX–XXI СТАГОДДЗЯЎ:
ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ
І НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНЫЯ ПРАЦЭСЫ**

Матэрыялы Рэспубліканскай
навуковай канферэнцыі

(Гомель, 26 кастрычніка 2023 г.)

Падпісана да друку 21.12.2023. Фармат 60x84 1/16.

Папера афсетная. Рызаграфія.

Ум. др. арк. 12,79. Ул.-выд. арк. 13,98.

Тыраж 30 экз. Заказ 696.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі

“Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”.

Спецыяльны дазвол (ліцэнзія) № 02330 / 450 ад 18.12.2013 г.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вырабніка,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў у якасці:

выдаўца друкаваных выданняў № 1/87 ад 18.11.2013 г.;

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 3/1452 ад 17.04.2017 г.

Вул. Савецкая, 104, 246028, Гомель.

